

К 200-летию

Института востоковедения РАН

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

В. В. ВОРОБЬЕВ

**ПРАВЛЕНИЕ В ПАКИСТАНЕ
М. ЗИЯ УЛЬ-ХАКА:
ОСОБЕННОСТИ
И ПОСЛЕДСТВИЯ**

МОСКВА
2018

Ответственный редактор:
д.и.н., проф. В.Я. Белокреницкий

Воробьев В. В.

В 75 Правление в Пакистане М. Зия уль-Хака: особенности и последствия / отв. ред. В. Я. Белокреницкий; Институт востоковедения РАН. – М.: ИВ РАН, 2018. – 240 с.

ISBN 978-5-89282-808-6

В книге рассматриваются основные черты и особенности правления военного диктатора М. Зия уль-Хака (1977–1988), которые содействовали формированию особого политического наследия, доставшегося Пакистану после его смерти, а также влияние его правления на дальнейшее развитие страны. Основное внимание сфокусировано на изучении процесса постепенного преодоления многих негативных социально-экономических и политических явлений, как непосредственно, так и косвенно связанных с деструктивным курсом третьего по счету военного режима. В работе предложен авторский взгляд на специфику исторического развития Пакистана с 1977 по 2017 гг. Проведен сравнительный анализ военных режимов генералов М. Зия уль-Хака (1977–1988) и П. Мушаррафа (1999–2008), периодов «демократического просвета» (1988–1999) и пребывания у власти гражданских правительств ПНП и ПМЛ(Н) (2008–2017). Изучена роль исламского фактора в общественно-политической жизни страны в рассматриваемый период.

Книга рассчитана на студентов, аспирантов, специалистов по Пакистану, другим странам Южной Азии и Среднего Востока, широкий круг читателей, интересующихся современной политической ситуацией и международными отношениями в Азии.

Содержание

Введение.....	6
Глава I. Период правления М. Зия уль-Хака – исламизация страны (1977–1988 гг.)	9
§ 1. Роль армии в пакистанском обществе	9
§ 2. Исламизация страны	17
§ 3. Вооруженный конфликт в Афганистане и отношения с Индией	32
Глава II. «Зияульхаковское наследие» в период «демократического просвета» (1988–1999 гг.)	51
§ 1. Положение военных в стране.....	52
§ 2. Кризис в Синде	67
§ 3. Религиозный фактор в общественно-политической жизни страны	74
§ 4. Международный аспект исламизма	84
Глава III. Военные режимы генералов П. Мушаррафа (1999–2008 гг.) и М. Зия уль-Хака: сходства и отличия.....	100
§ 1. Господство армейской верхушки	101
§ 2. «Просвещенная умеренность».....	117
§ 3. Афганский и индийский векторы внешней политике Пакистана.....	140
Глава IV. Влияние правления Зия уль-Хака на развитие страны при гражданских правительствах ПНП и ПМЛ(Н) (2008–2017 гг.)	155
§ 1. Взаимоотношения гражданских и военных в современном Пакистане	156
§ 2. Проблема исламского экстремизма.....	173
§ 3. Пакистано-индийские и пакистано-афганские отношения	190
Заключение	209
Библиография.....	223

ВВЕДЕНИЕ

После обретения независимости в странах Азии и Африки политические системы и механизмы государственного управления формировались как под влиянием опыта их бывших метрополий, так и ряда местных исторических, культурных и социально-экономических особенностей. В итоге это привело к складыванию уникальных по своему характеру конфигураций власти, для которых характерно сочетание западной политической модели с местными традициями и обычаями. Из-за отсутствия предпосылок для нормального развития партийной системы на передний план выдвигались нетрадиционные политические игроки. Один из них — вооруженные силы, функции которых в большинстве афро-азиатских государств выходили далеко за рамки их конституционных обязанностей. Во многих случаях армия оказывала значительное влияние не только на принятие политических решений, но и на сам процесс становления государственности ряда стран, выступала в роли руководящей силы и «двигателя» социально-экономического и политического развития. Другим нетрадиционным политическим актором, пытавшимся воздействовать на сферу государственного управления в преимущественно мусульманских странах, выступали деятели религиозного толка, позиции которых еще сильнее укрепились вследствие начавшейся в 1970-х гг. новой волны исламского возрождения. В результате для большинства стран афро-азиатского региона характерны острая борьба за власть между лидерами основных политических партий и военным истеблишментом, которая сопровождается неоднократной сменой правительств, а также противостояние между секуляристской частью правящих кругов, с одной стороны, и исламистскими партиями (в союзе с радикалами), стремящимися утвердить влияние ислама во всех сферах общественной деятельности, с другой, за выбор модели развития.

Особенно это касается Пакистана, где на протяжении всей истории страны наблюдалась идейно-политическая поляризация общества по линии «гражданские — военные» и «светски мыслящие — правоконсервативные круги». При этом усилению

данного феномена в значительной степени содействовал период правления военного режима М. Зия уль-Хака (1977–1988 гг.), на который пришелся пик господства армии и подъем исламистских настроений в стране.

Общеизвестно, что последствия многих наблюдаемых в Пакистане процессов и явлений выходят за пределы его национальных границ, а их влияние особенно ощутимо в рамках южноазиатского и центральноазиатского регионов. Это обуславливает научно-практический интерес к положению дел внутри данного государства со стороны академических и политических кругов зарубежных стран, в том числе и России. Детальное изучение такого ключевого этапа истории Пакистана, как период правления генерала М. Зия уль-Хака, определившего направление его дальнейшего внутривнутриполитического развития, способствует более глубокому пониманию логики событий, происходящих в настоящий момент в стране. Оно также позволяет выработать прогнозы относительно будущего пакистанского государства.

Несмотря на наличие большого числа трудов и исследований отечественных и зарубежных авторов, в которых детально проанализирована эпоха режима М. Зия уль-Хака, ранее не осуществлялось сходного с предпринятым в работе комплексного изучения влияния правления военного диктатора на дальнейшее развитие Пакистана с акцентом на современном этапе истории страны.

В данной работе отмечаются основные черты и особенности исторического развития Пакистана (1977–2017 гг.), проводится сравнительный анализ военных режимов М. Зия-уль-Хака (1977–1988 гг.) и П. Мушаррафа (1999–2008 гг.), а также периодов т. н. «гражданского» правления (1988–1999 гг. и 2008–2017 гг.), изучается роль религиозного фактора в жизни пакистанского общества, подробно рассматриваются механизм отправления государственной власти на каждом отдельном историческом этапе, а также участие традиционных и нетрадиционных политических акторов в процессе государственного управления. Особое внимание уделяется анализу тех процессов и явлений общественной жизни страны, которые уходят своими корнями в период правления военного диктатора М. Зия уль-Хака.

Библиографическую основу монографии составляют научные труды и аналитические работы отечественных исследователей – В.Я. Белокреницкого, Ю.В. Ганковского, И.В. Жмуды, Н.А. Замараевой, С.Н. Каменева, В.Н. Москаленко, О.В. Плешова, И.Н. Серенко, О.П. Чекризовой, Т.Л. Шаумян –, посвященных истории, политике, экономике и социологии, проблематике исламизма и демократии в Пакистане, отношениям Пакистана

с Индией и Афганистаном, а также вопросам национальной безопасности страны. Для анализа пакистанских реалий с учетом уже разработанных обобщенных моделей и понятий, применяемых при исследовании различных аспектов жизни афро-азиатских обществ, целесообразно ознакомиться с общетеоретическими положениями и научными концепциями, содержащимися в трудах отечественных востоковедов по проблемам политического развития в странах Востока – А.Д. Воскресенского, А.Ю. Мельвиля, Г.И. Мирского, В.В. Наумкина, В.А. Федорова и др. При написании работы автором широко применялся фактологический материал и оценки, представленные в трудах выдающихся зарубежных экспертов и специалистов по Пакистану Л. Гэйера, О.Б. Джонса, Д. Какса, С.Ф. Коэна, А. Ливена, К. Лэмба, К. Скофилд, И. Тэлбота, пакистанских и индийских авторов С. Дж. Бурки, Дж.Н. Дикшита, А. Мишры, И. Малика, М.Б. Накви, К. Наяра, А. Рашида, М. Раджавата, П. Свами, А. Сиддики, Р.Г. Соуня, Х. Хаккани и З. Хуссейна. В целях проведения более детального и углубленного анализа затронутой в монографии проблемы использовались печатные СМИ и электронные ресурсы, исследования российских и зарубежных аналитических центров и институтов (см. Библиография).

Автор выражает искреннюю признательность всем коллегам по МГИМО и ИВ РАН, которые своими замечаниями и рекомендациями помогли выполнить диссертационный и исследовательский проект и подготовить рукопись к изданию.

Глава I

Период правления М. Зия уль-Хака – исламизация страны (1977–1988 гг.)

Многие считают Мухаммада Зия уль-Хака той самой личностью, которая ответственна за превращение Пакистана в мировой центр политического ислама. Бесспорно, военный диктатор пошел еще дальше своих предшественников в деле насаждения исламских идеалов. Годы его правления пришлись на период складывания в исламском мире идеологии джихадизма, которая и по сей день угрожает безопасности и стабильности большинства мусульманских стран.

М. Зия уль-Хак не разделял примиренческую позицию в отношении Индии, стремился к укреплению национального единства под исламскими лозунгами, мечтал о создании единого сообщества мусульман, в котором Пакистану были бы отведены лидирующие позиции. Военный диктатор испытывал недоверие к представительным институтам власти и их способности эффективно выполнять задачи государственного управления, а также гарантировать национальное единство страны. Он считал, что спасением для Пакистана может стать лишь создание идеократического государства под контролем армии и разведывательных служб¹.

§ 1. Роль армии в пакистанском обществе

Государственный переворот 5 июля 1977 г., в результате которого премьер-министр Пакистана Зульфикар Али Бхутто был свергнут группой офицеров во главе с начальником штаба сухопутных войск генералом М. Зия уль-Хаком, ознаменовал начало нового этапа политического развития страны. В условиях введенного военного положения вся верховная власть оказалась сосредоточена в руках армейского командования, при этом

¹ Haqqani, Husain. Pakistan: between Mosque and Military / Husain Haqqani. – Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2005. – P. 131.

выборные законодательные и исполнительные органы были распущены, а действие конституции приостановлено. Выдвижение армии на политическую авансцену не было каким-то из ряда вон выходящим явлением. В силу целого ряда объективных и субъективных обстоятельств с самого момента образования страны в 1947 г. вооруженные силы превратились в важнейший элемент всей системы государственного управления, мнение которого правящая элита не могла не учитывать при принятии ключевых решений. В течение первого десятилетия существования нового государства армия пребывала в стороне от политических страстей, в то же время держа руку на пульсе. Период становления пакистанской государственности (1947–1958 гг.), в течение которого предпринимались попытки создания парламентской демократии, выявил нехватку политических механизмов и кадров, необходимых для функционирования такой системы. Еще с весны 1954 г. демократическая традиция, заложенная в колониальный период, оказалась подорванной. Изначально более сильные, чем в Индии, тенденции к бюрократическому авторитаризму, к власти неполитических центров, таких как окружение (администрация) генерал-губернатора, а позднее правительства, привели к отказу от механизмов, свойственных парламентской системе управления. Обострение внутренней обстановки в октябре 1958 г. привело к первому выходу на государственную сцену военных под руководством генерала М. Айюб Хана (1958–1969 гг.). С этого момента начался продолжительный период нахождения у власти представителей армейских кругов. Лишь поражение Пакистана в войне с Индией в 1971 г. повлекло за собой падение режима генерала Ага Мухаммеда Яхья Хана, который на волне общенародного недовольства сменил на президентском посту Айюб Хана в 1969 г., и приход к власти демократически избранного правительства во главе с лидером Пакистанской народной партии (ПНП) З.А. Бхутто (1972–1977 гг.)¹.

Механизм осуществления государственного управления при М. Зия уль-Хаке сочетал в себе элементы военной диктатуры. На первоначальном этапе генерал совмещал два высших государственных поста – главного военного администратора и президента. Военная администрация и военные трибуналы были наделены широкими полномочиями по принятию законодательных и судебных мер, а также внесению поправок в Основной закон.

¹ Пакистанская народная партия была создана в 1967 г. и приобрела популярность в Западном Пакистане широтой своих лозунгов: «Ислам - наша вера, демократия - наша форма правления, социализм - наша экономическая система. Вся власть народу». Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. История Пакистана XX век / В.Я. Белокреницкий, В.Н. Москаленко - М.: ИВ РАН, Крафт+, 2007. - С. 294.

Гражданские судебные органы во главе с Верховным судом были лишены права оспаривать законность их указов, решений и приговоров и находились в подчиненном положении к военному режиму. Отказывавшихся выполнять требования властей судей отстраняли от исполнения обязанностей. В этих условиях ВС страны ничего не оставалось сделать, как узаконить своим постановлением нелегитимный приход к власти армии на основании доктрины государственной необходимости, как и в случае с делом Досса¹. В отношении любых форм инакомыслия режимом Зия уль-Хака проводилась крайне жесткая и репрессивная политика. Существовали запреты на студенческие объединения и профсоюзы, на деятельность политических партий и митинги, а также строгая цензура на печать². Провинившиеся подвергались уголовному преследованию и нередко телесным наказаниям по решению военных трибуналов.

Под давлением мощного оппозиционного Движения за восстановление демократии (ДВД)³, антиправительственные выступления которого приобрели особый размах и остроту во второй половине 1983 г., власти были вынуждены пойти на смягчение жесткого репрессивного режима и отмену военного положения 30 декабря 1985 г.⁴ Тем не менее, генерал М. Зия уль-Хак проделал масштабную подготовительную работу для перехода к гражданскому парламентскому строю. Была проведена избирательная реформа, которая ужесточала процедуру регистрации политических партий и предусматривала разделение электората по религиозному принципу: на мусульман и немусульман⁵. В Основной закон страны были введены поправки, в соответствии с которыми от всех

¹ В ходе слушаний в 1958 г. Верховный суд Пакистана признал законность отмены конституции 1956 г., роспуска центрального и провинциальных правительств, национальной и провинциальных легистратур и введения военного положения. Более того, суд счел необходимым пояснить, что президент в данном случае обладал всеми нужными полномочиями, чтобы вносить любые изменения в законы, и что каких-либо ограничений на его право законотворчества не существует. См. подробнее Плешов О.В. Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане / О.В. Плешов. – М.: ИВ РАН Крафт+, 2003 г. – С. 188.

² Talbot, Ian. Pakistan: a Modern History / Ian Talbot. – London: Hurst & Company, 2009. – P. 259.

³ Движение за восстановление демократии представляло собой блок из 11 различных политических партий, ведущую роль в ДВД играла ПНП. Главным требованием Движения была отмена военного положения и передача власти гражданскому правительству.

⁴ Sawhney R.G. Zia's Pakistan: Implications for India's Security / R.G. Sawhney. – New Delhi: ABC Pub. House, 1985. – P. 11.

⁵ Плешов О.В. Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане / О.В. Плешов. – М.: ИВ РАН Крафт+, 2003 г. – С. 109.

кандидатов требовалось «адекватное знание исламских учений и практик, а также обязанностей и обязательств, предписанных исламом». Кроме того, новые положения предусматривали отказ от регистрации тех кандидатов, которые «выступают против идеологии Пакистана»¹.

Для сохранения за собой основных рычагов власти генерал обеспечил принятие 8-й поправки к Основному закону страны, которая значительно расширила власть президента, главным образом благодаря полномочиям премьер-министра. Теперь глава государства по своему усмотрению мог распускать нижнюю палату парламента, назначать внеочередные выборы, создавать временное правительство, проводить референдум, делать назначения на высшие государственные и военные посты. Президент получил право назначать премьер-министра и членов правительства и отправлять их в отставку².

В преддверии парламентских выборов был проведен референдум о продлении президентских полномочий М. Зия уль-Хака с оценкой деятельности военного режима. Независимые наблюдатели отмечали масштабные злоупотребления в ходе референдума и оценивали явку избирателей как довольно невысокую (не более 30%). Однако, согласно официальным данным, 62% всех, обладавших данным правом, приняли участие в голосовании и 98% проголосовали в поддержку диктатора³. Вслед за референдумом последовали всеобщие парламентские выборы, которые по задумке режима были организованы на непартийной основе для политической дезориентации электората. В результате при выборе кандидатов еще сильнее возросли такие традиционные для пакистанского общества факторы, как племенные связи, патронатно-клиентельные отношения⁴ и материальное положение народных избранников⁵.

После отмены военного положения президент Зия уль-Хак сохранил за собой пост начальника штаба армии, сосредоточив в своих руках высшую гражданскую и военную власть (в условиях

¹ Laskar R.H. Pak poll scrutiny tests Islam knowledge / R.H. Laskar // The Asian Age. – 2013. – 4 April.

² Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. История Пакистана XX век / В.Я. Белокреницкий, В.Н. Москаленко. – М.: ИВ РАН, Крафт+, 2007. – С. 328.

³ Burki, Shahid Javed. Pakistan. A Nation in the Making / Shahid.Javed Burki. – Karachi: Westview Press, 1986. – P. 87.

⁴ Данный тип отношений характерен для большинства афро-азиатских обществ, в рамках которых межличностные связи господства, подчинения и зависимости строятся на взаимности «патрон-клиент».

⁵ Burki, Shahid.Javed. Pakistan. A Nation in the Making / Shahid.Javed Burki. – Karachi: Westview Press, 1986. – P. 88.

гражданского правления это было сделано в Пакистане впервые за все предшествующее время)¹. С восстановлением представительных институтов власти определенный вызов политическому господству армии был брошен гражданским правительством во главе с премьер-министром – политическим деятелем из Синда и назначенцем президента Зия уль-Хака Мухаммедом Ханом Джунеджо, который возглавил сформированную в 1986 г. из числа сторонников военного режима проправительственную партию Пакистанская мусульманская лига. Вопреки расчетам диктатора Джунеджо отказался быть во всем послушным режиму и при принятии решений демонстрировал некоторую самостоятельность². В итоге, противоречия между президентом и премьером привели к открытому столкновению: воспользовавшись 8-й конституционной поправкой, Зия уль-Хак распустил законодательные органы власти, отправил в отставку центральное и провинциальные правительства. Неизвестно, как бы дальше развивались события в стране, если бы не внезапная гибель президента в авиакатастрофе 17 августа 1988 г.³

Процесс политизации вооруженных сил страны при М. Зия уль-Хаке находил подкрепление в официальной идеологии режима. Сама роль армии в политике стала трактоваться по-новому. Если при Айюб Хане военные рассматривались в качестве основных гарантов ее внутренней стабильности и территориальной целостности, то при Зия подчеркивалась значимость армии как защитника идеократического характера государства⁴. Перед вооруженными силами страны был поставлен целый ряд важнейших задач. Наряду с защитой Пакистана от внешних угроз армия должна была гарантировать политическую стабильность и безопасность внутри самой страны. Одно из направлений ее

¹ Там же, С. 330.

² Hollen E.V. Pakistan in 1986: Trials of Transition // Asian Survey. – Vol. 27. – 2 (February 1987). – P. 143–145.

³ 17 августа 1988 г. М. Зия уль-Хак вылетел в Бахавалпур для участия в испытании американского танка Абрамс М1 на полигоне Тамевали. Его сопровождали посол США в Пакистане А. Рафел и руководитель военной миссии США в Пакистане бригадный генерал Х. Вассом. На обратном пути в г. Исламабад спустя несколько минут после взлета самолет Геркулес С-130 рухнул на землю и загорелся. Смерть военного диктатора овеяна большим количеством легенд и домыслов. Несмотря на официальное заключение правительственной комиссии о технической неисправности самолета, существует немалое число версий заговора. При этом круг предполагаемых убийц Зия довольно широк, начиная от официальных властей СССР и США и заканчивая группой недовольных его политикой высокопоставленных офицеров пакистанской армии.

⁴ Talbot, Ian. Pakistan: a Modern History / Ian Talbot. – London: Hurst & Company, 2009. – P. 255.

деятельности — борьба с антиправительственными движениями. Помимо применения политических репрессий, разведывательные ведомства осуществляли скрытое наблюдение за деятельностью высокопоставленных политических деятелей. Все телефонные разговоры лидеров оппозиции отслеживались спецслужбами¹.

В целом в годы правления режима М. Зия уль-Хака существенно возросло число оперативных сотрудников Межвидовой разведки², которая была ответственна за комплектование и подготовку групп афганских муджахедов, а также за все проводимые ими боевые операции. М. Зия уль-Хак искусно привлекал разведывательную службу к активному участию в политических процессах. МВР проводила секретные операции, направленные на усиление влияния исламистов в Пакистане и ослабление эктотальной поддержки оппозиционных политических партий³.

Укреплению влияния и авторитета армии сопутствовал процесс постепенной милитаризации всех госструктур, экономики, политики, культуры (а не «огражданствления», как это было при Айюб Хане) — вообще всего общества, с поправкой на требования ислама. Корпоративные интересы армии стали пронизывать классовые, региональные, экономические и прочие интересы, являясь как бы стержнем всей жизни страны. Вооруженные силы как база режима и «сердцевина» всех реформ пользовались соответствующей системой вознаграждений. Она включала в себя высшие должности в госаппарате и госкорпорациях с высокой заработной платой, службу за границей по контракту с оплатой в валюте, а также получение земельного владения в наследственное пользование⁴.

При М. Зия уль-Хаке получила еще большее развитие система льгот и привилегий для военных. Была инициирована программа предоставления жилья военнослужащим. Офицеры были вынуждены выплачивать определенные отчисления (от 3 до 16 долл. США в месяц) в обмен на квартиры или целые дома, которые они получали при уходе на пенсию. Любой желающий после 10-летнего срока службы мог присоединиться к предлагаемой схеме. Основными получателями жилья были офицеры не младшего и среднего, а высшего звена. Ни одна из программ не учитывала

¹ Hussain, Mushahid. Pakistan's Politics: The Zia years / Mushahid Hussain. — Lahore: Progressive Publishers, 1990. — P. 15.

² Основная разведывательная служба Пакистана, учрежденная в 1948 г.

³ Cohen, Stephen Philip, Weinbaum, Marvin G. Pakistan in 1981: Staying on / Stephen Philip Cohen, Marvin G. Weinbaum // Asian Survey. — Vol.22. — № 2(February 1981). — P. 139.

⁴ Плешов О.В. Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане / О.В. Плешов. — Москва: ИВ РАН, Крафт +, 2003. — С. 150–151.

интересы военнослужащих сержантского и рядового составов. К другим льготам для высокопоставленных офицеров можно отнести разрешение на бесполошинный импорт автомобилей класса люкс. В течение 1977–1997 гг. около 47 военнослужащих высшего звена разбогатели, используя продажу дорогостоящих машин¹. Также командирам корпусов, дивизий и подразделений было предоставлено право создания малых предприятий и учреждения специальных фондов. Эти фонды чем-то напоминали «черную дыру», которая «всасывала» финансовые ресурсы с малейшей долей ответственности. В отсутствие надлежащей системы контроля средства фонда расходовались не в служебных целях или на социальные нужды, а ради обогащения офицеров командного состава. Источниками капитала для них служили оборонный бюджет, из которого выделялись средства на реализацию конкретных проектов, и малые предприятия, приносящие большой доход².

Предпринимались меры по совершенствованию военной инфраструктуры. В 1977 г. Зия уль-Хак принял решение о создании отдельных школ для детей военнослужащих на территории военных городов. Основная цель этой задумки – предоставление более качественного образования детям военных. Армейские школы стали частью элитной системы образования. Многие выпускники этих учебных заведений пополняли ряды ВС страны.

Велики были размеры армейского проникновения в экономику. С 1977 г. военные начали проводить более последовательную политику, направленную на расширение сферы их коммерческих интересов. Данный процесс сопровождался усилиями по превращению офицерства в самостоятельный класс наряду с другими социальными группами. В период правления М. Зия уль-Хака было принято большое число нормативно-правовых актов для расширения участия армии в экономике. В эти годы происходило мощное отраслевое разветвление армейского капитала. Различные благотворительные организации запускали новые промышленные проекты и осуществляли экспансию в новые отрасли народного хозяйства. Разрастание финансовой империи ВС страны происходило во всех направлениях. Этот процесс имел три основные формы: 1) режим предоставлял военным крупные земельные участки в городах и сельской местности; 2) появлялись многочисленные кооперативные предприятия, которые укрепляли их финансовую самостоятельность; 3) подконтрольные военным

¹ Rizvi, Hasan-Askari. *Military, State and Society in Pakistan* / Hasan-Askar Rizvi. – Lahore: Sang-e-Meel Publication, 2003. – P. 236.

² Siddiq, Ayesha. *Military Inc. Inside Pakistan's Military Economy* / Ayesha Siddiq. – London: Pluto Press, 2007. – P. 141.

компании получали от режима субсидии на развитие и расширение своего бизнеса¹.

В 1977 г. был учрежден благотворительный фонд Военно-воздушных сил Пакистана «Шахин фаундейшн» (ШФ)². Принцип деятельности организации был тот же самый, что и у «Фауджи фаундейшн» (ФФ)³, а именно использование средств пенсионных фондов для инвестирования различных бизнес-проектов. Причина появления ШФ – стремление командования ВВС страны улучшить социальное обеспечение своих военнослужащих, так как доля ВВС в системе распределения льгот, ассигнований и рабочих мест, подконтрольной ФФ, была очень мала (5%). Примеру ВВС последовали и Военно-морские силы страны, которые объявили о создании «Бахрия фаундейшн» в январе 1982⁴. Дифференциация некогда единого армейского фонда привела к острому соперничеству между учрежденными трастами, стремившимися получить как можно большую финансовую помощь от государства⁵.

Система назначения отставных военных на руководящие посты в упомянутых фондах была еще более отлажена в годы правления М. Зия-уль-Хака. Назначение на те или иные должности в фондах обуславливалось желанием военного диктатора вознаградить офицеров за их исключительную преданность или избавиться от тех, кто представлял потенциальную угрозу ему и его режиму. Таким образом, комплектование правительственных учреждений и государственных структур было частью общего механизма «вознаграждений – наказаний», в рамках которого высшее командование ВС страны выступало в роли средневековых монархов или феодалов.

М. Зия уль-Хак, прагматик по натуре, прежде всего, беспокоился о том, как укрепить свои позиции в армейской среде, чтобы избежать участи его предшественников. Несмотря на свою набожность, диктатор потворствовал коррупции и любым видам незаконной деятельности, которые содействовали материальному обогащению военных, так как это гарантировало поддержку

¹ Там же, стр.144.

² Shaheen Foundation [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.shaheenfoundation.com> (Accessed 20.03.13).

³ Первый в своем роде благотворительный фонд вооруженных сил страны, созданный в 1954 г. для предоставления финансовой помощи и соприветствие лавровциального обеспечения военнослужащих всех трех видов войск.

⁴ Bahria Foundation [Electronic resource]. – Mode of access: <http://bahriafoundation.com> (Accessed 20.03.13).

⁵ Siddiq, Ayesha. Military Inc. Inside Pakistan's Military Economy / Ayesha Siddiq. – London: Pluto Press, 2007. – P. 144-145.

режима. В результате, как действующим, так и отставным офицерам старшего звена была предоставлена полная свобода действий. Все это было направлено на укрепление духа братства и преданности режиму среди офицерства.

В рассматриваемый период армия пользовалась всеми преимуществами нового экономического курса военного режима, направленного на либерализацию сферы народного хозяйства. Зия уль-Хак стремился ускорить темпы роста путем широкой приватизации ранее национализированных З.А. Бхутто предприятий и компаний. В рамках данного курса бизнес с участием военных стал основным партнером режима в достижении поставленной цели. Как и в Турции времен премьер-министра Сулеймана Демиреля, при Зия в Пакистане происходил процесс экономической интеграции армии с частным бизнесом, который полностью отвечал интересам военных и представителей бизнес-кругов страны¹.

Подытоживая все вышесказанное, следует сказать, что в отличие от всех предыдущих военных режимов диктатура генерала М. Зия уль-Хака была наиболее жесткой и авторитарной. Основные права и свободы граждан грубо попирались, а власти не предпринимали какие-либо действия для того, чтобы создать хоть какую-то видимость демократии. Хотя в условиях широкого общественного недовольства Зия был вынужден немного смягчить свой авторитарный режим и пойти на некоторые уступки в политической сфере, после отмены военного положения генерал продолжал сохранять за собой мощный административный ресурс и стремился контролировать деятельность всех институтов и органов государственной власти.

Влияние и авторитет армии при Зия уль-Хаке еще больше укрепились по сравнению с предшествующим периодом. Неконституционные функции и полномочия ВС страны были в значительной степени расширены в рамках проводимого режимом курса на милитаризацию пакистанского общества. В шкале приоритетов официальных властей корпоративные интересы военных занимали самую верхнюю строчку. Правление Зия уль-Хака можно по праву считать «золотой эпохой» пакистанского офицерства.

§ 2. Исламизация страны

До 1977 г. между политической элитой и богословами существовали серьезные расхождения в духовно-культурной сфере, несмотря на то, что их взгляды на многие политические проблемы

¹ Hale, William. Turkish Politics and the Military / William Hale. – London: Routledge, 1994. – P. 174.

нередко совпадали. Военные и бюрократия не разделяли категоричных подходов богословов и исламистов в таких вопросах, как гендерная сегрегация, применение шариатских законов, приверженность традиционному стилю одежды, отправление религиозных обрядов в общественных местах. Ислам для них был не более чем обращение к пакистанскому национализму, а также важным инструментом осуществления внешней политики. В связи с этим государство не было способно в полной мере реализовать потенциал исламистов на таких важных направлениях его международной деятельности, как противостояние Индии или расширение влияния страны в Центральной Азии и на Ближнем Востоке. При Зия уль-Хаке ситуация кардинально поменялась¹.

Несмотря на то, что процесс подъема религиозных настроений внутри страны отмечался еще с начала 1970-х гг.,² именно при правлении М. Зия уль-Хака (1977–88 гг.) Пакистан, как уже отмечалось ранее, обрел облик идеократического государства с преобладанием авторитарной политической системы. Положив исламистскую идеологию в основу государственности, Зия стремился в один миг решить проблемы национальной идентичности, которые существовали с самого момента образования страны в 1947 г. В своем первом телевизионном обращении диктатор заявил: «Пакистан, который был создан во имя ислама, будет продолжать свое существование, если его народ будет придерживаться религиозных норм. Поэтому я считаю введение исламской системы необходимым условием процветания нашей страны»³.

Инициировав соответствующие преобразования и реформы, М. Зия уль-Хак обратился за поддержкой и содействием в разработке официальной идеологии к религиозным партиям, в особенности Джамаат-е Ислами (ДИ)⁴. Эта партия стала важной опорой военного режима и ярким поборником идеи построения исламского государства. Ее основатель и духовный лидер Маулана Абул Ала Маудуди одобрил инициативы режима по исламизации

¹ Haqqani, Husain. Pakistan: between Mosque and Military / Husain Haqqani. – Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2005. – P. 156–157.

² На заключительном этапе своего правления на фоне всплеска исламистских настроений внутри страны премьер-министр Пакистана З.А. Бхутто стал апеллировать к религиозным чувствам граждан, разрешив свободу действий религиозных организаций в учебных заведениях, объявив пятницу выходным днем, запретив азартные игры и употребление алкоголя.

³ Richter, William L. The Political Dynamics of Islamic Resurgence in Pakistan / William L. Richter // Asian Survey. – Vol. 19. – № 6 (June 1979). – P. 555.

⁴ Фундаменталистская партия, основанная в г. Лахоре 26 августа 1941 г. и выступающая за возрождение мусульманского общества на основе Корана и сунны. Принадлежит к ортодоксальной деобандской школе богословия.

страны и установил с ним партнерские отношения. Представители партии были включены в состав правительства. В течение почти целого года они контролировали ключевые министерства страны, что позволило партии расширить свое политическое влияние и обеспечить рабочими местами своих рядовых активистов. Помимо министерства информации, теле- и радиовещания, за богословами из ДИ были закреплены министерства энергетики, водных и природных ресурсов. М. Зия уль-Хак назначил основного идеолога партии профессора Хуршида Ахмада главой Пакистанской плановой комиссии с тем, чтобы он разработал программу исламизации экономики. Однако спустя год тесного сотрудничества и совместной работы военный диктатор разочаровался в управленческих способностях своих сподвижников из ДИ.

Так как ДИ была не единственной религиозной партией в стране и, несмотря на разветвленную организационную структуру и впечатляющую способность мобилизовать народные массы, не пользовалась широким общественным признанием, то Зия уль-Хак предпринимал меры, чтобы заручиться поддержкой и остальных исламистских организаций. Для построения своей собственной гибридной исламской системы военный диктатор стал обращаться за рекомендациями и советами к мусульманским теологам различных течений. Он неоднократно встречался с исламскими духовными лидерами и богословами со всего мира. С их участием организовывались многочисленные семинары и конференции. Своим указом режим либерализовал процедуру выдачи виз всем иностранным улемам и студентам религиозных семинарий, что давало возможность многим исламистам, преследуемым у себя на родине, обосноваться и развернуть свою деятельность в Пакистане. В стране начались оживленные общественные дискуссии на тему приемлемости тех или иных моделей исламского государства¹.

Военные в целом не возражали против управления страной под исламскими лозунгами и не препятствовали начавшемуся процессу исламизации законодательства, политической, экономической, культурной и юридической систем. Они допустили усиление влияния и роли религиозных лидеров и богословов в рамках гражданской администрации. Однако офицерство не было готово передать свою власть какой-либо организованной группе, как, например, ДИ. Несмотря на претензии ДИ и других религиозных партий на доминирующее политическое влияние, при проведении

¹ Haqqani, Husain. Pakistan: between Mosque and Military / Husain Haqqani. – Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2005. – P. 138–139.

курса на исламизацию ВС страны продолжали сохранять за собой главенствующую роль.

В сентябре 1977 г. был реформирован Совет исламской идеологии, учрежденный в 1962 г. для приведения законодательства страны в соответствие с положениями Корана и сунны. Организация, деятельность которой прежде была несистематичной (ее совещания проводились нерегулярно), превратилась в государственное учреждение, активно вмешивавшееся во все сферы общественной жизни. В 1981—84 гг. Совет рассмотрел свыше 300 федеральных законов, разработал 15 постановлений, а также подготовил подробные доклады по проблеме исламизации экономики. В августе 1983 г. Совет исламской идеологии вынес решение о том, что президентская форма правления более всего отвечает требованиям ислама¹.

В декабре 1981 г. президентским указом был учрежден Федеральный консультативный совет, именуемый Маджлис-и Шура и формируемый из числа представителей различных социальных групп (дифференциация по роду профессиональной деятельности), богословов и бывших военных. Среди его назначаемых членов было гораздо больше богословов и исламистов, чем среди депутатов прежних парламентов, формируемых путем всеобщих выборов. Этот квазизаконодательный орган главным образом обсуждал различные аспекты исламизации и вопросы соответствия будущих законов нормам ислама.

Власти стали принимать меры по укреплению духовных и нравственных основ пакистанского общества. Указ о Рамадане от 1981 г. предусматривал штраф в размере 500 пакистанских рупий или лишение свободы на 2 месяца за нарушение поста в священный для мусульман месяц. Было учреждено бюро «назим-е-салават» (контроль над совершением молитв) – своего рода полиция нравов, которая должна была побуждать людей к ежедневному пятикратному совершению намаза. В августе 1982 г. был учрежден Комитет по реформированию мусульманского общества для укрепления моральных ценностей.

В стране обрело значительное влияние движение Таблиги Джамаат², выступающее за духовное очищение мусульман и неукоснительное соблюдение религиозных обязательств. Движение уходит своими корнями в деобандскую школу богословия суннитского

¹ Talbot, Ian. Pakistan: a Modern History / Ian Talbot. – London: Hurst & Company, 2009. – P. 256.

² Движение было организовано в конце 1920-х гг. в г. Дели индийским мусульманским богословом Мауланой Мухаммадом Ильясом и стало активно расширять географию своей прозелитической деятельности после раздела Британской Индии.

толка. В отличие от ДИ они не стремились к осуществлению исламской революции и не претендовали на политическую власть. С точки зрения военных, движение можно было с легкостью использовать для исламизации офицерства и чиновничества, которым было запрещено открыто ассоциировать себя с деятельностью той или иной политической партии. В годы своего правления Зия-уль-Хак лично участвовал в ежегодных конференциях, проводимых Таблиги Джамаат, тем самым повышая его авторитет¹. Режим открыто выражал симпатии Таблиги Джамаат и поощрял их усилия в деле ограничения роли женщин и популяризации в обществе таких обрядов, как молитва и пост. Он также содействовал их политической кооптации, создавая тем самым некий противовес исламским политическим партиям на случай их отказа от поддержки военного диктатора.

Президентским указом от 1979 г. были учреждены шариатские суды при провинциальных Высоких судах, которые обладали правом отмены любого закона, противоречившего исламским принципам. В связи с их неэффективностью они были распущены, а в мае 1980 г. им на смену пришел Федеральный шариатский суд (ФШС). Наряду с ФШС в стране был создан Шариатский апелляционный суд при Верховном суде Пакистана. Впервые в истории страны на должности судей в вышеупомянутых учреждениях стали назначаться улемы. Так как шиитская община не имела своих представителей в ФШС, то ее представители отказывались от признания большинства его решений. С 1982 г. Суду было предоставлено право обсуждения законов не только на основании петиций, но и по собственной инициативе. Однако ФШС был лишен права обсуждения и рассмотрения конституции, любых финансовых отчетов и мусульманского персонального права. Полномочия Федерального шариатского суда и Совета исламской идеологии тесно переплетались друг с другом. Однако в отличие от консультативных рекомендаций Совета решения Суда обладали юридической силой².

Одна из задач ФШС – вынесение своих решений в соответствии с указами от 1979 г. о применении наказаний хууд³. Данные

¹ Jones, Owen Bennett. Pakistan: Eye of the Storm / Owen Bennett Jones. – New Delhi: Penguin Books, 2005. – P. 259.

² Carroll, Lucy. Nizam-i-Islam: Processes and Conflicts in Pakistan's Programme of Islamisation, with special reference to the position of women / Lucy Carroll // The Journal of Commonwealth and Comparative Politics. – № 20 (March 1982). – P. 65.

³ Хууд – наказания, которые шариатский суд налагает за преступления против нравственности и общественного порядка. В зависимости от степени жесткости они варьируются от публичной порки до побивания камнями, отсечения конечностей и распятия.

виды наказаний, предписанные Кораном и сунной, распространялись на такие тяжкие преступления, как убийство, прелюбодеяние, кражи, лжесвидетельство и употребление спиртных напитков. Однако для этих преступлений существовали очень строгие правила свидетельствования в суде, что уменьшало вероятность вынесения обвинительного приговора. Например, воровство могло быть доказано свидетельскими показаниями двух «безупречных» совершеннолетних лиц мужского пола, мусульман по своему вероисповеданию (за исключением пострадавшей стороны). Другим условием применения наказания была ценность украденной вещи, которая должна была превышать установленную указами 1979 г. минимальную норму (эквивалент 4,457 грамм золота). Такие виды наказания, как ампутация конечностей и порка, предусматривали надлежащий медицинский контроль: они должны были исполняться в присутствии уполномоченного врача-специалиста.

Больше всего споров вызывали наказания за преступления сексуального характера. Применение хууд в рамках соответствующих судебных разбирательств носило дискриминационный характер: во многих случаях суд признавал виновными жертв насилия и оправдывал преступников. Доказательством виновности при данных преступлениях могли служить чистосердечное признание или свидетельские показания четырех «безупречно честных» лиц мужского пола, мусульман по своему вероисповеданию. Результаты медицинского осмотра и беременность в результате изнасилования зачастую рассматривались как свидетельства виновности жертвы¹.

Еще одним доказательством систематического нарушения прав женщин стал разработанный Советом исламской идеологии законопроект о свидетельствовании, который приравнивал при определенных судебных делах свидетельские показания одного мужчины к показаниям двух женщин. Под давлением общественности режим был вынужден пойти на уступки. В результате правило «2=1» стало распространяться лишь на финансовые операции, в остальных вопросах женщины обладали равным юридическим статусом. Однако при заключении финансовых контрактов женщины были обязаны нотариально удостоверить свои подписи. В отношении мужчин данное требование не действовало. Согласно поправкам неподтвержденные свидетельские показания женщин были также недопустимы в судебных процессах по уголовным преступлениям, упомянутым в Коране.

¹ Weiss, Anita M. Women's Position in Pakistan: Sociocultural Effects of Islamization / Anita M. Weiss // Asian Survey. – Vol. 25. – № 8 (August 1985), – P. 870.

В соответствии с новыми правилами женщины были обязаны покрывать голову платком в общественных местах. Были введены строгие ограничения на участие женщин в спортивных состязаниях и любого рода публичных выступлениях. Несмотря на данные меры, было бы не совсем объективно характеризовать М. Зия уль-Хака исключительно как заостенелого поборника гендерной сегрегации, выступавшего против активной роли женщин в общественных делах. Отдельными своими решениями и действиями диктатор демонстрировал свою озабоченность их положением. Так, например, Зия не только впервые в истории страны назначил женщину на высокопоставленную должность секретаря кабинета министров, но и создал специальный отдел по делам женщин в правительстве. Этому предшествовало создание Пакистанской комиссии по статусу женщин, которая проводила самостоятельное расследование случаев насилия и жестокого обращения с женщинами¹. В 1984 г. издан указ о преступлениях, который предусматривал наказание в виде смертной казни или пожизненного заключения за нападение на женщин, их физическое унижение². Однако все эти меры меркли на фоне злоупотреблений и дискриминации в рамках проводимой программы всеобъемлющей исламизации.

Исламизированы были и положения Уголовного кодекса Пакистана, определяющие наказание за убийства. В результате легитимный характер обрели предусмотренные исламским правом кисас (возмездие по принципу «жизнь за жизнь, око за око») и дийя (выкуп). При этом в случаях рассмотрения дел об убийствах женщин сумма назначаемого выкупа была в половину меньше выкупа за убитого мужчину. В целом, система наказаний хууд никак не уменьшила число совершаемых преступлений. Она лишь содействовала общей брутализации пакистанского общества.

Особую обеспокоенность вызвали поправки в Уголовный кодекс Пакистана, которые касались преступлений религиозного характера. Нечетко сформулированные изменения в положениях о судебном преследовании за богохульство не исключали его произвольного применения и преднамеренных злоупотреблений. В феврале 1990 г. Федеральный шариатский суд внес поправку о введении смертной казни в качестве обязательной меры наказания за оскорбление Аллаха и пророка Мухаммеда.

¹ Malik, Iftikhar Haider. State and Civil Society in Pakistan: Politics of Authority, Ideology and Ethnicity / Iftikhar Haider. Malik. – Basingstoke: St. Martin's Press, 1997. – P. 150.

² В одной из деревень на северо-западе страны по указанию вождей племени шесть женщин из низкокастовых семей были насильно выведены из своих домов, раздеты на глазах у толпы местных жителей и подвергнуты телесным наказаниям. Там же, P. 148.

Как местные, так и зарубежные НПО подвергали острой критике режим за применение нового законодательства на практике. В начале января 1982 г. организация «Amnesty International» обвинила пакистанские власти в вопиющих нарушениях прав человека (пытках, тюремном заключении политических оппонентов и др.). Публичные порки политзаключенных стали наиболее яркими эпизодами периода военного положения при М. Зия уль-Хаке¹. В августе 1983 г. одна из пакистанских правозащитных организаций подала апелляцию против практики публичной порки женщин как одного из видов исламских наказаний. Внимание привлек случай публичного наказания и унижения женщины за прелюбодеяние (зина) на глазах у многотысячной толпы в панджабском г. Лиакатпуре.

Завершающим штрихом в деле реформирования судебно-правовой системы страны стало учреждение в 1984 г. исламских судов кади, которые должны были отправлять правосудие на местном уровне (как мировые суды). Таким образом, была полностью выстроена система шариатского судопроизводства: суды существовали как на федеральном уровне, так и на уровне дистриктов. Существенным недостатком новой системы была длительность рассмотрения дел из-за большого числа несерьезных обращений и отсутствия правильного понимания новых исламских законов. При вынесении решений, как и прежде, огромную роль играли такие факторы, как материальное положение и влияние участников тяжб².

Претерпела существенные изменения и система образования. Учебники по истории Пакистана были переписаны с учетом новой официальной идеологии. По мнению пакистанского историка Хуршида Камала Азиза, данные учебники содержали большое число искажений и ошибок. Учебники по общественным дисциплинам и по истории Пакистана превозносили некогда правившие военные режимы, прививали чувство ненависти к индусам, прославляли все войны с Индией и давали искаженную трактовку истории нынешнего Пакистана до 1947 г. Несмотря на все нюансы и сложности сосуществования мусульманской и индусской общин в Британской Индии, студентам ВУЗов преподавали упрощенный вариант истории. В любом учебном пособии утверждалось: «ислам был основным условием для выдвижения требований о создании

¹ Распоряжение военных властей № 48 от октября 1979 г. предусматривало 25 ударов розгами в качестве максимального наказания за участие в любых запрещенных формах политической активности.

² Talbot, Ian. Pakistan: a Modern History / Ian Talbot. – London: Hurst & Company, 2009. – P. 275.

Пакистана; ислам не может сосуществовать с индуизмом; в связи с этим мусульманская община должна отделиться от Индии». Некоторые учебники шли еще дальше в деле оправдания самой идеи Пакистана и доказывали, что она возникла еще во времена проникновения первых мусульман в Индию, т. е. в VIII веке н. э.

Традиционные улемы, в том числе и основатель Джамаат-е Ислами Маулана Маудуди, представлялись как идеологи пакистанской государственности даже тогда, когда они не имели никакого отношения к описываемым событиям и процессам. Предвзятая трактовка истории сводилась не только к оправданию идеи появления Пакистана. Межобщинные столкновения времен раздела Индии представлялись не иначе как «истребление индусами и сикхами беззащитных мусульман». Война с Индией 1965 г. рассматривалась как победоносная для страны: «Индия обратилась с просьбой о заключении мира, так как боялась пакистанской армии и народа»; раздел Пакистана трактовался как «результат заговора внутренних и внешних врагов Пакистана и агрессии Индии»; СССР и США представлялись в образе врагов пакистанской исламской идеологии. Айюб Хан характеризовался как добродетельный правитель, популярный в народе и крайне набожный, а З.А. Бхутто — как диктатор, который ничего не предпринял для обеспечения общественного прогресса. Зия уль-Хаку приписывалась большая заслуга в деле построения «исламской системы, о которой помышляли отцы-основатели Пакистана»¹. Во многих произведениях того времени Мухаммед али Джинна, светский по своим мировоззрениям политик, характеризовался как поборник исламских принципов, в то время как богословам, влияние которых на процесс строительства пакистанской государственности было крайне минимальным, приписывалась роль его движущей силы. Такой исламистский уклон в литературе по замыслу правящего режима должен был гарантировать его длительное идеологическое влияние на духовное мировоззрение пакистанцев и после его ухода с политической сцены.

Во всех образовательных учреждениях страны обязательным стало изучение религии и Корана. Значение урду (как основного языка преподавания) усилилось. При правительственной поддержке возросло число религиозных учебных заведений. В 1983–84 гг. было открыто около 12 тыс. медресе. В обмен на государственные субсидии медресе так же, как и исламские общеобразовательные учреждения, должны были обучать студентов по расширенной учебной программе, в том числе современным научным

¹ Aziz, Khurshid Kamal. The Murder of History in Pakistan / Khurshid Kamal Aziz. – Lahore: Vanguard Books, 1993. – P. 188–205, 227.

дисциплинам. Тем самым, власти хотели нивелировать различия между двумя системами образования – религиозной и светской. Некоторые популярные в народе богословы получили возможность открыть крупные образовательные учреждения и создать даже новые партии. В 1980 г. в Исламабаде был открыт Исламский университет, в котором обучались не только юноши, но и девушки¹. Военный режим оказывал поддержку исламистским студенческим объединениям и потворствовал их кампании по борьбе со светски мыслящими преподавателями в ВУЗах. В отношении профессоров, которые отказывались признавать официальную идеологию, применялись наказания. Многие из них добровольно оставляли свою работу². Правительство стало приравнивать санад (диплом, выдаваемый в медресе по завершении обучения) к университетским свидетельствам о присвоении ученой степени. Выпускникам религиозных семинарий была предоставлена возможность трудоустройства в госучреждениях. Таким образом, правоконсервативные партии усилили свое влияние в пакистанских университетах и колледжах, в то время как деобандские медресе существенно активизировали свою просветительскую деятельность за счет финансовой помощи, оказываемой странами Персидского залива и частными благотворительными фондами.

М. Зия уль-Хак буквально открыл лидерам правоконсервативного крыла двери не только в образовательные учреждения, но и в высшие эшелоны власти. Он часто виделся с улемами (богословами) и машейхами (наследственными руководителями суфийских орденов) на официально организуемых конференциях, а также во время личных встреч в своей резиденции. Близость теологов к президенту повышала их влияние и авторитет в глазах бюрократии. Чиновники, стремившиеся сделать блестящую карьеру, старались соблюдать религиозные обряды и приглашали на религиозные церемонии священнослужителей, которые регулярно встречались с президентом.

Тесные связи с представителями правоконсервативных кругов оказали заметное влияние и на пакистанских военных. В армейских кругах британская культура была дополнена религиозной: стали появляться группы изучения Корана; организовываться коллективные молитвы под руководством суфиев, чтение проповедей; отмечаться день рождения пророка Мухаммада. Все

¹ Carroll, Lucy. Nizam-i-Islam: Processes and Conflicts in Pakistan's Programme of Islamisation, with special reference to the position of women / Lucy Carroll // The Journal of Commonwealth and Comparative Politics. – № 20 (March 1982). – P. 76.

² LaPorte, Robert. Urban Groups and the Zia Regime. Zia's Pakistan: Politics and Stability in a Frontline State / Robert LaPorte. – Boulder and London: Westview Press, 1985. – P. 19–20.

большее число пакистанских офицеров стали разделять фундаменталистские взгляды¹.

Процесс исламизации затронул и СМИ. Здесь под государственным патронажем укрепились позиции журналистов с исламистскими воззрениями, появились новые газеты и журналы консервативного толка. Существовавшая в стране пресса находилась, как правило, под контролем религиозных партий. Специальные колонки, авторами которых были улемы, были настоящими рассадниками суеверий, невежественных советов по всем вопросам – от правил личной гигиены до моральных аспектов воспитания подрастающего поколения. Следует отметить, что в целом средства массовой информации (радио, телевидение и газеты) были нацелены на размывание «народного ислама», который господствовал в пакистанском обществе, посредством соответствующей индоктринации населения. Люди, хоть как-то противившиеся этому, подвергались репрессиям. Например, в 1984 г. Пакистанской телевизионной корпорации (единственный на тот момент провайдер телевидения) было отдано распоряжение не допускать на экран 40 поэтов, драматургов и литераторов, «дискредитировавших» себя диссидентством в области культуры и отсутствием лояльности к режиму².

Непростым и противоречивым был процесс утверждения исламской экономики. В 1979 г. фактически вступил в действие запрет на взимание банковского процента (риба), который был официально провозглашен еще конституцией 1956 г. Три правительственных финансовых учреждения (Национальный инвестиционный траст, Инвестиционная корпорация Индии и Финансовая корпорация малого бизнеса) приступили к осуществлению беспроцентных транзакций. Запрет касался лишь операций, проводимых на внутреннем рынке страны. Банки аккумулировали капитал по принципу долевого участия («мудароба»³) или финансирования торговых операций («мурабаха»⁴). В целом депозитные счета не подлежали полной отмене, но они постепенно вытеснялись новыми формами вложения капитала при правительственной поддержке соответствующего

¹ Hussain, Zahid. *Frontline Pakistan: the Path to Catastrophe and the Killing of Benazir Bhutto* / Zahid Hussain. – New Delhi: Penguin Books, 2008. – P. 19–21.

² Плешов О.В. Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане / О.В. Плешов. – М.: ИВ РАН, Крафт+, 2003 г. – С. 177

³ Совместное долевое предприятие, в котором инвесторы осуществляют вложения в складчину и делят между собой полученные прибыли или убытки в соответствии с размером пая каждого участника.

⁴ Торговое соглашение, при котором продавец прямо указывает затраты, понесенные им на продаваемые товары, и продает их другому лицу (покупателю) с наценкой к первоначальной стоимости, которая заранее известна покупателю.

банковского сектора. Так, власти гарантировали гораздо большую прибыль участникам долевого сделок, чем обычным вкладчикам, посредством использования капитала первых для инвестирования в государственный сектор экономики. Переход кредитно-финансовой системы на исламские принципы занял почти четыре года, ибо, последний, третий, этап реорганизации банковского дела и кредитования сельского хозяйства завершился 1 июля 1985 г., а первый был начат 1 января 1981 г., когда пакистанские банки начали осуществлять беспроцентные операции наряду с процентными¹. Однако данные меры не отвечали требованиям крайне консервативных улемов, которые не проводили различий между долевым финансированием и ростовщичеством. Несмотря на это, а также некоторые радикальные заявления властей, правительство было вынуждено учитывать современные экономические реалии и находить приемлемые альтернативы с тем, чтобы не вовлечь современное государство в острый кризис.

В июне 1980 г. в стране была учреждена система сбора ежегодного исламского налога закят (2,5% от накопленного имущества и сбережений). Его отчисляли с банковских счетов, после чего средства распределялись Главным управлением по сбору закята среди всех нуждающихся. На низовом уровне были созданы местные комитеты, которые были ответственны за направление финансовой помощи конечным получателям. Согласно Корану, средства из фонда должны расходоваться на нужды бедняков, сирот, вдов, инвалидов; на тех, помогать кому «велит сердце»; на облегчение долгового бремени заемщиков; на «дело Аллаха»; на путников². Однако на деле система превратилась в инструмент личного обогащения чиновников и установления их патронажа над населением. СМИ были полны сообщений о случаях утаивания средств, собранных добровольцами и улемами в виде закята, а также о злоупотреблениях в ходе их распределения. Были известны многочисленные случаи, когда помощь направлялась не по назначению, а нуждающиеся подолгу (часто без результата) ждали своей очереди на получение вспомоществования³. В целом сложившаяся сеть патронатно-клиентельных отношений при распределении закята расширяла влияние исламистских организаций, которые контролировали соответствующие фонды.

¹ Жмуйда И.В. Итоги исламизации экономики Пакистана / И.В. Жмуйда // Ислам на современном Востоке; [отв. ред. В.Я. Белокреницкий, А.З. Егорин]. – М.: ИВ РАН, Крафт+, 2004. – С. 406.

² Там же, С. 409.

³ Плешов О.В. Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане / О.В. Плешов. – М.: ИВ РАН, Крафт+, 2003 г. – С. 159.

Реформа в сфере налогообложения обострила и без того непростые отношения между адептами различных течений и направлений ислама внутри страны. Пакистанские шииты выступили против введенной системы, так как в рамках их общины уплата заката не носит принудительного характера. Шиитской оппозицией руководило Техрик Ниваз-е-Фикх Джафария («Движение за утверждение шиитского права»)¹, которое возникло в апреле 1979 г. Шииты организовали масштабные акции протеста в Исламабаде и фактически взяли под свой контроль столицу. По сообщениям зарубежных СМИ военный режим оказался на волоске от своего крушения. В итоге власти пошли на уступки и освободили общину от обязательной уплаты налога².

Из-за недовольства шиитской общины закатом введение 5%-го налога ушр (с продуктов земледелия) было отложено до 1982–83 ф. г. Его были обязаны платить все владельцы и арендаторы земли, в том числе несовершеннолетние и умалишенные при условии, что они владеют землей. Шииты были освобождены от уплаты ушра. Исключение также составляли бедные земледельцы, чей урожай был ниже минимальной нормы («нисаб»). Уже в первые годы после его принятия почти 40% средств от налога было недополучено государством, что лишний раз указывало на несовершенство системы его сбора и возможность утаивания и просто неуплаты³. В целом, несмотря на официальную риторику, взимание исламских налогов не привело к исчезновению бедности в городах и сельской местности и к уменьшению социального неравенства в пакистанском обществе⁴. Многие такие отрицательные явления, как коррупция, контрабанда, неуплата налогов и алчность еще более усилились, превратившись в национальное бедствие⁵.

¹ Помимо сбора заката, шиитское право имеет серьезные расхождения с суннитским по таким вопросам, как брак и развод, наследование имущества и завещание, применение наказаний худуд. В 1989 г. сложилось боевое крыло ТНФД – Сипах-е Мухаммад –, которое в начале 1990-х гг. оказалось втянуто в кровопролитную борьбу с суннитскими группировками Сипах-е Сахаба Пакистан и Сунни Техрик.

² Haqqani, Husain. Pakistan: between Mosque and Military / Husain Haqqani. – Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2005. – P. 140–141.

³ Жмуйда И.В. Итоги исламизации экономики Пакистана / И.В. Жмуйда // Ислам на современном Востоке; [отв. ред. В.Я. Белокреницкий, А.З. Егорин]. – М.: ИВ РАН, Крафт+, 2004. – С. 411.

⁴ Talbot, Ian. Pakistan: a Modern History / Ian Talbot. – London: Hurst & Company, 2009. – P. 278.

⁵ Жмуйда И.В. Итоги исламизации экономики Пакистана / И.В. Жмуйда // Ислам на современном Востоке; [отв. ред. В.Я. Белокреницкий, А.З. Егорин]. – М.: ИВ РАН, Крафт+, 2004. – С. 406.

Негативным следствием проводимой режимом программы всеобъемлющей исламизации стал беспрецедентный по масштабам рост религиозной нетерпимости и насилия. В ответ на политическую мобилизацию шиитов, при покровительстве военного режима в г. Карачи в 1980 г. последователи деобандской школы ислама создали группу Савад-е-Азам Ахль-е Сунна («Великое суннитское большинство»), которая требовала от властей признания «адептов учения Али» «неверными» и впоследствии была причастна к межсектантскому насилию¹. Реформы и преобразования властей спровоцировали обострение противоречий не только между суннитской и шиитской общинами. Так, споры вокруг учрежденной властями администрации по управлению мечетями и святынями вылились в крупные столкновения между представителями религиозных школ Деобанди и Барелви² в мечети Бадшахи в Лахоре 21 мая 1984 г. В том же году в ответ на рост воинственных настроений среди конкурирующих общин в г. Карачи была учреждена барелвийская организация Дават-е-Ислами. Противоречия между деобандцами и барелвийцами были особенно взрывоопасными в провинции Синд, где суфизм всегда был неотъемлемой частью региональной культурной идентичности: пиры суфийских орденов играли ведущую роль в оппозиционной кампании ДВД августа – сентября 1983 г.

В 1978 г. ортодоксальные улемы развернули в провинции Белуджистан движение в поддержку печати пророчества (на яз. урду «Техрик-е-хатм-е-набувват»), которое было направлено против общины зикри. Зикри, которые составляют большинство населения района Макран – последователи учения Сайида Мухаммада, которого они признают Махди (мессия)³. Они считают себя мусульманами, хотя их учение расходится с положениями традиционного ислама. Улемы добивались от властей официального

¹ Gayer, Laurent. Karachi: Ordered Disorder and the Struggle for the City / Laurent Gayer. – New Delhi: HarperCollins Publishers India, 2014. – P. 171.

² В отличие от ортодоксов-деобандцев последователи барелвийской школы представляют т. н. «народный ислам», сосредоточенный главным образом в сельской местности. Неотъемлемой его частью являются вера в местных авторитетов и мистические представления.

³ У зикри нет мечетей и четко предписанных молитв. Их места поклонения называются зикраны, где они совершают зикр (духовная практика, заключающаяся в многократном произнесении молитвенной формулы, содержащей прославление Бога). Основное расхождение с ортодоксальным учением ислама заключается в признании его основоположника, суфийского теолога Сайида Мухаммада Махди (1443–1505 гг.) толкователем Корана и совершении хаджа к его святыни Кох-е-Мурад в г. Турбате. Суворова А.А. Женское соло в мужском хоре: секта зикри в Пакистане / А.А. Суворова // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – № 2. – 2011. – С. 122–130.

признания адептов зикри немусульманами. Однако необходимость обеспечения стабильности в таком стратегически важном регионе, как Белуджистан¹, заставила режим М. Зия уль-Хака дистанцироваться от межсектантского противостояния между зикри и улемами.

На первоначальном этапе правящий режим также пытался отстраниться и от исламистских нападков на ахмадийцев, которые подвергались жесткой дискриминации со стороны ортодоксов с самого момента образования независимого государства Пакистан². Это было сразу же использовано против него. В 1983 г. наиболее радикальные религиозные круги, недовольные тем, как осуществляется программа исламизации, распространили слух о том, что М. Зия уль-Хак — выходец из ахмадийской общины. Президент был вынужден публично опровергнуть эти обвинения и объявить ахмадийцев неверными. В 1984 г. улемы усилили свою антиахмадийскую кампанию, организовав целый ряд конференций для теоретического обоснования догмата о завершенности пророчества. В условиях открытых угроз и жесткого давления со стороны исламистов 26 апреля президент издал указ о внесении поправок в Уголовный кодекс Пакистана. Представителям ахмадийской общины было запрещено именовать себя мусульманами, проповедовать и распространять свое учение, использовать исламскую терминологию и отправлять мусульманские религиозные обряды. Все эти нарушения возводилось в категорию уголовных преступлений. Таким образом, в шкале приоритетов властей религиозные чувства большинства населения были поставлены выше фундаментальных прав человека. Указ нарушал положения конституции страны о свободе вероисповедания, свободе слова и равенстве граждан. Теперь религиозным радикалам была предоставлена возможность выдвигать обвинения против ахмадийцев буквально за совершения ими религиозных обрядов.

Исходя из сказанного, очевидным представляется тот факт, что процесс исламизации в рассматриваемый период носил всеобъемлющий характер и охватывал собой все без исключения сферы общественной жизни. Если в предшествующие годы власти

¹ Провинция приобрела особую геостратегическую значимость с началом полномасштабного вооруженного конфликта в Афганистане.

² Секта ахмадия возникла на основе религиозно-реформаторского учения Мирзы Ахмада Кадияни (1838–1908 гг.), которое сводилось к догматам о познаваемости Бога, равенстве людей перед ним и социальном прогрессе, которому в Индии способствуют действия просвещенных английских властей. Ее центр находился в восточной части Панджаба в г. Кадиян. В доктринальном отношении учение ахмадия провозглашало своего основателя пророком, нарушая краеугольный принцип ислама о последнем пророчестве пророка Мухаммеда.

предпринимали меры по введению отдельных исламских законов и порядков, то при Зия уль-Хаке был сделан решительный шаг на пути к приведению всей государственной системы в соответствие с положениями Кораны и сунны. Впервые в истории страны представители религиозных партий обрели доступ в высшие эшелоны власти и госструктуры и помогали военным претворять в жизнь идею исламизации, служившую своего рода инструментом легитимизации режима.

Из всех принимаемых режимом мер наиболее сложной и противоречивой была реформа в сфере экономики. На практике она была осуществлена лишь частично, но и даже в таком варианте привносила раскол в мусульманскую общину страны. Введение исламского налогообложения была принята «в штыки» шиитами. Аналогичную реакцию последователей нетрадиционных направлений и течений ислама вызывали и другие меры властей, принимаемые в соответствии с положениями и принципами ортодоксального учения. Все это неизбежно приводило к росту религиозной нетерпимости и насилия в стране.

§ 3. Вооруженный конфликт в Афганистане и отношения с Индией

Религиозный фанатизм военного диктатора затронул и сферу внешней политики. Именно в этот период страна превратилась в один из центров мирового исламизма, а инструментом реализации внешнеполитических целей для Исламабада стал так называемый «государственный терроризм»¹. В немалой степени этому благоприятствовала общая международная обстановка, при которой личные амбиции М. Зия уль-Хака совпали со стратегическими интересами США в азиатском регионе. Диктатор сумел воспользоваться сложившейся ситуацией в Афганистане с тем, чтобы возродить военно-техническое и экономическое сотрудничество с Вашингтоном, которое было приостановлено в соответствии с поправкой Саймингтона (статья 669 Закона об иностранной помощи)². Вообще не будет преувеличением

¹ Под государственным терроризмом подразумевается материальная и финансовая поддержка террористических организаций со стороны конкретных государств в целях обеспечения национальных интересов этих стран в условиях, когда исчерпаны все политические и дипломатические ресурсы, а использование армии нецелесообразно. Васильев Л.Е. Проблемы Безопасности в Восточной Евразии. Борьба с Терроризмом, Сепаратизмом и Экстремизмом / Л.Е. Васильев, Г.Д. Агафонов – М: Институт Дальнего Востока РАН, 2009. – С. 21–20.

² Она предусматривала прекращение военной помощи неядерным государствам, которые импортировали ядерные технологии или оборудование из-за рубежа и ядерные объекты которых не подпадали под действие международных гарантий.

сказать, что участие Пакистана в гражданской войне соседнего государства — главное внешнеполитическое событие периода правления М. Зия уль-Хака. Оно не только сыграло решающую роль в преобразовании системы зарубежных связей и контактов Пакистана, но и существенно повлияло на общую ситуацию внутри страны¹. Для более ясного понимания положения государства на международной арене к моменту назревания одного из крупнейших вооруженных конфликтов времен холодной войны необходимо совершить краткий экскурс в историю пакистанской внешней политики.

Существенное влияние на формирование внешнеполитического курса Пакистана с самого момента его возникновения в 1947 г. оказывал так называемый «индийский фактор», обусловленный наличием острых разногласий и противоречий между двумя соседними государствами. С теоретической точки зрения в основе конфликта лежит вопрос о том, могут ли религия (в данном случае ислам) и связанная с ней культура служить основой нации и национальной идентичности. На практике споры сопряжены с проблемой определения судьбы одного из княжеств (Джамму и Кашмира), входивших в состав колониальной Индии. Большинство населения в нем составляли мусульмане, но решением правителя (индуса по вероисповеданию) оно было присоединено к Индии. Территориальные претензии подталкивали стороны к развязыванию крупномасштабных боевых действий, получивших в научной литературе наименование трех индо-пакистанских войн (1947–48, 1965 и 1971 гг.). В последней войне Исламабад потерпел сокрушительное поражение и лишился своей восточной части территории, которая по итогам войны была объявлена самостоятельным государством Бангладеш. До сих пор международный статус Кашмира остается не проясненным, а количество спорных вопросов и острых проблем в двусторонних отношениях за время существования двух независимых государств лишь возросло.

С момента своего образования Пакистан стремился укрепить свои позиции на мировой арене. Общность религии и идеология панисламизма, разделяемая значительной частью пакистанских деятелей, подталкивали Исламабад к развитию многопланового партнерства с исламскими странами. Предпринимались различного рода попытки встать во главе мусульманского мира. В условиях складывания биполярного мироустройства процесс постепенного

¹ Москаленко В.Н. Пакистан и Афганистан: Прошлое и настоящее / В.Н. Москаленко // Афганистан и сопредельные страны; [отв.ред. М.Р. Арунова]. – М.: ИИИиБВ, 2003. – С. 24–50

сближения Индии и СССР, а также идеологическое неприятие правящей элиты самой идеи социализма вынуждали Пакистан искать союзников на противоположном «полюсе». Стремление страны укрепить свою обороноспособность путем продвижения военно-технического и экономического сотрудничества с западными партнерами привело, в конечном счете, к формированию международно-стратегического и идеологического альянса с США: в 1954 г. Пакистан присоединился к созданному в Юго-Восточной Азии военно-политическому блоку СЕАТО, а 1955 г. — к ближневосточному СЕНТО. Так как со временем блоковая политика продемонстрировала свою несостоятельность, то с начала 1960-х гг. под влиянием внутренних и внешних условий генерал М. Айюб Хан начал пересматривать внешнеполитический курс государства, новый вариант которого окончательно сложился в конце 1960-х гг. Его основные принципы: активизация международной деятельности страны, диверсификация ее внешних контактов и развитие дружеских отношений с великими державами, в том числе СССР. Тем не менее, государство формально продолжало сохранять свое членство в упомянутых военно-политических структурах вплоть до 1970-х гг. (СЕАТО — до 1972 г., СЕНТО — до 1979 г.). При гражданском правительстве З.А. Бхутто линия на установление отношений с любыми из участников международного процесса, включая социалистические государства, получила свое дальнейшее развитие. К концу 1970-х гг. положение страны на международной арене претерпело существенные изменения. После свержения шахского режима в Иране в 1979 г. и событий в Афганистане Средний Восток был объявлен областью «особых интересов» США. Пакистан превратился в основной плацдарм для сдерживания «коммунистической агрессии» и стал больше действовать в фарватере политики западных стран и консервативных мусульманских режимов. Все это совпало по времени с началом правления М. Зия уль-Хака¹.

Участие Пакистана в вооруженном конфликте в Афганистане было продиктовано целым рядом обстоятельств и факторов, некоторые из которых возникли в самом начале становления отношений между двумя государствами, которые на всем протяжении их истории отличались крайней напряженностью. Источник разногласий — давний неразрешенный вопрос о статусе «Пуштунистана», не раз приводивший к возникновению конфликтных ситуаций. Данная проблема досталась Пакистану в наследство от Британской Индии как результат подписания договора о границе между

¹ Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н. История Пакистана XX век / В. Я. Белокреницкий, В. Н. Москаленко. — М.: ИВ РАН, Крафт+, 2007. — С. 230, 241, 338.

британскими владениями в Индии и Афганистаном от 12 ноября 1893 г. между афганским правителем эмиром Абдуррахманом и секретарем по иностранным делам колониальной английской администрации в Британской Индии Мортимером Дюрандом. Пограничная линия, получившая название «линии Дюранда», разделила надвое этническую территорию пуштунских племен, в результате чего часть пуштунов оказалась в Пакистане, а другая — в Афганистане. Афганские власти фактически никогда не признавали «линию Дюранда» в качестве официальной границы с Пакистаном¹.

Пограничный спор между двумя государствами, проблема пуштунских племен, а также стремление Пакистана создать в регионе некий противовес влиянию Индии и укрепить свои позиции в центральноазиатских государствах (этот фактор особенно усилился после распада СССР) обусловили активное вмешательство страны во внутренние дела своего северного соседа. Традиционно Пакистан поддерживал тот режим в Кабуле, который был готов к сотрудничеству в вопросе признания «линии Дюранда» в качестве государственной границы между двумя странами².

С 1973 г. страна оказалась серьезно вовлечена во внутривнутриполитическое противоборство в Афганистане, что было связано с приходом к власти в Кабуле в результате военного переворота и свержения монархической власти генерала Сардара Али Мухаммада Дауда. Так, премьер-министр Пакистана З.А. Бхутто воспринимал его режим как серьезную угрозу безопасности Пакистана, так как Дауд был известен своими симпатиями к движению за образование Пуштунистана. В этих условиях бхуттовское правительство решило сделать ставку на афганскую оппозицию. Исламистским партизанам — сторонникам партий афганской Джамаат-е Ислами («Исламское общество Афганистана») и Хезбе Ислами («Исламская партия Афганистана») —, противостоявшим кабульским властям, было предоставлено убежище в пакистанском городе Пешавар. Оттуда они осуществляли руководство

¹ Сикоев Р.Р. Талибы: религиозно-политический портрет / Р.Р. Сикоев. — М.: ИВ РАН, Крафт+, 2004 г. — С. 84–85.

² Мелехина Н.В. Афганская политика Пакистана: вчера, сегодня и завтра / Н.В. Мелехина // Востокведный сборник.; [отв. ред. А.В. Федорченко А.О. Филоник]. — Выпуск 3. — М.: ИИИиБВ, 2002. — С. 69, 72.

³ Джамаат-е Ислами — одна из старейших исламистских партий Афганистана, которая возникла в 1972 г. из числа неформальных религиозных групп. Партия во главе с профессором Кабульского университета, доктором богословия Бурханудином Раббани разделяла сходную с пакистанской ДИ идеологию. В 1976 г. вследствие острых противоречий внутри партии от нее откололась фракция под руководством Гулбуддина Хекматъяра, который сформировал свою собственную партию Хезбе Ислами.

диверсионно-террористической деятельностью на территории Афганистана. Пакистанские власти тайно оказывали им финансовую помощь и осуществляли военную подготовку бойцов¹.

В ходе визита Дауда в Исламабад в марте 1978 г. стороны вплотную подошли к подписанию ключевого договора, который предусматривал признание линии Дюранда в качестве официальной границы, прекращение поддержки партизанских движений за свободный Пуштунистан на территории Пакистана и предоставление автономии белуджским и пуштунским племенам. Однако 27 апреля 1978 г. в Кабуле произошел государственный переворот. «Прокоммунистически» настроенное офицерство свергло режим президента Дауда. Лидеры оппозиционной к прежнему режиму Народно-демократической партии Афганистана (НДПА)² во главе с Нур Мухаммадом Тараки заняли руководящие позиции в новом революционном правительстве.

Со сменой власти в Кабуле Пакистан признал новый режим и продолжал поддерживать дипломатические отношения с соседним государством. В то же время между лидерами двух стран отмечались серьезные противоречия по всему спектру двусторонних отношений. Исламабад продолжал оказывать поддержку афганским исламистским партиям, возложив ответственность за проведение этих секретных операций на Межвидовую разведку. Зия уль-Хак считал превращение их протезы в мощную политическую силу в Афганистане лишь делом времени. По мере осуществления радикальных социально-экономических преобразований правительством НДПА недовольство режимом постепенно нарастало по всей стране. Наряду с прежними Джамаат-е Ислами и Хезбе Ислами появилось несколько новых групп сопротивления.

Теперь основной задачей руководства Пакистана была не только координация повстанческого движения, но и обеспечение международной поддержки муджахедов. Как только в декабре 1978 г. афганское правительство подписало договор о дружбе с СССР, Пакистан стал бить тревогу в Вашингтоне, убеждая американские политические круги в целесообразности их вмешательства в конфликт³. К июлю 1979 г. администрация США одобрила умеренную программу оказания тайной помощи исламистскому

¹ Мелехина Н.В. Афганская политика Пакистана: вчера, сегодня и завтра / Н.В. Мелехина // Востоковедный сборник; [отв. ред. А.В. Федорченко А.О. Филоник]. – Выпуск 3. – М.: ИИИиБВ, 2002. – С. 72.

² Политическая партия марксистского толка была основана в 1965 г. журналистом Нуром Мухаммадом Тараки. Организация выступала под секуляристскими и антиимпериалистическими лозунгами.

³ Kux, Dennis. The United States and Pakistan, 1947–2000: Disenchanted allies / Dennis Kux. – Baltimore, Md.: Johns Hopkins University Press, 2001. – P. 241.

сопротивлению в Афганистане через территорию Пакистана. Решение было обусловлено целым рядом факторов, среди которых решающим была перспектива увеличения помощи кабульскому режиму со стороны СССР, вплоть до направления регулярных войск, по мере успехов повстанцев. Однако участие США в афганских событиях сводилось лишь к оказанию пропагандистской и психологической поддержки оппозиции, предоставлению материальной помощи и поставкам невоенных грузов в Афганистан, что совершенно не отвечало интересам Зия уль-Хака¹.

В то же время события в Афганистане приняли благоприятный для Пакистана оборот, что позволило диктатору добиться изменения подхода Вашингтона к афганской проблеме и обеспечить интенсификацию партизанской борьбы против кабульского режима. В немалой степени этому содействовали внутрипартийные противоречия в рамках Народно-демократической партии Афганистана. Так, НДПА была разделена на две фракции (с теми же самыми названиями, что и издаваемые ими публикации) – Хальк (народ) и Парчам (флаг). Борьба за власть происходила и в рамках фракций. Все это привело к возвышению Хафизуллы Амина, крайне националистичного, самостоятельного и самоуверенного политика из фракции Хальк.

В сентябре 1979 г. Х. Амин сверг М. Тараки, заняв пост президента страны. Правление нового лидера вызвало еще больший рост оппозиционных настроений среди консервативных кругов страны. Фракционная борьба в НДПА наряду со стремлением Амина к укреплению единоличной власти также ослабляла позиции центрального правительства. Непредсказуемый внешнеполитический курс афганского президента вызывал определенную озабоченность у советского руководства. Опасаясь возрастания влияния США в регионе, СССР пошел на рискованную авантюру. 25 декабря 1979 в результате штурма советским спецназом президентского дворца был убит Х. Амин. Новым лидером страны стал Бабрак Кармаль – более умеренный лидер фракции Парчам в НДПА. Затем для оказания военной помощи новому правительству в Афганистан был введен ограниченный контингент советских войск.

Военное присутствие СССР в Афганистане и эскалация внутривосточного противоборства привели к росту числа афганских беженцев, которые находили убежище на пакистанской территории. Здесь была создана сеть тренировочных лагерей и баз

¹ Gates, Robert Michael. From the Shadows: The Ultimate Insider's Story of Five Presidents and How They Won the Cold War / Robert Michael Gates. – New York: Simon and Shuster, 1996. – P. 146.

по подготовке военных формирований афганской оппозиции. Пакистан в то время стал своего рода плацдармом для ведения борьбы против афганских властей, опиравшихся на советскую поддержку. Исламабад не признал правительство Кармалы и прервал с этим государством дипломатические отношения. На международной арене Пакистан стал одним из основных инициаторов действий, направленных против кабульского режима¹.

Поддерживая афганскую оппозицию в целом, главную ставку Исламабад делал на фундаменталистскую группировку Хезбе Ислами (ХИ, Исламскую партию Афганистана) во главе с Г. Хекматъяром. В отличие от других группировок эта партия провозглашала приоритет ислама над всеми другими ценностями и была менее всего привержена националистической идеологии, что позволяло Исламабаду в случае прихода группировки к власти в Афганистане решить в свою пользу проблему Пуштунистана².

Действия СССР в Афганистане вызвали обеспокоенность всего мирового сообщества. Пакистан занял центральное место в регионе с точки зрения обеспечения стратегических интересов западных стран. С учетом этого военный диктатор поручил своему ближайшему сподвижнику, начальнику МВР генерал-лейтенанту Ахтару Абдуле Рахману разработать план крупномасштабной партизанской борьбы против «советской оккупации»³.

При принятии решения по афганскому вопросу Зия уль-Хак исходил не только из соображений безопасности, но и из таких личных побуждений, как стремление упрочить военный режим, обеспечить стране лидерство в мусульманском мире, укрепить национальное единство благодаря подъему религиозных чувств и добиться экономической и военной помощи от западных стран⁴.

На начальном этапе администрация президента Джимми Картера предоставила Исламабаду экономическую и военную помощь в размере 400 млн долл. США, что не соответствовало ожиданиям Пакистана. Ситуация изменилась с избранием на пост президента Рональда Рейгана. В течение первых месяцев в форме американской экономической и военной помощи, запланированной на пятилетний срок, были выделены 3,2 млрд долл. США. В 1986 г. американская администрация приступила к реализации

¹ Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н. История Пакистана XX век / В. Я. Белокреницкий, В. Н. Москаленко. – М.: ИВ РАН, Крафт+, 2007. – С. 344–345.

² Мелехина Н. В. Афганская политика Пакистана: вчера, сегодня и завтра / Н. В. Мелехина // Востоковедный сборник.; [отв. ред. А. В. Федорченко А. О. Филоник]. – Выпуск 3. – М.: ИИИиБВ, 2002. – С. 69.

³ Brig. Yousaf, Mohammad, Major Adkin, Mark. The Bear Trap: Afghanistan's Untold Story / Brig. Mohammad Yousaf, Major Mark Adkin. – Lahore: Jang Publishers, 1992. – P. 25.

⁴ Там же, P. 26.

очередной программы помощи (4,02 млрд долл. США), рассчитанной на шестилетний период. Была реструктурирована и списана часть пакистанского долга перед США. Почти половина всех американских поставок муджахедам в Афганистане так или иначе оседала в Пакистане и вливалась в «черную экономику». Афганские беженцы обзаводились недвижимостью и другой собственностью в различных районах страны, хотя это запрещалось законом. Им удалось заполучить значительную долю в частной транспортной системе страны. Беженцы были исключительно активны в контрабанде наркотиков, потребительских товаров и особенно оружия, которым была наводнена вся страна, где (по выражению СМИ) возникла и процветала «культура Калашникова»¹.

Проникновение больших потоков пуштунских мигрантов в различные сферы народного хозяйства и осложнение демографической обстановки привели к небывалому до того времени обострению противоречий между этническими группами, в особенности ощущаемому в провинции Синд и ее столице Карачи. Здесь в марте 1984 г. была образована партия Мухаджир кауми мувмент («Мухаджирское национальное движение»), которая под руководством своего лидера Алтафа Хуссейна с апреля 1985 г. перешла к ожесточенной борьбе против представителей конкурирующих общин – синдской (коренное население провинции Синд) и пуштунской – в целях отстаивания прав и интересов мухаджиров². Происходила политическая мобилизация других этнических групп. В 1986 г. была образована пуштунская националистическая Авами нэшнел парти («Народная национальная партия»), ориентированная на защиту прав и интересов своей общины.

Вслед за американской последовала экономическая помощь со стороны остальных западных стран и государств Персидского залива. Свои пожертвования повстанцам перечисляла базировавшаяся в Саудовской Аравии панисламистская организация Рабита аль-Алам аль-Ислами («Всемирная исламская лига»). Рабита направляла в Пакистан представителей организации «Братья-мусульмане» для работы с беженцами и муджахедами. Арабские страны также оказывали помощь Пакистану и в некоторых других формах. Так, большому числу пакистанских мигрантов предоставлялись хорошо оплачиваемые рабочие места в Саудовской Аравии и других монархиях Персидского залива, где в тот момент

¹ Плешов О.В. Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане / О.В. Плешов. – М.: ИВ РАН, Крафт +, 2003. – 162 с.

² Мухаджиры – урдуговорящие мигранты из Индии и их потомки. См. подробнее Jones, Owen Bennett. Pakistan: Eye of the Storm / Owen Bennett Jones. – New Delhi: Penguin Books, 2005. – P. 127.

реализовывались крупные инфраструктурные проекты. Кроме того, пакистанские военнослужащие очень часто нанимались на службу в армии стран данного региона, что создавало дополнительный источник дохода¹.

Наряду с некоторыми преимуществами, непосредственными последствиями вовлеченности в афганский вооруженный конфликт для Пакистана также стали и острая проблема беженцев и рост исламского экстремизма. К концу 1980 г. почти 1 млн беженцев пребывал на территории Пакистана. К 1988 г. их число достигло 3 млн. Пакистан размещал переселенцев в палаточных лагерях, главным образом в Северо-западной пограничной провинции и Белуджистане. Муджахедские группы были наделены неформальной функцией регистрации беженцев по их прибытии в Пакистан, что, в конечном счете, увязывало возможность получения гуманитарной помощи с членством в одной из семи оппозиционных партий Афганистана, получивших признание пакистанских властей. Помимо Джамаат-е Ислами (ДИ) и Хезбе Ислами (ХИ), которые действовали с 1970-х гг., к началу активной фазы борьбы возникли еще две фундаменталистские партии — Иттеihad-е-Ислами («Исламский союз») во главе с клерикалом ваххабитского толка Абдулом Раб Расулом Сайяфом и группировка сторонников пуштунского богослова Юнуса Халиса, отколовшихся от Хезбе Ислами в 1979 г. Также существовали еще три группы, не разделявшие радикальных исламистских взглядов и пользовавшиеся поддержкой западных государств. Хотя Пакистан предоставлял возможность всем семи группировкам вести активную борьбу с кабульским режимом, безусловно, предпочтение отдавалось двум партиям, с которыми власти страны имели давние контакты — ДИ и ХЕ².

Лагерь переселенцев стали центрами рекрутирования мужского населения в муджахедские группы. Помимо обращения к религиозным чувствам и политическим настроениям, лидеры группировок также учитывали экономические трудности и основные потребности беженцев. Большая их часть сталкивалась с проблемой безработицы, в то время как рядовые члены военизированных групп получали хорошую зарплату. Огромную роль также играла идеологическая обработка. Со временем сложилась особая система образования для беженцев, которая приобщала молодых афганцев к идее джихада и исламистскому мировоззрению. Зия уль-Хак содействовал притоку в страну финансовых средств из Саудовской

¹ Haqqani, Husain. Pakistan: between Mosque and Military / Husain Haqqani. – Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2005. – P. 152–153.

² Там же, p. 190.

Аравии и стран Персидского залива для строительства новых мечетей и медресе как для беженцев из Афганистана, так и для местного населения.

По мере интенсификации афганского джихада возрастала роль исламистской идеологии и религиозных партий. Придерживаясь панисламистской идеологии, Зия уль-Хак позволил добровольцам со всего мира приезжать в Пакистан и проходить военную подготовку вместе с муджахедами. Для отдельных категорий иностранных граждан была введена упрощенная процедура выдачи пакистанской визы. По словам индийского политического деятеля Мобашара Джаведа Акбара, «период действия визы зависел от длины бороды»¹. К 1984 г. в стране пребывало большое число иностранных гостей со всего мусульманского мира, простирающегося от североафриканского Марокко до южной части Филиппин. Некоторые из них проходили обучение в местных медресе и Международном исламском университете в Исламабаде. Другие, как Исламский фронт освобождения моголов (выступал за создание исламского государства в преимущественно мусульманских районах Филиппин) и Фронт освобождения мусульман рохингья (который боролся за автономию для мусульманского меньшинства в Бирме), открывали свои представительства, пусть и маленькие, для сбора финансовых средств и идеологической пропаганды.

При правительственной поддержке организация Рабита аль-Алам аль-Ислами активизировала джихадистскую пропаганду с тем, чтобы обеспечить международную поддержку усилий Пакистана на афганском направлении. Таким образом, в годы афганского джихада МВР взаимодействовала не только с представителями правительственных и неправительственных организаций западных стран, но и с исламистами со всего мира².

Деятельность международной антисоветской коалиции обеспечила успех повстанческого движения в Афганистане. К 1987–88 гг. СССР в условиях масштабных людских и материальных потерь оказался готовым к обсуждению условий и порядка вывода своего контингента из Афганистана. В апреле 1988 г. премьер-министр М.Х. Джунеджо, поддержанный представителями американских дипломатических кругов, подписал Женевские соглашения о политическом урегулировании ситуации вокруг Афганистана, положения которого были согласованы в рамках ООН. Примечательно, что перед окончанием переговоров Исламабад попытался

¹ Akbar, Mobashar Javed. *Tinderbox: the Past and Future of Pakistan* / Mobashar Javed Akbar. – New Delhi: HarperCollins Publishers India, 2011. – P. 260.

² Haqqani, Husain. *Pakistan: between Mosque and Military* / Husain Haqqani. – Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2005. – P. 189–192.

оказать давление на Кабул в отношении проблемы государственной границы, поставив ее решение в качестве условия подписания уже готовых документов; но эта попытка не увенчалась успехом¹. Соглашения определяли крайний срок вывода советских войск из Афганистана и последних поставок оружия непосредственным участникам конфликта со стороны их зарубежных союзников. Это означало, что Пакистан еще мог получить дополнительное вооружение от ЦРУ, которое должно было помочь муджахедам свергнуть кабульский режим. Зия уль-Хак настаивал на том, чтобы соглашения также урегулировали проблему власти в Афганистане. Однако Женевские соглашения оставили этот вопрос нерешенным. Американские официальные лица полагали, что режим НДПА рухнет под натиском муджахедов после вывода советского контингента в течение нескольких недель. Со своей стороны пакистанские власти были уверены, что после вывода советских войск афганские партизаны окажутся втянуты в междоусобную борьбу. Зия уль-Хак надеялся решить проблему политического устройства Афганистана, пока обе сверхдержавы были вовлечены в конфликт². Он хотел, чтобы США отблагодарили его за помощь в протывоборстве с СССР, поддержав кандидатуру их протеже Г. Хекматъяра на должность главы коалиционного правительства. Однако американцы не были готовы пойти на это³.

В рассматриваемый период отношения с Индией складывались непросто. Значительное влияние на их состояние оказывали такие факторы внутреннего и внешнего характера, как инициированная режимом программа исламизации и вооруженный конфликт в Афганистане. Как уже упоминалось ранее, в рамках новой идеологии через систему образования и СМИ еще сильнее, чем прежде, демонизировался образ «южного соседа», который представлялся не иначе как «злейший враг» мусульман. Все это было направлено на то, чтобы привить чувства страха и ненависти к индусам, а также укоренить в обществе антииндийские настроения.

В Пакистане помнили, какие последствия имели для страны и ее руководителей вооруженные столкновения с Индией, и признавали, что открытая конфронтация с Нью-Дели может негативно сказываться на состоянии двухстороннего сотрудничества

¹ Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н. История Пакистана XX век / В. Я. Белокреницкий, В. Н. Москаленко. – М.: ИВ РАН, Крафт+, 2007. – С. 344–345.

² Kux, Dennis. The United States and Pakistan, 1947–2000: Disenchanted allies / Dennis Kux. – Baltimore, Md.: Johns Hopkins University Press, 2001. – P. 287.

³ Brig. Yousaf, Mohammad, Major Adkin, Mark. The Bear Trap: Afghanistan's Untold Story / Brig. Mohammad Yousaf, Major Mark Adkin. – Lahore: Jang Publishers, 1992. – P. 12.

с Вашингтоном. Все это обуславливало проведение особого внешнеполитического курса, который предполагал проведение тайных операций по дестабилизации ситуации в Индии при внешнем демонстрировании своего намерения добиться прочного мира с соседним государством. МВР осуществляла мониторинг за сепаратистскими движениями в соседней Индии и по возможности оказывала им поддержку через свои оперативные группы, сформированные в соседних Непале, Бангладеш и Шри-Ланке. Таким образом, страна оказалась в окружении целой агентурной сети пакистанской военной разведки. Тем не менее, это не мешало сторонам демонстрировать дружественные намерения и готовность к двустороннему диалогу. Так, в начале 1980-х гг. происходило некоторое оживление контактов между Индией и Пакистаном, в июне 1983 г. состоялось первое заседание совместной комиссии по развитию двустороннего сотрудничества. Во время встречи на полях инаугурационного саммита СААРК¹ в г. Дакке в декабре 1985 г. индийский премьер-министр Раджив Ганди и пакистанский президент Мухаммед Зия уль-Хак объявили о том, что приложат все усилия для ускорения процесса нормализации отношений. Оба лидера сделали заявление о ненападении на ядерные объекты друг друга. В 1986 г. были предприняты меры по расширению двустороннего торгово-экономического сотрудничества².

Одновременно в те годы был разработан план по интенсификации тайной подрывной деятельности военного режима против Нью-Дели. Так, по мере нарастания напряженности в индийском штате Пенджаб³ пакистанские власти установили контакты с представителями радикальных кругов сикхской общины, допустив большие потоки паломников для посещения их святых мест на пакистанской территории. Индийские разведывательные

¹ СААРК (Ассоциация регионального сотрудничества Южной Азии) – это региональная организация, состоящая из восьми южноазиатских стран (Афганистан, Бангладеш, Бутан, Индия, Мальдивская Республика, Непал, Пакистан и Шри-Ланка) и созданная в целях развития взаимодействия государств-членов в экономической, социально-культурной и научно-технической сферах.

² Шаумян Т.Л. Индия-Пакистан. Раздел 6 Индия и проблемы Южной Азии. Глава IX Внешняя политика Индии / Т.Л. Шаумян // Индия сегодня; [под ред. Т.Л. Шаумян, Е.Ю. Ваниной, А.М. Горячевой, В.П. Кашина, О.В. Маларова, М.А. Плешовой, Р.Б. Рыбакова, Ф.Н. Юрлова]. – М.: ИВ РАН, 2005. – С. 441.

³ Сепаратистское движение сикхов уходит своими корнями во времена Британской Индии с момента присоединения их самостоятельного княжества к британской колонии. В 1970-х гг. происходила радикализация сикхского движения под влиянием социально-экономических, политических и культурных проблем, с которыми столкнулись представители данной религиозной общины. С начала 1980-х гг. в штате разворачивает свою экстремистскую деятельность террористическая организация Дал Хальса, выступавшая за создание самостоятельного сикхского государства Халистан.

службы стали отмечать некоторое взаимодействие между МВР и боевиками движения Халистан по крайней мере с 1981 г., когда террористы угнали самолет индийских авиалиний, совершавший рейс Дели – Сринагар, и посадили его в г. Лахоре. Сепаратистам оказывали помощь в виде поставок вооружения, а также обучения и подготовки военизированных групп. Несмотря на это, военный режим отрицал свою причастность к происходившей эскалации конфликта в индийском Пенджабе.

По мнению шефа бюро журнала «Фронтлайн» в г. Нью-Дели Правина Свами, события в Пенджабе подталкивали Нью-Дели к решительной демонстрации своей силы¹. В июле 1986 г. началась крупнейшая за всю истории вооруженных сил Индии военная операция. К декабрю 13 дивизий общей численностью порядка 160 тыс. человек были размещены на позиции, с которых они угрожали нарушить коммуникацию Пакистана по линии север-юг. Исламабад, прекрасно сознавая, что такие маневры могли служить маскировкой для наступательных действий где-либо ещё, ответил на это мобилизацией своих войск. К январю 1987 г. сложилась реальная угроза возникновения нового вооруженного конфликта. На время кризиса Исламабад ослабил поддержку сепаратистского движения в индийском Пенджабе. Согласно докладу индийского комитета по изучению Каргильского конфликта², в разгар конфликта 1987 г. госминистр иностранных дел Пакистана Заин Нурани угрожал послу Индии в Исламабаде Шилендре Кумару Сингху возможным применением ядерного оружия в случае необходимости. Однако официальный Исламабад отрицал это. Несмотря на некоторые противоречивые свидетельства, фактор сдерживания сыграл определенную роль в предотвращении полномасштабных боевых действий на границе³.

Повстанческое движение в Пенджабе стало постепенно идти на спад лишь с конца 1992 г. С мая 1988 г. Нью-Дели приступил к возведению системы массивных ограждений на границе с Пакистаном с тем, чтобы воспрепятствовать свободному трансграничному передвижению. Оба государства договорились принять

¹ Swami, Praveen. *India-Pakistan and the Secret Jihad: the Covert War in Kashmir, 1947–2004* / Praveen Swami. – Oxford: Routledge, 2007. – P. 238.

² Вскоре после завершения Каргильского вооруженного конфликта 1999 г. с участием регулярных войск Индии и Пакистана индийское правительство во главе с премьером Аталом Бихари Ваджапай учредило комитет, наделенный широкими полномочиями, для расследования причин произошедшего и изучения ошибок и недостатков в работе индийских разведывательных служб.

³ Jones, Owen Bennett. *Pakistan: Eye of the Storm* / Owen Bennett Jones. – New Delhi: Penguin Books, 2002. – P. 219–220.

меры по усилению контроля на границе в штате Пенджаб. К тому моменту центр противостояния сдвинулся в Кашмирский регион.

Еще в самый разгар вооруженного конфликта в Афганистане в среде пакистанских генералов и их союзников из числа представителей правоконсервативных кругов зародилась идея использования потенциала мощного джихадистского движения для дестабилизации ситуации в таком беспокойном индийском штате, как Джамму и Кашмир. По некоторым сведениям, в 1984 г. по приказу Зия уль-Хака был разработан соответствующий план диверсионно-террористической войны.

С середины 1980-х гг. в связи с непростой внутривнутриполитической обстановкой, связанной с досрочной отставкой местного правительства Фарука Абдуллы, отмечался рост насилия в Джамму и Кашмире. Если прежде антиправительственная борьба велась Фронтом освобождения Джамму и Кашмира (ФОДК)¹, то теперь на передовую линию выдвинулась учрежденная при непосредственном участии пакистанской ДИ в 1985 г. новая сепаратистская группировка — Хизб-уль-Муджахеддин (ХМ), целью которой является воссоединение индийского штата Джамму и Кашмира с Пакистаном. Офицеры пакистанских спецслужб проводили регулярные встречи с представителями ХМ, кашмирского отделения ДИ и ФОДК. По некоторым сведениям, на одной из таких встреч в 1987 г. присутствовал сам Зия уль-Хак, который поделился своим планом постепенного ослабления контроля Индии над Кашмиром. Диверсионно-террористическая война готовилась при полном попустительстве международного сообщества, в особенности США, которые не придавали данному процессу серьезного значения. Вашингтон видел в военном режиме надежного союзника в борьбе с «коммунизмом» в Афганистане и воспринимал Индию как страну, тяготеющую в своих внешнеполитических контактах преимущественно к СССР.

К концу 1980-х гг. в штате существовало большое число подпольных террористических групп, готовых в нужный момент поднять свое оружие против местной власти и утопить в крови своего «врага». Достаточно было одной искры, чтобы разжечь пламя новой войны. Согласно распространенному мнению такой искрой стали выборы в местное заксобрание 1987 г., в ходе которых к власти в штате пришло коалиционное правительство общенациональной партии Индийского национального конгресса (ИНК) и Национальной конференции (НК), лояльной по отношению

¹ Фронт освобождения Джамму и Кашмира – это светская националистическая кашмирская организация, выступающая за воссоединение индийской и пакистанской частей Кашмира в качестве независимого государства.

к Нью-Дели¹. Вслед за объявлением их результатов оппозиция обвинила власти в их подтасовке. Особенное недовольство выражал альянс исламистских партий «Мусульманский объединенный фронт», сформированный в предверии выборов в качестве противовеса коалиции ИНК-НК, во главе с кашмирским крылом ДИ. Протесты и беспорядки охватили Сринагар и ряд других городов индийского Кашмира. В них принимали участие преимущественно сторонники исламистских партий, которые, как показали итоги выборов, располагали широкой электоральной базой, чтобы возглавить новый этап народной борьбы против местных властей. Одновременно с этим ФОДК и ДИ получили от своих пакистанских покровителей разрешение на ведение диверсионно-террористической войны при их поддержке. Активисты подпольных террористических групп устремлялись в Пакистан для прохождения обучения и боевой подготовки на базах МВР; при этом страна располагала достаточной инфраструктурой и ресурсами для материально-технического обеспечения растущего числа вооруженных группировок. Уже 15 августа 1988 г. (в день независимости Индии) произошли столкновения между полицией и протестующими. Однако к моменту смерти М. Зия уль-Хака повстанческое движение в Кашмирской долине все еще находилось в своём зародышевом состоянии. «Священному джихаду» против Нью-Дели суждено было вспыхнуть уже после смерти его главного идеолога – М. Зия уль-Хака, – которая совпала по времени с выводом советского контингента из Афганистана, позволившему Исламабаду полностью сосредоточиться на кашмирских делах².

Другой важный эпизод в истории пакистано-индийских отношений – соперничество двух стран в деле наращивания ядерного потенциала. Несмотря на то, что пакистанская программа берет своё начало в годы правления премьер-министра З.А. Бхутто³, не будет преувеличением сказать, что при военном режиме М. Зия уль-Хака был сделан решительный шаг на пути к обладанию одним из мощнейших оружий массового уничтожения, который,

¹ Политическая партия под руководством ее основателя Шейха Абдуллы поддержала идею вхождения княжества Джамму и Кашмир в состав Индийского Союза в 1947 г. С этого момента партия бесценно находилась у власти в регионе.

² Haqqani, Husain. Pakistan: between Mosque and Military / Husain Haqqani. – Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2005. – P. 270–274.

³ 20 января 1972 г. в г. Мултани, провинция Панджаб, состоялось секретное совещание премьера с пакистанскими учеными и инженерами, на котором было принято решение об осуществлении военной ядерной программы. В конце 1974 г. в Пакистан вернулся физик-ядерщик Абдул Кадир Хан, который в течение нескольких лет проработал в странах Западной Европы, и привез с собой секретную техническую документацию по обогащению урана. Под контролем А.К. Хана перешли исследовательские лаборатории в гг. Кахуте и Сихале.

по мнению генералитета, должен был служить своего рода «щитом» от массивного удара Индии в ответ на развязанный страной джихад в индийском Кашмире. В немалой степени этому содействовала благоприятная международная обстановка. С началом боевых действий в Афганистане Вашингтон отменил принятую в апреле 1979 г. поправку Саймингтона, предусматривавшую санкции в отношении Пакистана за нарушение режима нераспространения. На данном этапе Исламабад закупал компоненты, необходимые для создания ядерного оружия, через сеть подставных компаний и тайных информаторов в среде физиков-ядерщиков. Некоторые сотрудники пакистанских посольств во Франции и Германии были привлечены к работе по приобретению ядерных материалов. Сотрудничество в этой сфере осуществлялось с теми компаниями, на которые у «отца» пакистанской ядерной программы Абдул Кадира Хана был непосредственный выход благодаря его прежней работе в консорциуме Уренко¹. Чтобы избежать досмотра со стороны западных таможенных служб, для доставки материалов в Пакистан использовалась дипломатическая почта. Попытки европейских стран пресечь утечку ценных технологий и компонентов не увенчались успехом.

В скором времени ядерная лаборатория в г. Кахуте начала делать первые успехи. К 1978 г. его сотрудники сумели обогатить уран до 3%, необходимых для выработки электроэнергии. К 1982 г. уран был обогащен до уровня 90%, при котором можно было произвести смертоносное оружие. В 1983–1984 гг. страна произвела две ядерные боеголовки. Первая была создана лабораторией г. Кахута, а вторая – ее конкурирующей структурой Пакистанской комиссией по атомной энергии. Считается, что к тому моменту Пакистан уже располагал одной пригодной для применения ядерной бомбой. В марте 1987 г. генерал Зия уль-Хак в интервью американскому журналу «Time» отметил, что «Пакистан может произвести бомбу, когда бы он этого не пожелал. Что такого тяжелого в бомбе? Как только вы приобретете технологии, которыми Пакистан располагает в настоящий момент, вы можете делать все, что вы хотите»².

Следующий этап программы – разработка средств доставки ядерного оружия. В апреле 1988 г. были проведены первые испытания двух версий ракет Хатф-1 и –2 малого (до 80 км) и среднего

¹ После прохождения обучения за рубежом и получения докторской степени в области металлургии А.К. Хан начал работу в нидерландском консорциуме Уренко, занимавшимся производством центрифуг для обогащения урана.

² Doerner, William, Munro, Ross. Pakistan Knocking at the Nuclear Door / William Doerner, Ross Munro // Time magazine. – March 30, 1987. – Vol.129. – № 13.

(до 300 км) радиусов действия, которые были произведены при сотрудничестве с китайскими специалистами. Однако они были неспособны перевозить ядерное оружие. После смерти Зия уль-Хака потребовалось ещё несколько лет для того, чтобы обеспечить ОМУ надежными и эффективными средствами доставки для создания достойного противовеса наступательному потенциалу Индии¹.

Исходя из сказанного, можно заключить, что правление режима Зия уль-Хака по времени совпало с заключительным этапом противостояния двух военно-политических блоков, ареной столкновения стратегических интересов которых стал соседний Афганистан. Статус «прифронтового» государства позволял Исламабаду извлечь максимальное число преимуществ и бонусов из сложившейся международной обстановки. Во-первых, генералу Зия уль-Хаку удалось укрепить позиции и обеспечить прочность своего режима в результате крупномасштабной экономической и военно-технической помощи ряда зарубежных государств. Во-вторых, международное сообщество в свете происходивших событий в Афганистане изменило свой подход по многим вопросам, которые прежде вызывали с его стороны острую критику, в особенности соблюдение Исламабадом режима ядерного нераспространения. Закрыв глаза на многочисленные нарушения режима со стороны Пакистана, зарубежные партнеры тем самым позволили стране приблизиться к обладанию ядерным оружием.

Успехи повстанческого движения в Афганистане вдохновляли режим на использование потенциала джихадистов для обеспечения своих интересов на других внешнеполитических направлениях, прежде всего на индийском. Считается, что именно тогда был разработан план по дестабилизации ситуации в индийском штате Джамму и Кашмир путем ведения диверсионно-террористической войны с привлечением исламистских радикальных группировок, однако практически он стал реализовываться лишь после смерти диктатора. При Зия стратегия ведения борьбы «чужими руками» довольно успешно осуществлялась в штате Пенджаб, где активизированное вооруженное сепаратистское движение пользовалось достаточной материально-технической поддержкой со стороны официального Исламабада. Такое вмешательство Пакистана во внутренние дела Индии привносило дополнительную напряженность и в без того непростые отношения между двумя государствами.

¹ Jones, Owen Bennett. Pakistan: Eye of the Storm / Owen Bennett Jones. – New Delhi: Penguin Books, 2002. – P. 202–207.

Как и его предшественники, с приходом к власти в 1977 г. военный диктатор М. Зия уль-Хак столкнулся с острой необходимостью нивелирования всех существующих региональных, политических и культурных противоречий для укрепления национальной идентичности. Однако его усилия на данном направлении также не увенчались успехом, отчасти из-за оппозиции со стороны многообразных языковых и этнических общностей. Помимо этого, политика всеобъемлющей исламизации, проводимая режимом для усиления национального единства, привела к еще более глубокому религиозному расколу и без того далеко не однородной мусульманской общины страны.

Личность М. Зия уль-Хака до сих пор вызывает много споров в научных кругах. Среди специалистов отсутствует какая-либо однозначная оценка его правления. По мнению американского профессора Чарльза Кеннеди, к концу 1980-х гг. исламизация ни в коей мере не оказала существенного влияния на духовную жизнь пакистанского общества, на ее политическую, правовую и социально-экономическую системы. По его мнению, религиозная риторика военного диктатора и критические замечания его оппонентов о реакционном характере принимаемых им законов были лишь пустыми словами, которые в реальности ничего не меняли. По сути, данная политика лишь вывела на новый уровень отношения между военными и духовенством, власть предержавшими и исламистскими группами и расширила влияние клерикалов в различных государственных структурах¹.

Другой ученый Лоренс Зиринг, занимавшийся исследованием пакистанской истории начиная с 1950-х гг., считает правление М. Зия уль-Хака судьбоносным для Пакистана, подчеркивая его большую значимость для дальнейшего развития страны. По его мнению, в рассматриваемый период Пакистан превратился из аморфной исламской республики в авторитарное теократическое государство. Данный процесс происходил в условиях острых внутривнутриполитических противоречий и соперничества, которые угрожали стабильности и самому существованию страны. В сложившихся условиях единственным спасением было строгое соблюдение какой-либо доктрины. В основу такой доктрины была положена религия. В рамках соответствующей идеологии армии отводились господствующие позиции при широком политическом участии богословов. В целом, проводимая политика

¹ Kennedy, Charles H. Islamization and Legal Reform in Pakistan, 1979–1989 / Charles H. Kennedy // Pacific Affairs. – Vol.63. – № 1. – 1990. – P. 62

исламизации была не просто прихотью одного человека, отражением его личных убеждений. К тому моменту в военных кругах было широко распространено мнение о необходимости укрепления религиозной идентичности народа как фундамента национальной государственности¹.

Отчасти схожие с Л. Зиригом взгляды относительно значимости военного режима М. Зия уль-Хака для дальнейшего развития страны разделяют такие отечественные пакистановеды, как О.В. Плешов, В.Я. Белокреницкий и В.Н. Москаленко. По мнению О.В. Плешова, «Пакистан, который М. Зия уль-Хак оставил, был пороховой бочкой, готовой взорваться от первой искры... А его смерть, похоже, избавила страну от большого кровопролития»². В.Я. Белокреницкий и В.Н. Москаленко считают, что военный правитель «оставил следующему поколению такое наследие (такие проблемы, как религиозный экстремизм, терроризм и т.д.), которое еще долго мешало ему следовать своим путем, деформируя и искажая его»³.

¹ Ziring, Lawrence. From Islamic Republic to Islamic State in Pakistan / Lawrence Ziring // Asian Survey. – Vol.24. – № 9. – 1984. – P. 31–46.

² Плешов О.В. Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане / О.В. Плешов. – М.: ИВ РАН, Крафт+, 2003 г. – С. 196.

³ Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. История Пакистана XX век / В.Я. Белокреницкий, В.Н. Москаленко – М.: ИВ РАН, Крафт+, 2007. – С. 348.

Глава II

«Зияульхаковское наследие» в период «демократического просвета» (1988–1999 гг.)

Развитие страны по конституционно-демократическому пути в конце 1980-х и в 1990-е гг. обусловлено позицией армейской верхушки на данном этапе. Уставшее от длительного пребывания у власти офицерство решило ослабить «закрученные прежде гайки», передать власть легитимно избранным представителям народа и дать возможность стране развиваться в соответствии с общепринятыми демократическими нормами и процедурами (пусть и формальными). Однако военные не могли полностью ограничить свою деятельность выполнением исключительно закрепленных за ними конституционных функций и воздерживаться от политического вмешательства. Сфера их интересов была в значительной степени расширена в предшествующие годы, в особенности, благодаря зияульхаковскому курсу на «милитаризацию» всех сторон жизни пакистанского общества. В случае абсолютного отказа от участия в политических процессах армия могла лишиться не только своих стратегических активов в национальной экономике, разветвленной системы льгот и привилегий, но и также своего самостоятельного статуса и авторитета в обществе. Этим они не были готовы пожертвовать.

В целях защиты своих интересов генералитет сохранил за собой некоторые рычаги влияния. В случаях возникновения непосредственных угроз положению армии рычаги приводились в действие, что нередко приводило к смене гражданских правительств. Так как политические деятели, опиравшиеся на поддержку своего электората, не хотели считаться с другими центрами власти и порой проявляли чрезмерную самостоятельность, то «правительственная чехарда» была неизбежным феноменом для данного периода внутривнутриполитического развития Пакистана.

§ 1. Положение военных в стране

Заметное наследие зияульхаковского правления – политическое и экономическое господство армейской верхушки, которое еще сильнее укрепилось благодаря целому ряду мер, принятых военным режимом. В различных сферах общественной жизни в рассматриваемый период было распространено засилье военных, которые оказывали влияние на многие происходившие в стране события и процессы. С учетом этих особенностей внутривластного развития страны необходимым представляется более детальное рассмотрение такой темы, как положение и роль офицерства в обществе.

По мнению пакистанского политолога Хасана-Аскари Ризви, в конце 1980-х гг. среди высшего офицерского состава было распространено мнение о том, что политическая власть ослабила профессиональные качества армии и подорвала ее авторитет¹. После одиннадцатилетнего правления М. Зия уль-Хака военные были лишены широкой народной поддержки². Наряду с этим, положение нового начальника штаба сухопутных войск генерала Мирзы Аслам Бега в среде высшего военного командования, где доминировали представители панджабских и пуштунских кланов, было крайне шатким, так как он был выходцем из общины мухаджиров. В связи с этим новый начштаба выступил за проведение всеобщих выборов, восстановление работы представительных органов власти и отстранение военных от государственного управления³.

Несмотря на это, после смерти М. Зия уль-Хака генералитет продолжал оказывать значительное воздействие на принятие многих ключевых решений. На всем протяжении периода «демократического просвета» офицерство осуществляло активное вмешательство в сферу государственного управления благодаря такой неформальной структуре власти, как «троевластие», получившее в конкретном случае наименование «тройка» (президент – премьер-министр – начальник штаба армии), которая была непосредственным следствием действия 8-й поправки М. Зия уль-Хака к конституции и ключевые звенья которой обладали весомым политическим влиянием. «Тройка» не только содействовала

¹ Rizvi, Hasan-Askari. The Legacy of Military Rule in Pakistan / Hasan-Askari Rizvi // Survival. – Vol. 31. – № 3 (May-June 1989). – P. 256-257.

² Lamb, Christina. Waiting for Allah: Pakistan's Struggle for Democracy / Christina Lamb. – New Delhi: Viking, 1991. – P. 42

³ Rizvi, Hasan-Askari. The Legacy of Military Rule in Pakistan / Hasan-Askari Rizvi // Survival. – Vol.31. – № 3 (May-June 1989). – P. 256-257.

выработке консенсуса по основным стратегически важным вопросам, но и была источником противоречий и открытых конфликтов. Весь ход исторического развития страны в 1988–1999 гг., главным образом, определялся взаимодействием ключевых игроков в рамках данной конфигурации власти, что обусловило крайнюю политическую волатильность и турбулентность данного периода. Зачастую бюрократия во главе с президентом и военные выступали единым фронтом в ходе конфликтов с гражданскими правительствами. Трижды в 1990, 1993 и 1996 гг. глава государства применял исключительное право на роспуск законодательных и исполнительных органов в связи с обвинениями в коррупции и некомпетентности, что приводило к неоднократной смене кабинетов министров, так называемой «правительственной чехарде».

В условиях восстановления демократии армейская верхушка нуждалась в мощной политической силе, которая выступала бы защитницей всего того, что было сделано предшествующим правящим режимом. Так, в преддверии всеобщих парламентских выборов 1988 г. военные сумели объединить разрозненные правонаксервативные партии под руководством Пакистанской мусульманской лиги¹ Наваза Шарифа в качестве противовеса ПНП – Ислами джамхури иттеhad («Исламский демократический альянс»). Н. Шариф занимал должность главного министра провинции Панджаб и снискал среди сторонников бывшего военного диктатора популярность как преемник покойного генерала². В последующие годы расстановка политических сил главным образом определялась острой борьбой за власть между ПНП Б. Бхутто и ПМЛ(Н) Н. Шарифа.

Одна из основных проблем пакистанского общества того периода – общая деградация его духовной и политической культуры под влиянием радикализма, который преднамеренно насаждался предшествующим военным режимом. Воспитанные в такой негативной среде политические лидеры рассматривали своих оппонентов как «злейших врагов», вели между собой жесткую конкурентную борьбу, а, пребывая у власти, нередко прибегали к репрессиям в отношении инакомыслящих. Те, кто не располагал властными ресурсами, были ограничены в своих возможностях влиять на политику законными методами, что подталкивало их

¹ В 1988 г. в партии произошел раскол. Группа сторонников бывшего премьер-министра М.Х. Джунеджо вышла из ее состава и создала свою собственную фракцию. Руководство ПМЛ перешло одному из ее видных деятелей, губернатору (в годы режима Зия уль-Хака) Северо-западной пограничной провинции Фиде Мохаммаду Хану и Н. Шарифу.

² Плешов О.В. Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане / О.В. Плешов. – М.: ИВ РАН, Крафт+, 2003 г. – С. 204.

к насильственным действиям. Ни о каком продуктивном диалоге между всеми политическими силами, характерном для западной демократии, не могло идти и речи. Осложняли ситуацию присутствующая власть предрешающим культура неприятия оппозиции, а также специфическая модель поведения пакистанских политических деятелей, стремившихся «победить любой ценой» и склонявшихся к ведению острой борьбы с оппонентами вместо поиска компромисса. Вместо современной двухпартийной системы политическая жизнь в стране превратилась в своего рода игру с нулевой суммой, в которой оппозиция не признавала легитимность правящей партии, а правительство прибегало к судебному преследованию в избирательном порядке для ослабления и запугивания политических оппонентов. В дополнение к этому гражданские правительства открыто пренебрегали демократическим принципом «разделения властей». Как Б. Бхутто, так и Н. Шариф в годы своего пребывания у власти активно вмешивались в сугубо корпоративные дела судебной ветви власти путем назначения ряда собственных кандидатур на должности судей либо создания параллельной судебной системы.

Политическая борьба между ПМЛ(Н) и ПНП была бескомпромиссной и носила характер личной вендетты Б. Бхутто и Н. Шарифа. Противоборство сторон можно было трактовать не иначе как традиционный конфликт по линии Панджаб – Синд, который был непосредственным следствием такого свойственного пакистанской политической системе явления, как «панджабизация» власти, которая особенно усилилась во время правления Зия уль-Хака – выходца из панджабской общины, который содействовал кооптации ее представителей во властные структуры. Ради достижения своих узкокорыстных целей стороны были готовы разыграть «региональную карту» в ущерб национальным интересам страны¹. Борьба велась парламентскими и непарламентскими методами. Как и в любой другой стране с преобладанием авторитаризма над демократией в политической сфере, в отсутствие более законных методов продвижения интересов, мобилизация широких народных масс на улицах была единственным эффективным для партий средством достижения их целей. В 1990-е гг. «уличная борьба», нередко сопровождавшаяся применением насилия и кровопролитием, получила еще большее распространение.

Примечателен тот факт, что политические деятели в лице Н. Шарифа и Б. Бхутто, с которыми многие связывали надежды на утверждение в стране подлинной

¹ Более подробно: Shafqat, Saeed. *Civil-Military Relations in Pakistan* / Saeed Shafqat. – Boulder, Colo.: Westview Press, 1997. – P. 231–232.

конституционно-парламентской демократии, вместо того, чтобы объединить свои усилия для обеспечения стабильного и устойчивого развития, нередко шли на сближение с могущественным военно-бюрократическим аппаратом, что препятствовало эффективному функционированию гражданских правительств в рассматриваемый период. Кроме того, Беназир, которая всячески демонстрировала свою приверженность идеалам демократии и объединяла вокруг себя прогрессивно мыслящих политиков, не предпринимала усилий по демократизации самой структуры своей партии, в рамках которой существовал своего рода культ личности нового лидера¹. Бхутто, подобно многим другим азиатским лидерам, не хотела делиться своей властью с другими политическими игроками как в центре, так и на местах. Несмотря на демократические лозунги и предвыборную программу ПНП, в вопросах распределения власти партия на деле ничем не отличалась от других партий, как либеральных, так и консервативных.

Что же касается Н. Шарифа и его партии ПМЛ(Н), то, заполучив абсолютное большинство мест в парламенте страны, Наваз добился отмены 8-й конституционной поправки о перераспределении полномочий президента и премьера в пользу последнего посредством принятия 13-й конституционной поправки, которая отменяла такие полномочия президента, как право отправлять в отставку правительство и распускать парламент. Впервые со времени правления З.А. Бхутто пост премьер-министра стал, безусловно, главным в системе отправления государственной власти. Вслед за этим последовали законодательные меры по укреплению личной власти главы правительства. Свидетельством этого стала новая конституционная поправка, которая предоставляла лидерам парламентских фракций лишать депутатского мандата членов фракций за нарушение партийной дисциплины, при этом данное решение не могло быть обжаловано в суде². На пути к абсолютной узурпации политической власти в стране серьезной преградой оставалась армия — последнее звено в злосчастной «тройке»³. При столкновении интересов государственный переворот был попросту неизбежен. 12 октября 1999 г. начальник штаба сухопутных войск генерал Первез Мушарраф низложил гражданское правительство Н. Шарифа.

¹ Haqqani, Husain. Pakistan: between Mosque and Military / Husain Haqqani. – Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2005. – P. 210.

² Плешов О.В. Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане / О.В. Плешов. – М.: ИВ РАН, Крафт+, 2003 г. – С. 207–208.

³ Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. История Пакистана XX век / В.Я. Белокреницкий, В.Н. Москаленко. – М.: ИВ РАН, Крафт +, 2008 г. – С. 391.

В условиях, когда основные партии (ПНП и ПМЛ(Н)) дискредитировали себя активной вовлеченностью в острую борьбу за власть, которая в значительной степени препятствовала нормальной работе гражданских правительств, стало неизбежным появление в общенациональном масштабе так называемой третьей силы. На передний план постепенно вышел бывшая звезда крикета Имран Хан, который переориентировался с активной общественной¹ на политическую деятельность и учредил в апреле 1996 г. свою собственную партию Техрик-е-Инсаф (Движение справедливости). Хан критиковал власти за коррупцию и стремился представить себя в качестве поборника исламских ценностей. Апеллирование к религиозным чувствам было определенной данью времени: исламский фактор в рассматриваемый период играл важную роль в общественно-политической жизни страны².

Пребывая у власти, правительства Б. Бхутто и Н. Шарифа сталкивались с теми же самыми ограничениями и трудностями, обусловленными наличием двух других влиятельных политических игроков в лице президента и начальника штаба сухопутных войск. Офицерство при поддержке бюрократии стремилось обеспечить неприкосновенность оборонного бюджета и сохранение за армией всех ранее предоставленных привилегий и льгот, а также права вето по ключевым внешнеполитическим вопросам и проблемам безопасности (Афганистан и т. д.)³. В этих условиях парламент, на который в своей деятельности опирались гражданские правительства, играл роль номинального законодательного органа, а большинство законов принималось посредством издания президентских указов⁴. С учетом этого многие законодательные нововведения диктатора М. Зия уль-Хака оставались неприкосновенными. Продолжали действовать зияульхаковские указы о применении наказаний хууд, а преследования религиозных меньшинств на основании поправки в Уголовный кодекс, касающейся богохульства, портили имидж страны в глазах мирового сообщества. Только за 1992 г. в отношении представителей ахмадийской общины было инициировано 10 судебных дел по обвинению в богохульстве⁵.

¹ В 1991 г. был учрежден благотворительный фонд Шауката Ханума, на деньги которого была открыта больница для лечения больных раком в г. Лахоре.

² Khan, Imran. Pakistan: a Personal History / Imran Khan. – Islamabad: Bantam Press, 2012. – P. 123, 136.

³ Haqqani, Husain. Pakistan: between Mosque and Military / Husain Haqqani. – Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2005. – P. 203.

⁴ Там же, P. 231.

⁵ Pakistan: Violations of Human Rights of Ahmadis (ASA 33/15/91) // Amnesty International – September 1991; Pakistan: Use and Abuse of the Blasphemy Laws (ASA 33/08/94) // Amnesty International. – July 1994.

Острая борьба между Б. Бхутто и Н. Шарифом делала позиции премьера настолько слабыми, что глава правительства не мог осуществлять какие-либо реформы или преобразования, ставившие под угрозу статус и авторитет ВС страны¹. Например, на всем протяжении периода ее первого правительства Б. Бхутто была самым слабым звеном в так называемой «тройке». Она не обладала свободой действий во многих вопросах, в том числе в политике в Афганистане и ядерной программе. Когда ядерная программа страны достигла того уровня, когда уже было невозможно скрывать ее масштаб, пакистанские военные и разведывательные службы по старой привычке обратились к исламистам за идеологической поддержкой. Исламисты были активными сторонниками идеи «ядерного Пакистана» и расценивали любые предложения о принятии каких-либо ограничений в этом вопросе как предательство. Вместе с военными они активно критиковали Б. Бхутто за любые малейшие уступки в этой области, сделанные под давлением США. Ядерный потенциал Пакистана считался его большим стратегическим преимуществом. Вместо того, чтобы приостановить ядерную программу, военные предлагали ее ускорить. В результате страна достигла серьезных успехов в деле создания ядерного оружия и средств его доставки. В ходе крупномасштабных учений под кодовым названием «Зарб-е-Момин» («Удар верующего») в 1999 г., которые широко освещались СМИ, журналистам впервые был ярко продемонстрирован хорошо развитый ракетно-ядерный потенциал. В интервью американской газете «Washington Post» заместитель министра иностранных дел Ш. Хан признался, что «Пакистан в настоящий момент способен создать ядерное оружие»². Безусловно, развитие ядерной программы было достижением военного режима М. Зия уль-Хака, который при попустительстве международного сообщества в годы афганского вооруженного конфликта с участием ограниченного контингента советских войск открыто пренебрегал принципами режима нераспространения и обеспечил вовлеченность страны в незаконный обмен опытом, технологиями и материалами в данной сфере в мировом масштабе. В результате, все то, что происходило в конце 1980-х гг., было закономерным продолжением прежних усилий армейской верхушки в данном направлении.

Ситуация вокруг ядерной программы Пакистана не могла не отразиться на его отношениях с зарубежными партнерами.

¹ Lamb, Christina. *Waiting for Allah: Pakistan's Struggle for Democracy* / Christina Lamb. – New Delhi: Viking, 1991. – P. 40, 46–47.

² Haqqani, Husain. *Pakistan: between Mosque and Military* / Husain Haqqani. – Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2005. – P. 223–224.

Незадолго до парламентских выборов 1990 г. президент США Дж. Буш-старший отказался дать письменное уведомление Конгресса об отсутствии у Пакистана ядерного оружия. В связи с этим с 1 октября 1990 г. американская помощь Пакистану была полностью заморожена. Введенные Вашингтоном санкции лишь подтолкнули Исламабад к компенсации потерь в военно-технической области путем развития ракетно-ядерной программы. В этом направлении он действовал тайно, опираясь на давно установившиеся сугубо доверительные связи с КНР и КНДР. После 1991 г. Китай поставил Пакистану партии ракет М-11 и оказал помощь в строительстве предприятия по производству его местного аналога. От Северной Кореи Исламабад получил образцы ракет среднего радиуса действия «Нодонг», которые стали прототипом испытанных позднее пакистанских ракет этой дальности «Гхори». В рамках сложившейся тайной сети по торговле атомными секретами и материалами пакистанцы делились с Пхеньяном технологиями производства ядерных боезарядов и получения оружейного урана¹. Благодаря такому обмену опытом, технологиями и материалами между партнерами Пакистан сумел нарастить достаточный потенциал для проведения успешных ядерных испытаний в мае 1998 г.

Отношения между военными и Б. Бхутто с самого начала ее правления складывались непросто. Спецслужбы не раз предпринимали попытки свергнуть ее правительство. Особая роль в этом отводилась Межвидовой разведке, влияние и авторитет которой существенно возросли благодаря ее решающему участию в афганской кампании времен М. Зия уль-Хака. Печальную известность получила тайная встреча «ночных шакалов» 6 октября 1989 г. в г. Равалпинди с участием двух высокопоставленных офицеров МВР, депутатов Национального собрания от оппозиции и членов синдской ячейки ПНП. Заговорщики планировали подкупить «народных избранников» с тем, чтобы обеспечить вынесение вотума недоверия правительству Беназир в парламенте страны и приход к власти более лояльного ВС Пакистана Н. Шарифа. Бхутто была информирована о ней. Было организовано скрытое прослушивание беседы всех его участников².

Со своей стороны премьер-министр пыталась ослабить влияние армейской верхушки. Так, летом 1989 г., воспользовавшись неудачами МВР на афганском направлении (безуспешное

¹ Арбатова А.Г., Чуфрина Г.И. О ракетно-ядерной программе Пакистана. Ядерное нераспространение в Южной Азии / А.Г. Арбатова, Г.И. Чуфрина. – М.: Центр Карнеги, 2005. – С. 15.

² Rizvi, Hasan-Askari. Civil Military Relations in Contemporary Pakistan / Hasan-Askari Rizvi // Defence Journal [Electronic resource]. – Mode of Access: <http://www.defencejournal.com/july98/civilmilitary2.htm> (Accessed 16.04.13).

наступление муджахедов на г. Джалалабад), премьер-министр отправила в отставку генерала Хамида Гуля, который возглавлял военную разведку еще со времен М. Зия уль-Хака¹. Его сменил ставленник Бхутто генерал Шамсур Рахман Каллуе, назначение которого фактически было бойкотировано офицерами. Также правительством был сформирован комитет под председательством маршала ВВС в отставке Зульф리카ра Али Хана для расследования злоупотреблений разведывательных служб. Эти меры еще сильнее настроили военных против Б. Бхутто, при этом гражданскому правительству так и не удалось установить свой контроль над спецслужбами.

Дальнейшее обострение отношений между сторонами произошло из-за попыток правительства расширить сферу компетенции гражданских властей. Основные противоречия между премьер-министром и президентом страны разгорелись вокруг вопроса о том, кто имеет право назначать и отправлять в отставку председателя Объединенного комитета начальников штабов (ОКНШ). Беназир попыталась отправить в отставку председателя ОКНШ адмирала Ифтихара Ахмеда Сирохи и продлить срок службы близкого к правительственным кругам командующего армейским корпусом в г. Лахоре генерала-лейтенанта Алама Джана Мехсуда, что еще сильнее ухудшило ее отношения не только с президентом Г.И. Ханом, но и со всем высшим военным командованием. Армия расценила действия премьер-министра как вмешательство в ее внутренние дела². Со своей стороны правительство отказалось выполнять требование военных о введении военного положения в провинции Синд для восстановления правопорядка. Это стало последней каплей, переполнившей чашу терпения. На заседании командующих армейскими корпусами военные проинформировали президента Г.И. Хана о своем недовольстве в отношении гражданского правительства³. Ссылаясь на обвинения в коррупции, неспособность гражданской власти осуществлять законодательную деятельность и поддерживать правопорядок, президент отправил в отставку Б. Бхутто, распустил Национальное собрание и провинциальные законодательные собрания в СЗПП и Синде.

Несмотря на первоначальную поддержку военными Н. Шарифа как верного приверженца политики М. Зия уль-Хака, о чем он сам

¹ Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. История Пакистана XX век / В.Я. Белокреницкий., В.Н. Москаленко – М.: ИВ РАН, Крафт +, 2008. – С. 356.

² Hussain, Zahid. Frontline Pakistan: the Path to Catastrophe and the Killing of Benazir Bhutto / Zahid Hussain. – New Delhi: Penguin Books, 2007. – P. 24.

³ Shafqat, Saeed. Pakistan Under Benazir Bhutto / Saeed Shafqat. – Asian Survey. – Vol. 36. – № 7 (July 1996). – P. 655–672.

неоднократно заявлял ранее, с приходом его к власти в 1990 г. их отношения складывались неоднозначно, при этом нередко проявлялись определенные противоречия¹. В итоге, при «молчаливом согласии» со стороны других генералов Н. Шариф сместил начальника штаба сухопутных войск генерала М.А. Бега за несколько месяцев до выхода его в отставку и объявил о назначении своего ставленника генерала Асифа Наваза Джанджуа новым начштаба, на некоторое время ослабив позиции армии². А.Н. Джанджуа по своим личным убеждениям отличался от предшественников. Генералу было чуждо мировоззрение происламски настроенных офицеров зияульхаковского типа, активно продвигающих идею джихада в Афганистане и Индии, что было своего рода исключением из правил. Он был обеспокоен растущим влиянием исламистов и, признавая господствующую роль армии в жизни страны, хотел вновь придать ей профессиональный облик и ограничить ее функции сугубо конституционными рамками. Генерал выступал в поддержку сильного и эффективного гражданского правительства, что требовало от лидеров двух основных политических партий примирения и достижения компромисса. Однако его попытки примирить Б. Бхутто и Н. Шарифа не увенчались успехом, так как его действия не были поддержаны остальными представителями высшего военного командования.

Другим важным кадровым решением Н. Шарифа стало назначение на должность начальника гражданского Разведывательного бюро его выдвигенца, бывшего руководителя внутривнутриполитического отдела МВР бригадного генерала Имтиаза Ахмеда, который принимал активное участие в создании ИДИ. По поручению премьера И. Ахмед приступил к поиску новых политических союзников для премьера с тем, чтобы лишить президента реальной власти³. Последствием всего этого стало дальнейшее возрастание влияния армии и разведывательных служб.

Хотя Н. Шариф начал свое правление в гораздо более благоприятных условиях, чем его предшественница, война в Персидском заливе, споры вокруг законопроекта о шариате (см. подробнее в § 2), растущие экономические проблемы и обвинения в коррупции серьезно подорвали его позиции. Он стремился утвердить самостоятельный курс правительства в таких важных вопросах,

¹ Talbot Ian. *Democratic Transition and Security in Pakistan: Historical Perspectives* / Ian Talbot. – New York: Routledge, 2016. – P. 16.

² Haqqani, Husain. *Pakistan: Between Mosque and Military* / Husain Haqqani. – Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2010. – P. 223.

³ Sohail, Azhar. *Government by Covert Agencies* / Azhar Sohail. – Lahore: Vanguard Books, 1993. – P. 73–75.

как Кашмир, обстановка в Афганистане и отношения с США¹. т. е. в сфере стратегических интересов военно-гражданской бюрократии. Все это не могло не вызывать обеспокоенность в военных кругах. На тот момент влиятельную МВР возглавлял один из наиболее исламистски настроенных офицеров генерал-лейтенант Джавед Насир² (март 1992 – май 1993 г.), который сосредоточил все свои усилия на обеспечение прихода исламистов к власти в Кабуле. Д. Насир сыграл решающую роль в примирении враждующих муджахедских группировок и формировании первого муджахедского правительства во главе с пуштунским духовным лидером Себгатуллою Моджаддеди в Кабуле. Примечательно, что вопреки всем военным правилам и традициям Д. Насир был первым генералом, который носил длинную бороду. После ухода в отставку он примкнул к праворадикальным политическим партиям.

После внезапной смерти начштаба сухопутных войск генерала А. Н. Джанджуа в январе 1993 г. противоречие между премьер-министром Н. Шарифом и президентом Г. И. Ханом возникли вокруг выбора его преемника. Недовольство Хана усилилось и в связи с возможностью сближения Н. Шарифа и Б. Бхутто. После двухлетнего тюремного заключения по обвинению в финансовых злоупотреблениях муж Бхутто Асиф Али Зардари был выпущен из тюрьмы под залог, а Беназир заявила о своей готовности возглавить парламентский комитет по международным вопросам. Все это совпало по времени с решением Шарифа о пересмотре 8-й конституционной поправки и его позиции нейтралитета при переизбрании Г. И. Хана на очередной срок. Последнее президент воспринял как личное оскорбление. Несмотря на свои тесные контакты с военным режимом М. Зия уль-Хака и армейской верхушкой, Шариф стремился избавиться от сложившегося во второй половине 1980-х гг. механизма власти, который в значительной степени ограничивал его власть. Попытки Н. Шарифа, как и Бхутто, расширить свои властные полномочия привели к окончательному «расхождению путей» и отставке его правительства.

В период второго правительства (1993–1996 гг.) Б. Бхутто стремилась всячески «задобрить» могущественную военно-гражданскую бюрократию, которая свергла ее в 1990 г.³ С учетом интересов армейской верхушки она практиковала назначение

¹ Yasmeen, Samina. Democracy in Pakistan: The Third Dismissal / Samina Yasmeen // Asian Survey. – № 34. – № 6 (June 1994) – P. 577.

² См. подробнее Hussain, Zahid. Frontline Pakistan: the Path to Catastrophe and the Killing of Benazir Bhutto / Zahid Hussain. – New Delhi: Penguin Books, 2007. – P. 26.

³ Hussain, Zahid. Frontline Pakistan: the Path to Catastrophe and the Killing of Benazir Bhutto / Zahid Hussain. – New Delhi: Penguin Books, 2007. – P. 28.

отставных высокопоставленных офицеров на гражданские должности. Со своей стороны генералитет демонстрировал лояльность к ее правительству. Однако признание ими власти Беназир было лишь тактическим ходом. Армия и МВР лишь стремились создать впечатление, что все в стране находится под полным контролем гражданских властей, в то время как они продолжали свои усилия по определению стратегического курса правительства. При генерал-лейтенанте Джаведе Ашрафе Кази, назначенным главой МВР в мае 1993 г., военные стали еще более искусно осуществлять свою тайную игру и интриги¹.

В переходный период после отставки второго правительства Б. Бхутто в политическую систему был инкорпорирован новый государственный орган – Совет по обороне и национальной безопасности (СОНБ), что привело к законодательной институционализации и легитимизации политической роли армии. Идея создания такого учреждения уходила своими корнями во времена правления М. Зия уль-Хака (после отмены военного положения). По своим положению, структуре и функциям СОНБ стал воплощением плана предшествующего военного режима. Несмотря на статус консультативного учреждения, который мог быть распушен по решению демократически сформированного правительства, СОНБ формально закреплял за главой страны и генералитетом те властные полномочия, которыми они обладали в рамках «тройки» с момента восстановления конституционно-парламентской демократии в 1988 г. В состав СОНБ входили президент, премьер-министр, министр иностранных дел, министр обороны, министр внутренних дел, министр финансов, председатель Объединенного комитета начальников штабов, начальник штаба сухопутных войск, начальник штаба ВМС и начальник штаба ВВС Пакистана². Президент, а не премьер-министр созывал заседания и председательствовал в СОНБ. Такие функции СОНБ, как определение приоритетов при координировании оборонной стратегии, внутри- и внешнеполитического курсов и разработка рекомендаций правительству по вопросам экономической и налогово-бюджетной политики, которые касались обороны и национальной безопасности, свидетельствовали о более весомой роли СОНБ в жизни страны, чем могло показаться на первый взгляд. В целом, существование СОНБ усиливало централизацию власти и подрывало основы демократии. Первое и одновременно последнее заседание СОНБ состоялось в январе 1997 г.; после

¹ Haqqani, Husain. Pakistan: Between Mosque and Military / Husain Haqqani. – Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2010. – P. 229.

² Там же. P. 242.

формирования нового правительства (по итогам парламентских выборов) СОНБ больше не созывался¹.

В годы своего второго правительства Н. Шариф, подобно М. Зия-Уль-Хаку, активно привлекал военных к участию в рутинной работе гражданской администрации, что обеспечивало их серьезную вовлеченность в те сферы общественной жизни, которые традиционно не относились к их компетенции. Это было реакцией на серьезные недостатки системы, которые препятствовали стабильному развитию страны на всем протяжении ее истории². Заинтересованность гражданского правительства в укреплении правопорядка в стране требовала активного привлечения армии к осуществлению деятельности, выходящей за рамки ее конституционных обязанностей. Парадокс заключался в том, что это противоречило намерениям премьера по установлению фактического контроля над ВС страны.

На пути к утверждению единоличной власти Н. Шарифа неизбежным стало столкновение премьер-министра и начштаба сухопутных войск. 6 октября 1998 г. генерал Джехангир Карамат высказал общее недовольство офицерства некомпетентностью правительства Шарифа и продолжавшимися коррупционными скандалами. В ответ на просьбу премьера о проведении военной операции в провинции Синд он потребовал от властей учреждения нового органа власти — Совета национальной безопасности, в рамках которого были бы четко очерчены границы полномочий вооруженных сил страны³. Премьер-министр не поддержал его требование. Так как по своему характеру и убеждениям Д. Карамат не относился к категории военных, которые были готовы возглавить государственный переворот и свергнуть гражданское правительство, он принял решение о добровольном уходе в отставку за три месяца до положенного срока. Новым начальником штаба сухопутных войск стал генерал Первез Мушарраф⁴.

Генерал П. Мушарраф повел принципиально иную, отличную от своего предшественника политику. Он с готовностью согласился ввести армию в Синд для «наведения порядка» и восстановления законности в регионе⁵. В конце концов, после поражения

¹ National Security Council: A debate on institutions and processes for decision-making on security issues // Pakistan Institute of Legislative Development and Transparency. – April 2012. – P. 19.

² Там же, P. 364.

³ Jones Owen Bennett. Pakistan: Eye of the Storm / Owen Bennett Jones. – New Delhi: Penguin Books, 2005. – P. 38.

⁴ Haqqani, Husain. Pakistan: Between Mosque and Military / Husain Haqqani. – Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2010. – P. 248.

⁵ Плешов О.В. Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане / О.В. Плешов. – М.: ИВ РАН, Крафт +, 2003 г. – С. 220.

страны в Каргильском конфликте (см. подробнее в § 4), который в действительности оказался тщательно спланированной пакистанским генералитетом военной операцией по дестабилизации ситуации в индийском Кашмире, в октябре 1999 г. Мушарраф осуществил государственный переворот и сместил правительство Н. Шарифа.

Любопытно, что в рассматриваемый период военные играли значительную роль в укреплении и развитии двустороннего пакистано-американского взаимодействия. Так, американская администрация поддерживала даже более тесные контакты с пакистанским генералитетом, чем с гражданскими властями. От военного режима М. Зия уль-Хака была унаследована модель налаженного сотрудничества по линии спецслужб, которому был придан серьезный импульс в годы советско-афганского вооруженного конфликта. Пакистанские офицеры совершали регулярные поездки в США, где они встречались с представителями Центрального командования страны. По мнению администрации Дж. Буша-старшего, Пакистан мог быть полезен в обеспечении американских интересов в Персидском заливе¹. В январе 1995 г. министр обороны США Вильям Перри совершил визит в Исламабад. По его итогам было заключено соглашение о возобновлении регулярно проводимых переговоров на высшем уровне по линии военных ведомств двух стран². В целом США рассчитывали на более широкое военное сотрудничество с Пакистаном, в том числе проведение совместных учений, обмен студентами, обучающихся в военных ВУЗах, и участие в миротворческих операциях. На данном этапе Пакистан располагал крупными миротворческими контингентами в Боснии (3 тыс. человек) и Сомали (6 тыс. человек). Американские военные рассматривали страну в качестве своего потенциального партнера в боевых операциях на Ближнем Востоке и в Центральной Азии³.

В эпоху так называемого «демократического просвета» офицерство продолжало активно заниматься коммерческой деятельностью. Эффективно функционировали многие подконтрольные военным предприятия и компании, учрежденные в 1980-х гг. Появлялись и новые проекты. Попытки генерала М. Зия уль-Хака утвердить финансовую автономию армии привели к масштабному

¹ Kux, Dennis. *The United States and Pakistan, 1947–2000: Disenchanted Allies* / Dennis Kux. – Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2001. – P. 309.

² Priest, Dana. *US, Pakistan to Renew Talks; Perry Vows to Improve Military Relations despite Congressional Ban* / Dana Priest // *Washington Post*. – 11 January 1995.

³ Haqqani, Husain. *Pakistan: Between Mosque and Military* / Husain Haqqani. – Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2010. – P. 231.

проникновению ее капитала в новые сферы экономики, расширению ее могущества; эта тенденция сохранялась и в дальнейшие годы. По мнению пакистанского эксперта Аейши Сиддики, происходил процесс превращения армии из «инструмента» реализации правительственного курса в равного партнера в процессе выработки ключевых решений, а также в самостоятельный социальный класс, что было связано с достижением ею политической автономии и экономического могущества. Данный процесс, начатый в 1980-х гг., продолжился и в периоды «демократического просвета» и режима П. Мушаррафа. Финансовая и политическая самостоятельность армии стали двумя взаимосвязанными факторами. С одной стороны, доступ к государственной власти был необходимым условием для эксплуатации национальных ресурсов. С другой стороны, экономическая деятельность генералитета усиливала заинтересованность в сохранении рычагов политического воздействия¹.

Как и прежде, особенностями коммерческой деятельности ВС страны были активное злоупотребление служебным положением офицерами, связанными с теми или иными бизнес-проектами, их коррумпированность и попустительство всем этим нарушениям со стороны гражданских правительств, которые нередко были вовлечены в незаконные финансовые операции. Так, правительство незаконно освободило от уплаты таможенных пошлин предприятия (как подконтрольные военным, так и связанные с бизнесом премьер-министра Н. Шарифа), производившие и экспортировавшие сахарную продукцию в Индию в 1997–1999 гг. При этом, по заявлению одного из бывших высокопоставленных офицеров полиции Х. Аббаса, который долгое время работал в Национальном бюро отчетности², данная организация была лишена возможности расследовать коррупционные скандалы, в которые были вовлечены представители высшего военного командования (генералы Мирза Аслам Бег, Хамид Гуль и др.)³.

В течение 1990-х гг. сохранилась практика предоставления земельных участков и жилья военнослужащим. Дочерние компании благотворительных армейских фондов принимали активное участие в жилищном строительстве. В период 1988–1999 гг. деятельность военных в сфере недвижимости, получившая наибольшее развитие в годы правления М. Зия уль-Хака, находила

¹ Siddiq, Ayesha. *Military Inc.: Inside Pakistan's Military Economy* / Ayesha Siddiq. – London: Pluto Press, 2007. – P. 160

² Государственное учреждение, специализирующееся на борьбе с финансовыми махинациями и коррупцией, а также противодействию экономическому терроризму.

³ Там же, p.160

выражение в четырех основных формах: 1) строительство жилья для военнослужащих; 2) возведение коммерческих зданий в городах; 3) распределение земельных участков среди действующих и отставных военнослужащих; 4) инвестирование капитала благотворительных фондов в сферу недвижимости.

Кроме того, армейские трасты приступили к активному инвестированию индустрии туризма, открыв собственные авиакомпании и несколько турагентств. Начиная с середины 1990-х гг. военные стали вкладывать свой капитал в развитие сфер информационных технологий и образования. На 1988–1999 гг. пришелся существенный рост числа подконтрольных военным учебных заведений. Работа в них хорошо оплачивалась, а учащиеся получали гораздо лучшее образование, чем в гражданских образовательных учреждениях. Общеизвестно, что расходы военных на развитие собственной системы образования и здравоохранения (из расчета на душу населения) были намного выше правительственных расходов на сферы общественных услуг. Стали отмечаться некоторые серьезные новшества по сравнению с предшествующим периодом. Так, в 1990-х гг. военные приступили к коммерциализации своих учебных заведений. Данный процесс коммерциализации подконтрольных военным образовательных учреждений начался с появления элитных школ, обслуживающих гражданское население.

В рассматриваемый период началось инвестирование средств армейских фондов в секторы экономики с огромным капиталовложением и высокой доходностью (нефтегазовый сектор, электроснабжение, цементное производство). Fauji Oil Terminal and Distribution Company Ltd. стала крупнейшей компанией страны в сфере импортирования и транспортировки нефти (ежегодный оборот компании составляет порядка 9 млн тонн нефти)¹. Активно функционировала учрежденная в середине 1980-х гг. нефтегазовая компания Mari Petroleum Gas Company Lmt². Инвестирование в сферу цементного производства было менее успешным. Интересен тот факт, что правительства Бхутто и Шарифа не препятствовали рискованным бизнес-проектам. Политическое руководство того периода, замешанное во многих махинациях и злоупотреблениях, не боялось предоставлять финансовые гарантии убыточным армейским фондам. Большая часть крупных займов попросту не возвращалась обратно правительству.

¹ Fauji Oil Terminal and Distribution Company Ltd. [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.fotco.pk/> (Accessed 30.03.2014).

² Mari Petroleum Gas Company Ltd. [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.mpcl.com.pk/> (Accessed 30.03.2014).

Восстановление конституционно-парламентской демократии после смерти военного диктатора привело к некоторой либерализации режима власти в стране. По итогам демократических выборов 1988 г. власть в Пакистане формально перешла гражданскому правительству Беназир Бхутто, которая воспринималась многими как ярый противник военного диктатора М. Зия уль-Хака. Электоральная победа ее партии ПНП вселяла в людей надежду на утверждение в стране подлинной демократии. Однако на деле правительство было лишено реальной власти, необходимой для проведения соответствующих реформ и преобразований. В своей деятельности Б. Бхутто сталкивалась со многими ограничениями и препятствиями, которые были закреплены в нормативно-правовой базе страны предшествующим режимом М. Зия уль-Хака. Ухудшала общую политическую обстановку острая и бескомпромиссная борьба между премьер-министром и оппозицией. Шаткость позиций гражданских властей обусловила такое характерное для того времени явление, как «правительственная чехарда»: ни Б. Бхутто, ни ее оппонент Н. Шариф не смогли продержаться на своем посту в течение всего положенного по конституции срока.

Военные, хотя и формально отстранились от государственного управления, негласно продолжали контролировать ситуацию в стране, держа руку на пульсе. Офицерство стояло на страже своих интересов в стратегически важных для него сферах общественной жизни, обеспечивая их неприкосновенность от посягательств со стороны правительства. Это в значительной степени мешало нормальному функционированию представительных органов власти.

§ 2. Кризис в Синде

Отдельного рассмотрения и особого внимания заслуживает вопрос, касающийся этнорегиональных противоречий и конфликтов в Пакистане, в особенности в провинции Синд, которая оказалась захлестнута волной насилия и в связи с этим играла роль дестабилизирующего фактора в общественно-политической жизни страны. Как упоминалось ранее, социально-экономические изменения, происходившие в провинции в 1980-х гг. в условиях вооруженного конфликта в Афганистане, без должного внимания и контроля со стороны зияульхаковского режима содействовали накоплению конфликтного потенциала, что в итоге вылилось в крупномасштабное противостояние между различными этническими и религиозными группами, которое пришлось на период «демократического просвета» (1988–1999 гг.). Остановить кровопролитие было бы возможно, если бы целый ряд партий не был

заинтересован в использовании враждующих военизированных групп в качестве средств достижения своих политических целей. Каждая сторона пыталась извлечь выгоду из сложившейся ситуации. Кроме того, межэтническое насилие и беззаконие в Синде служили удобным предлогом для активного вмешательства армии (как самого влиятельного участника «тройки») и неоднократных отставок общенациональных гражданских правительств.

Одним из активных участников межэтнического противостояния выступала упомянутая ранее партия Мухаджир кауми мувмент Алтафа Хуссейна (действовавшая с 1984 г.). Ее идеология основывалась на требовании признания мухаджиров пятой основной национальностью страны и создания для них отдельной провинции. Другие требования МКМ состояли в повышении квот для мухаджиров при наборе в бюрократический аппарата провинции и центра¹. Одной из центральных проблем мухаджирской общины была судьба бихарцев, пребывавших в лагерях беженцев на территории Бангладеш. Руководство МКМ заявляло о необходимости репатриации бихарцев и предоставлении им равных прав и свобод наряду с другими гражданами Пакистана.

Восстановление конституционно-парламентской формы правления после смерти диктатора Зия уль-Хака позволило партии осуществить проникновение в провинциальные структуры власти. Значительный численный перевес урдуязычных мухаджиров обеспечил успех МКМ на выборах 1988 г. в борьбе за депутатские места от Карачи и других крупных городов провинции. На первоначальном этапе партия вступила в коалиционный блок с ПНП, успешно прошедшей в провинциальное законодательное собрание². Декларация о сотрудничестве между партиями предусматривала решение острых социальных проблем мухаджирской общины. В то же время, как показал ход дальнейших событий, ПНП не была способна поддерживать правопорядок в Синде. В провинции отмечались частые случаи межэтнического насилия. Так, в ходе беспорядков в г. Хайдерабаде 30 сентября 1988 г. погибло около 200 человек, главным образом представителей мухаджирской общины. В начале марта 1989 г. в различных районах страны неизвестными была организована целая серия атак на мухаджиров. Вслед за всплеском насилия летом 1989 г. А. Хуссейн обратился к президенту Г. И. Хану с просьбой о личном вмешательстве в ситуацию. Именно Хан содействовал дальнейшей перегруппировке

¹ Kennedy, Charles H. The Politics of Ethnicity in Sindh / Charles H. Kennedy // Asian Survey. – Vol.31. – № 10 (October 1991). – P. 950.

² Jones Owen Bennett. Pakistan: Eye of the Storm / Owen Bennett Jones. – New Delhi: Penguin Books, 2002. – P. 130.

сил, обеспечив подписание соглашения между МКМ и ИДИ, в котором содержалось положение о репатриации бихарцев и предоставлении им пакистанского гражданства¹. В результате МКМ перешла на сторону антибхуттовского движения.

Несмотря на неоднократное введение комендантского часа и продолжавшиеся убийства политических оппонентов в г. Карачи, кризис в Синде достиг своей высшей точки в г. Хайдерабаде. 27 мая 1990 г. под предлогом изъятия незаконно хранившегося оружия синдская полиция осуществила рейд в один из мухаджирских районов города. В ходе операции полицейские открыли стрельбу по местным жителям, в результате которой погибло свыше 40 человек². Этот инцидент, а также последовавший за ним всплеск насилия в г. Карачи были использованы президентом страны в качестве предлога для отставки правительства Б. Бхутто.

На местных выборах 1990 г. убедительную победу одержал бывший лидер ПНП Джам Садик Али, покинувший ряды бхуттовской партии из-за разногласий с бывшими соратниками и баллотировавшийся как независимый кандидат. Он сформировал коалиционное правительство, в которое входили представители МКМ и оппозиционные Б. Бхутто политические деятели. Вплоть до самой своей смерти в марте 1992 г. главный министр Д.С. Али предпринимал различные меры по размыванию электоральной базы ПНП в провинции и при поддержке президента Г.И. Хана проводил целенаправленную репрессивную политику против ее активистов и сторонников. В результате этого провинция превратилась в один из основных центров противоборства основных политических сил страны. Доклад международной организации Amnesty International содержал целый список случаев нарушения прав человека, в том числе тайные аресты политических оппонентов, похищения полицией депутатов провинциального собрания от ПНП, применение пыток к заключенным и убийства людей в ходе «подстроенных столкновений» с полицией («fake encounters»)³. Хотя при Д.С. Али число случаев межэтнического насилия в Синде снизилось, преступность и беззаконие превратились в почти эндемическое явление. В г. Карачи к усиливавшимся противоречиям между соперничавшими фракциями МКМ – МКМ(Алтафа) и МКМ(Хакики) (об этом речь пойдет ниже), боевиками суннитских и шиитских военизированных организаций

¹ Там же, Р. 130–131.

² Verkaaik, Oskar. *Migrants and Militants: Fun and Urban Violence in Pakistan* / Oskar Verkaaik. – Princeton: Princeton University Press, 2004. – Р. 137.

³ Malik, Iftikhar Haider. *State and Civil Society in Pakistan. Politics of Authority, Ideology and Ethnicity* / Iftikhar Haider Malik. – London: Macmillan, 1997. – Р. 245.

добавилась кровопролитная борьба наркобаронов, позиции которых серьезно укрепились с момента расцвета «черной» экономики времен афганского вооруженного конфликта (1979–1988 г.) при попустительстве военного режима М. Зия уль-Хака¹.

Тревогу вызывал тот факт, что большая часть провинции на тот момент находилась под контролем дайкотов. К началу 1991 г., когда были похищены японские студенты и китайские инженеры, слово «дайкота» (англо-индийское слово для обозначения разбойников, организованных в банды) уже прочно вошло в разговорный обиход пакистанцев. Им были посвящены многие статьи в местных газетах и журналах. Дайкоты были традиционно частью общественного строя в сельской местности и имели покровительство крупных землевладельцев, которые использовали их в борьбе со своими конкурентами. Они действовали в городах, скрываясь по завершении операций в сельской местности. По заказу главарей и покровителей они похищали богатых людей и членов их семей, требуя за освобождение огромный выкуп². В самом феномене дайкотов, который достиг своего пика еще во времена правления военного режима М. Зия уль-Хака, прослеживалась социальная подоплека. Так, последствия антиправительственной кампании ДВД 1983 г. и рост безработицы в сельской местности привели к увеличению числа бандитов, отряды которых базировались в лесах прибрежной полосы реки Инд и в горной местности, прилегающей к Белуджистану. К 1991 г. их численность достигала порядка 2000 человек, а влияние было настолько огромным, что в большинстве районов сельской местности Синда все прогулки и поездки людей для их безопасности были ограничены светлым временем суток.

В начале 1991 г. произошел раскол в МКМ, что еще сильнее ухудшило криминогенную обстановку в провинции. Причиной обострившихся внутривнутрипартийных противоречий стало решение А. Хуссейна о превращении организации, отстаивавшей интересы сугубо мухаджирской общины, в широкое общенациональное движение Муттахеда кауми мувмент («Объединенное национальное движение») за права угнетенных слоев населения. Против этого выступила «группа трех», в которую входили министр провинциального правительства от МКМ Бадар Икбал, секретари партии Амир Хан и Афак Ахмед³. Они были исключены из рядов

¹ LaPorte Jr., Robert. Pakistan in 1995: the Continuing Crises / Robert LaPorte Jr. // Asian Survey. – Vol.36. – № 2 (February 1996). – P. 182–183.

² Malik, Iftikhar Haider. State and Civil Society in Pakistan. Politics of Authority, Ideology and Ethnicity / Iftikhar Haider Malik. – London: Macmillan, 1997. – P. 240.

³ Jones Owen Bennett. Pakistan: Eye of the Storm / Owen Bennett Jones. – New Delhi: Penguin Books, 2002. – P. 132–133.

организации и были вынуждены покинуть страну. Вокруг них была сформирована фракция МКМ (Хакики; подлинная). Чистки в МКМ коснулись и других ее высокопоставленных лидеров. Теперь в Синде на первый план выступила ожесточенная борьба между фракциями некогда единой партии: 21 декабря 1991 г. было совершено покушение на лидера МКМ А. Хуссейна со стороны его противников из числа бывших активистов партии; пребывание в Карачи стало для него небезопасным, и он был вынужден искать убежище в Лондоне.

В мае 1992 г. начальник штаба армии генерал Асиф Наваз Джанджуа начал военную операцию в провинции Синд. В целом, действия армии по восстановлению правопорядка содействовали временному спаду активности дайкотов. К середине 1995 г. от бандитов были очищены не только автострады, но и второстепенные дороги в прежде опасных районах, таких как Даду, Ларкана, Наушери Фероз и др¹. Военная операция в Синде еще сильнее обострила и без того хрупкие отношения во «властном треугольнике»: между Н. Шарифом (с одной стороны) и президентом и начальником штаба армии (с другой стороны). Существенное с согласия Г.И. Хана вмешательство военных в ситуацию в наибольшей степени задело интересы премьер-министра. Удар был нанесен по его союзникам в провинции (МКМ А. Хуссейна)². В результате военной операции многие активисты МКМ ушли в подполье, а депутаты вышли из состава провинциального и Национального собраний. В июле 1992 г. при поддержке властей в страну из-за рубежа вернулись диссиденты МКМ. С помощью армии и спецслужб фракция МКМ (Хакики) восстановила свое влияние в большинстве районов города. Тем не менее, ее прямым конкурентом оставалась фракция А. Хуссейна, которая находилась под формальным руководством Азима Тарика, хотя право принятия всех ключевых решений сохранялось за А. Хуссейном. Из Лондона он продолжал контролировать работу своей группировки, не опасаясь быть экстрадированным на родину в связи с отсутствием необходимого для этого соглашения между Пакистаном и Великобританией.

С приходом к власти второго правительства Б. Бхутто появились некоторые надежды на примирение между МКМ(А) и ПНП. Однако все они были перечеркнуты в конце апреля 1994 г., когда правительственные войска открыли огонь по протестовавшим

¹ Talbot Ian. Pakistan: A Modern History / Ian Talbot. – New Delhi: Foundation Books, 2009. – P. 324.

² Malik, Iftikhar Haider. State and Civil Society in Pakistan. Politics of Authority, Ideology and Ethnicity / Iftikhar Haider Malik. – London: Macmillan, 1997. – P. 247.

на мосту Тин Хатти активистам мухаджирского движения. С поспешным уходом армии из г. Карачи по завершении двухлетней военной операции в декабре 1994 г. преступность с новой силой стала набирать обороты. В течение первых двух недель в результате вооруженных нападений погибло свыше 100 человек. Большая часть беспорядков была результатом противостояния конкурирующих фракций МКМ(А) и (Х) в различных районах города. Межсектантские столкновения, которые были непосредственным следствием общей радикализации и брутализации пакистанского общества в предшествующие годы, также вносили свою лепту в общую статистику смертей. Всего за 1994–1995 гг. в Синде, по некоторым подсчетам, погибло около 6 тыс. человек¹. Считается, что суннитские и шиитские военизированные группировки были тесно связаны с местными политическими партиями. Например, активисты МКМ(Х) принимали участие в атаках на шиитов, а боевики суннитской Сипах-е Сахаба Пакистан² были причастны к насилию против членов фракции А. Хуссейна. В свою очередь сторонники Алтафа оказывали поддержку шиитской Сипах-е Мухаммад³. Кроме того, ходили слухи о вовлеченности Индии и индийских разведывательных служб в беспорядки, что и без того усиливало противостояние, охватившее город.

Антиправительственная кампания МКМ в мае-июне 1995 г. и ответные действия полиции напоминали ситуацию в Восточной Бенгалии в 1970–71 гг. Перегибы и произвол в ходе полицейской операции «Зачистка» вызвали рост враждебности среди мухаджиров по отношению к провинциальному правительству главного министра от ПНП Абдуллы Шаха и федеральным властям. Ситуация осложнялась серьезным ограничением их политических прав вслед за отказом местного правительства от проведения выборов в органы МСУ.

Примечателен тот факт, что в основе конфликта МКМ(А) и ПНП лежали противоречия между городским (преимущественно мухаджирским) и сельским (главным образом синдским)

¹ Shafqat, Saeed. Pakistan under Benazir Bhutto / Saeed Shafqat // Asian Survey. – Vol.36. – № 7 (July 1996). – P. 671.

² Сипах-е Сахаба Пакистан («Пакистанские воины сподвижников Пророка») – террористическая организация, относящаяся к деобандской школе, была создана в 1985 г. в целях противодействия усилению влияния в стране шиитской общины после Исламской революции в Иране 1979 г.

³ Сипах-е Мухаммад Пакистан («Пакистанские воины Пророка Мухаммеда») – боевое крыло шиитской политической партии Техрик-е Джафария Пакистан, сформированное в 1993 г. в качестве противовеса суннитской ССП.

⁴ Gayer, Laurent. Karachi: Ordered Disorder and the Struggle for the City / Laurent Gayer. – New Delhi: HarperCollins Publishers India, 2014. – P. 177.

населением Синда, бескомпромиссное столкновение их политических интересов. Кроме того, борьба подогревалась некоторыми силами, заинтересованными в дестабилизации ситуации в Карачи для ослабления влияния гражданского правительства Бхутто. Среди них были и представители панджабского бизнеса: в условиях господствовавшего беззакония и беспорядков отмечался процесс оттока национального капитала в Панджаб в то время, как уменьшался объем иностранных инвестиций, направлявшихся в крупнейший торговый центр страны г. Карачи¹.

После нападения боевиков на сотрудников американского генконсульства в марте 1995 г. армия и президент стали выступать за прекращение полицейской операции в провинции и стали поддерживать идею мирного урегулирования конфликта посредством переговоров. В начале июля МКМ(А) отказалась от своей прежней стратегии. Данные перемены отчасти были вызваны успехами контртеррористических мер правительства², а также постепенным дистанцированием от МКМ(А) ПМЛ(Н) и других оппозиционных партий³. В здании Национального собрания страны в г. Исламабаде начались предварительные переговоры сторон, в ходе которых был достигнут незначительный прогресс.

Межэтническое насилие в г. Карачи продолжалось и во второй половине 1995 г. В конце августа-начале ноября число убитых достигло 500 человек. В декабре был похищен и убит неизвестными Насир Хуссейн – старший брат А. Хуссейна. Спустя две недели в одном из районов г. Карачи в результате атаки погиб Саид Ахсан Шах – брат главного министра провинции Синд⁴. Вслед за этими громкими убийствами наступил период относительного спокойствия. При втором правительстве Н. Шарифа ситуация продолжала оставаться напряженной: за 1998 г. были убиты 1035 человек. С осени 1998 г. в Синде было введено прямое правление из центра.

Как и в индийском штате Пенджаб, регулярные карательные акции властей в провинции Синд привели к ослаблению террористической угрозы. Силам безопасности была предоставлена полная свобода действий в борьбе с боевиками. Большинство

¹ The Far East and Australia 2003, 34th Edition // Regional Surveys of the World. – London and New York: Europa Publications, 2002. – P. 1171.

² Правительство добилось определенного успеха в уничтожении террористической сети МКМ(А), хотя партия и продолжала пользоваться широкой народной поддержкой.

³ Siddiqui, Aziz. Sparring with Enemy / Aziz Siddiqui // Newline. – July 1995. – P. 29–30.

⁴ Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. История Пакистана XX век / В.Я. Белокреницкий, В.Н. Москаленко. – М.: ИВ РАН, Крафт +, 2008. – С. 384.

активистов МКМ были уничтожены во время так называемых «подстроенных столкновений» с полицией («fake encounters»). Однако при отсутствии нормального политического диалога между противоборствующими сторонами было невозможно положить конец беспорядкам. Неправомерные действия полиции не только приводили к гибели невинных людей, но и содействовали общей брутализации пакистанского общества.

Проблема этнорелигиозных противоречий в Синде, которая зарождалась в 1980-х гг. при военном режиме М. Зия уль-Хака, превратилась в бедствие общенационального масштаба в период «демократического просвета». Восстановление конституционно-парламентской демократии после смерти военного диктатора позволило представителям мухаджирской общины обеспечить свое представительство на местном политическом уровне и открыло для них возможность решения насущных проблем при опоре на административный ресурс. Сложившаяся ситуация привела к обострению противоречий между мухаджирами и представителями других этнических групп, населяющих Карачи. Общая печальная картина дополнялась суннитско-шиитскими столкновениями, разгулом бандитизма, а также расколом внутри мухаджирской партии МКМ и ожесточенной борьбой между ее фракциями. Беззаконие и хаос в городе ослабляли и без того шаткие позиции центральных правительств и не раз служили предлогом для их отставки.

§ 3. Религиозный фактор в общественно-политической жизни страны

Противостоявший ПНП на выборах 1988 и 1990 гг. блок ИДИ (выразитель исламистских идей зияульхаковской эпохи) был сформирован по аналогии с антибхуттовским Пакистанским национальным альянсом 1977 г., выступления которого послужили катализатором военного переворота того времени. Хотя ее костяк составляли активисты Пакистанской мусульманской лиги, в коалиции также принимали участие такие правоконсервативные партии, как Джамаат-е Ислами (бывшая идеологическая опора военного режима), Хизб-е-Джихад, Джамаат-е-Машаикх и др¹. Это предполагало выступление блока под религиозными лозунгами и его апеллирование к электоральной базе исламистских организаций. Если прогрессивно-демократические силы страны концентрировались вокруг Б. Бхутто, потому что она была дочерью

¹ Talbot, Ian. Pakistan: a Modern History / Ian Talbot. – New Delhi: Foundation Books, 2009. – P. 295

Зульфикара Али Бхутто (человека, основавшего ПНП и пользовавшегося репутацией мученика, павшего в борьбе с военной диктатурой), то консервативно ориентированные пакистанцы (в том числе значительная масса исламистов) группировались вокруг Н. Шарифа, который на могиле диктатора М. Зия уль-Хака торжественно обещал довести до конца дело исламизации страны¹.

С избранием Б. Бхутто премьер-министром страны исламисты приступили к мощной пропагандистской кампании по дискредитации нового правительства. Для богословов был попросту неприемлем ее западный стиль поведения и образ мышления. Они ставили под сомнение ее религиозные и патриотические чувства, ее способность решать такие насущные вопросы, как ядерная программа и джихад в Афганистане. Ряд улемов издал фетву о запрете занятия женщиной должности главы правительства в мусульманской стране².

Альянс военных и исламистов прошлой эпохи продолжал сохраняться. Так, генералитет стремился поддерживать тесные контакты с исламистскими партиями и использовать их критику и нападки на Б. Бхутто как во время предвыборной кампании 1988 г., так и после ее избрания для ослабления позиций ПНП. В период первого правительства Б. Бхутто религиозные партии при тайной поддержке армии организовывали демонстрации протеста против новой «культуры вседозволенности» и обвиняли правительство в подрыве моральных устоев общества. Однако кампании исламистов не оказывали серьезного влияния на политическую ситуацию в стране до февраля 1989 г., когда акция протеста в г. Исламабаде против книги Салмана Рушди «Сатанинские стихи» завершилась насилием.

Надо отметить, что реакция общественности на публикацию книги Рушди была запоздалой. Лишь через год пакистанский богослов и бывший министр по религиозным делам Маулана Каусар Ниязи написал ряд критических статей об упомянутом произведении. Немалую роль в организации общественной кампании против «Сатанинских стихов» сыграла МВР, которая продолжала продвигать исламистскую повестку дня и стремилась поставить гражданское правительство в тупик. Во время основной демонстрации протеста в г. Исламабаде 12 февраля 1989 г. ее участники

¹ Плешов О.В. Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане / О.В. Плешов. – М.: ИВ РАН, Крафт +, 2003 г. – С. 204–205.

² Akhund, Iqbal. Trial and Error: The Advent and Eclipse of Benazir Bhutto / Iqbal Akhund. – Karachi: Oxford University Press, 2000. – P. 58; Lamb, Christina. Waiting for Allah: Pakistan's Struggle for Democracy / Christina Lamb. – New Delhi: Viking, 1991. – P. 39.

подвергли атаке здание Информационной службы США¹. Полиции пришлось открыть огонь по демонстрантам. В результате погибло 5 человек. События в г. Исламабаде привлекли внимание мировой общественности к «Сатанинским стихам». 14 февраля 1989 г. иранский лидер аятолла Хомейни издал фетву, призывающую к казни С. Рушди за клевету. Это усилило ненависть религиозных партий в Пакистане к Б. Бхутто и «прозападному» правительству ПНП. Оппоненты обращали внимание на то, что американскими издателями «Сатанинских стихов» ранее была опубликована ее автобиография «Дочь Востока»². В целом, атака на здание Информационной службы серьезно подпортила имидж Б. Бхутто в глазах американской общественности, в то время как МВР удалось сохранить в тайне свою роль в разжигании беспорядков³.

Во время предвыборной кампании 1990 г. лидеры ИДИ и их кандидаты активно обращались к исламистской риторике. Господствовала определенная ностальгия по «славному прошлому» времен военного режима. Очень часто лидеры ИДИ приглашали на свои публичные выступления Бегум Зия – жену покойного генерала М. Зия уль-Хака. С учетом царившей атмосферы не исключалась вероятность в случае прихода к власти Н. Шарифа возврата к прежнему курсу на исламизацию страны. Такие подозрения отчасти были подтверждены в мае 1991 г., когда в Национальном собрании был одобрен законопроект о шариате. Однако документ по своему содержанию носил умеренный характер. Закон не предусматривал каких-либо конституционных поправок, которые бы расширили юрисдикцию шариатских судов. Кроме того, в целях ослабления дискриминации религиозных меньшинств законопроект признавал различные толкования персонального права представителями неортодоксальных мусульманских школ. В связи с этим он был подвергнут острой критике со стороны большинства консервативных религиозных партий. Лидер Джамиат-уль-Улама-е Ислам⁴ Маулана Фазлур Рахман назвал данную меру «святой водой

¹ По мнению организаторов выступлений исламистов, публикация книги С. Рушди была американско-сионистским заговором против Ислама.

² Akhund, Iqbal. Trial and Error: The Advent and Eclipse of Benazir Bhutto / Iqbal Akhund. – Karachi: Oxford University Press, 2000. – P. 59–60.

³ Haqqani, Husain. Pakistan: Between Mosque and Military / Husain Haqqani. – Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2010. – P. 209.

⁴ Джамиат-уль-Улама-е Ислам («Общество исламских богословов») – суннитская политическая партия, принадлежащая деобандской школе богословия и возникшая в 1945 г. в результате раскола первой религиозно-политической организации Джамиат-уль-Улама-е Хинд («Общество индийских богословов»). В годы режима М. Зия уль-Хака партия выступала в поддержку афганской политики диктатора. Благодаря государственному патронажу и финансовой помощи ДУИ сумела расширить свою сеть медресе, в особенности в племенных районах.

в бутылке виски»¹. Его партия отказалась принимать участие в процедуре рассмотрения документа. Также недовольство выразили как оппозиционный Народный демократический альянс, так и союзная в тот период Н. Шарифу партия МКМ.

Как и при М. Зия уль-Хаке, при правлении Н. Шарифа женщинам было запрещено выступать на телевидении с непокрытой головой. Во время Олимпийских игр 1992 г. правительство ввело запрет на телевизионную трансляцию соревнований по женскому плаванию, так как плавательные костюмы спортсменок не отвечают исламским нормам приличия². Поддержкой радикалов пользовалась внешнеполитическая стратегия властей в отношении Индии: в штате Джамму и Кашмир продолжал реализовываться план антиправительственной кампании, разработанный в последние годы правления М. Зия уль-Хака, на завершающей стадии вооруженного конфликта в Афганистане с участием ограниченного контингента советских войск. В связи с этим администрация США пригрозила Пакистану включением страны в список государств-спонсоров терроризма.

Несмотря на это, деятельность гражданского правительства Н. Шарифа недостаточно отвечала чаяниям исламистов. Так, власти приняли решительные меры против исламистов, подвергших атаке местные индусские храмы в ответ на уничтожение в Индии индусскими коммуналистами исторической мечети в г. Айодхья. Недовольство вызывал и внешнеполитический курс страны на афганском направлении. В Афганистане правительство Н. Шарифа стало постепенно склоняться к поддержке умеренных группировок моджахедов, в то время как исламисты и МВР продолжали отдавать предпочтение радикалам, на которых военный режим делал ставку в 1980-х гг. Разочарование религиозных партий усилилось в связи с поддержкой пакистанским правительством предложений ООН о формировании временного коалиционного правительства в начале 1992 г. Было очевидным дистанцирование Н. Шарифа от прежнего жесткого исламистского курса³. В этих условиях распад альянса был неизбежен. В мае 1992 г. партия ДИ,

Именно из учащихся этих учебных заведений впоследствии сформировалось движение Талибан. В конце 1980-х гг. из-за разногласий относительно политики военного режима партия распалась на две фракции – Мауланы Фазлуры Рахмана и Мауланы Сами уль-Хака.

¹ Sayeed K.B. Three Worlds of democracy in Pakistan / K.B. Sayeed // Contemporary South Asia. – Vol. 1 – № 1 (1992). – P. 64.

² Moore M., Anderson J.W. Islamic Law – and Zeal – Rise to Challenge Secular Politics in Pakistan / M. Moore, J.W. Anderson // Washington Post. – 21 October 1991.

³ Gargan, Edward A. Fiscal and Political Forces Move Pakistan to Seek Afghan Peace / Edward A. Gargan // New York Times. – 16 February 1992.

которая была недовольна действиями правительства Н. Шарифа, а также его отказом поддержать их фаворита Г. Хекматъяра в борьбе за власть в Кабуле, вышла из ИДИ¹.

В период временного правительства М. Курейши (апрель – октябрь 1993 г.) исламисты активизировали свою политическую борьбу. К тому моменту широкая мобилизация народных масс со стороны фундаменталистов, которые нередко прибегали к насилию и кровопролитию, стала обыденным явлением социально-политической жизни страны. 18 сентября 1993 г. были организованы массовые акции протестов (в том числе одна из крупнейших забастовок в г. Карачи) против правительственных реформ. Тем не менее, религиозные партии так и не сумели расширить свою электоральную базу для обеспечения успеха на предстоящих выборах.

В ходе выборов 1993 г. исламистские партии сумели завоевать лишь 9 мест в Национальном собрании. Основные причины их безуспешного выступления: традиционно низкая электоральная популярность исламистских партий; внутренние противоречия; межсектантское противостояние, которое разъединяло Пакистан со времен претворения в жизнь политики всеобъемлющей исламизации; их репутация как пособников военных режимов². Неудача религиозных партий привела не к ослаблению их активности, а к переходу к более опасным формам сопротивления, в том числе и вооруженным. В г. Карачи и в различных частях Панджаба интенсифицировались межсектантские столкновения. В охваченном беспорядками г. Карачи между активистами шиитской Сипах-е Мухаммад Пакистан и суннитской Сипах-е Сахаба Пакистан («Пакистанские воины сподвижников пророка»; ССП) происходила ожесточенная вооруженная борьба. В результате атаки на мечеть Акбара 7 декабря 1994 г. погибло 8 человек, в том числе глава местной ячейки ССП. Столкновения происходили и в западнопанджабском округе Джанг, где они имели и социальную подоплеку: крупные землевладельцы принадлежали там главным образом к последователям шиитского учения, а крестьяне и бедный городской люд были суннитами³. 10 сентября 1996 г. в г. Парачинаре агентства Куррам произошли бои между студентами-суннитами и студентами-шиитами местного образовательного учреждения. В течение последующей

¹ Talbot, Ian. Pakistan: a Modern History / Ian Talbot. – New Delhi: Foundation Books, 2009. – P. 318.

² Там же, P. 331.

³ Hussain, Zahid. Frontline Pakistan: the Path to Catastrophe and the Killing of Benazir Bhutto / Zahid Hussain. – New Delhi: Penguin Books, 2007. – P. 92

недели насилие в регионе не прекращалось. В результате, по самым скромным подсчетам, погибло порядка 100 человек, еще больше людей получили ранения. Таким образом, суннитско-шиитское противостояние, которое уходило своими корнями в период «исламизации» страны, приобрело еще большие масштабы.

В ноябре 1994 г. произошло вооруженное исламское восстание в районе Малаканд Северо-западной пограничной провинции. Руководство антиправительственной деятельностью осуществляло Техрик-е-Нифаз-е-Шариат-е-Мохаммади («Движение за введение шариата пророка Мухаммеда»). Движение было создано в июне 1989 г. сторонниками радикального клерикала Мауланы Суфи Мухаммада. Ряды активистов ТНШМ были впоследствии пополнены афганскими боевиками. Впервые движение заявило о себе в мае 1994 г., когда боевики этого движения заблокировали Малакандский перевал в рамках кампании по замене в регионе гражданского законодательства шариатскими порядками. Так как Верховный суд признал нормативно-правовые акты Федерально управляемых племенных территорий утратившими законную силу для округа Малаканд, то в районе сложился правовой вакуум. В ноябре движение интенсифицировало свои усилия по утверждению шариатских законов. В течение пяти дней активистами движения были заблокированы основные автодороги. Были взяты в плен правительственные чиновники и захвачен местный аэропорт¹. Правительство мобилизовало свои войска и в качестве уступки объявило о введении в районе шариата. В июне 1995 г. в связи с отказом одного из активистов движения в г. Матте СЗПП от уплаты «неисламского» налога на доход от землевладения кампания была вновь возобновлена. Правительственная политика «кнута и пряника», включая арест Суфи Мухаммада, сумела ослабить волнения, хотя продолжали оставаться нерешенными такие проблемы, как бедность и экономическая отсталость, которые обостряли обстановку в регионе. Дополняла картину проблема афганских беженцев, большое число которых обосновалось в этом районе в годы вооруженного конфликта в Афганистане с участием ограниченного контингента советских войск, при этом их миграция продолжалась и в 1990-е гг. Этот фактор содействовал общей радикализации местного населения так же, как и гражданская война в соседнем Афганистане.

Страхи по поводу распространения на всю территорию Пакистана религиозного экстремизма племенных районов усилились в мае 1994 г. Так, в г. Лахоре богословы организовали массовую

¹ LaPorte, Robert Jr. Pakistan in 1995: the Continuing Crises / Robert Jr. LaPorte // Asian Survey. – Vol.36. – № 2 (February 1996). – P. 184.

акцию протеста рядом со зданием Высокого суда, где в тот момент проходило рассмотрение прошения об обжаловании смертного приговора в отношении христиан Саламата и Рехмата Масиха, обвиненных в богохульстве в соответствии с зияульхаковской поправкой в Уголовный кодекс относительно данного преступления. Следует отметить, что с момента гибели военного диктатора в 1988 г. число случаев судебного преследования и дискриминации религиозных меньшинств не снизилось, а даже возросло. Инцидент с Масихами был не единичным, однако на тот момент именно он получил широкую общественную огласку. Участники митинга, обращаясь к движению Талибан с призывом к защите ислама в Пакистане, скандировали лозунг: «Кабул ке бад, Исламабад... Талибан, Талибан» (После Кабула, Исламабад... Талибан, Талибан)¹. В последующие месяцы напряженность в городе сохранялась. В октябре 1994 г. в г. Лахоре состоялась массовая манифестация хорошо вооруженных активистов СМП под руководством Аллама Раза Накви рядом с монументом Минар-е-Пакистан. В следующем месяце боевики движения подвергли атаке офисы пакистанской газеты «The Pakistan Observer», обвиненной в связях с конкурирующей суннитской группой ССП².

Тревожным сигналом в период второго правительства Б. Бхутто стала попытка группы происламски настроенных офицеров осуществить государственный переворот осенью 1995 г. Так, генерал-майор Захирул Ислам Аббаси, бригадир Мустансар Билла, полковники Мухаммад Азад Минас и Иннаятулла Хан организовали заговор с целью захвата власти и провозглашения Пакистана суннитским исламским государством. Конспираторы с группой младших офицеров получили оружие с территории пуштунских племен и планировали свое выступление 30 сентября — день встречи командующих всеми армейскими корпусами³. Заговор не имел широкой поддержки в среде военных и был раскрыт незадолго до ухода в отставку начальника штаба сухопутных войск Абдула Вахида Какара, который был известен как сторонник «деполитизации» вооруженных сил. Несмотря на это, данный инцидент еще раз напомнил о распространенных в военной среде консервативно-религиозных настроениях, что было прямым следствием политики М. Зия уль-Хака по насаждению исламистского образа мышления в среде военнослужащих, а также их идеологической индоктринации в соответствующем духе.

¹ Hussain, Zahid. Islamic Warriors / Zahid Hussain // Newline. – February 1995.

² Zaidi, Mazhar. The Shias Strike Back / Mazhar Zaidi // Newline. – February 1995.

³ Jones, Owen Bennett. Pakistan: Eye of the Storm / Owen Bennett Jones. – New Delhi: Penguin Books, 2002. – P. 260–261.

В свете судебного процесса над христианами Масихами, приговоренными к смертной казне «за оскорбление пророка и ислама», активными стали обсуждения возможности реформирования Уголовного кодекса. Однако мощная протестная кампания мулл воспрепятствовала внесению даже ограниченных поправок в кодекс страны. По той же самой причине ПНП не удалось выполнить свое предвыборное обещание относительно пересмотра зия-уль-хаковского положения о наказаниях худуд¹. В то же время после теракта в Международном торговом центре в г. Нью-Йорке в феврале 1993 г. под давлением США власти начали наступление на исламистские группировки, базировавшиеся в стране, многие из которых принимали активное участие в афганском джихаде.

Несмотря на неудачное выступление религиозно-политических партий на выборах 1997 г., при втором правительстве Н. Шарифа исламизм как идеология (особенно в сочетании с национализмом) укрепил свои позиции. Следуя во многом линии Зия уль-Хака во внешней и внутренней политике, Н. Шариф приватствовал успехи движения Талибан в Афганистане, действия сепаратистов в Чечне и, разумеется, борьбу за «освобождение» Кашмира. В октябре 1998 г. правительство внесло на рассмотрение парламента 15-ю поправку² к конституции, в которой утверждалось, что Коран и сунна пророка должны быть верховным законом Пакистана. Так как правящая партия обладала квалифицированным большинством в нижней палате парламента, то голосами ее членов эта поправка была принята в тот же день без обсуждения. Представители оппозиционных партий высказались за его неодобрение ввиду разъяснений к статье, утверждавших, что именно федеральное правительство «обязано принять меры к насаждению шариата» и оно же получает право, ссылаясь на новую статью, игнорировать другие нормы и положения конституции. Вступление 15-й поправки в силу ознаменовало бы усиление не только исламской составляющей, но и единоличного диктата Н. Шарифа. Очевидным был тот факт, что премьер-министр так же, как и М. Зия уль-Хак, стремился использовать идеологию исламизма в узкокорыстных целях — обретения абсолютной власти, наподобие той, которой обладали

¹ Белокрыцкий В.Я., Москаленко В.Н. История Пакистана XX век / В.Я. Белокрыцкий, В.Н. Москаленко. – М.: ИВ РАН, Крафт +, 2008 г. – С. 385.

² Constitutional Amendment 15th (CA-15) Text [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.pakistani.org/pakistan/constitution/amendments/15amendment.html> (Accessed 03.04.2014).

средневековые халифы. Однако без одобрения Сената, где у ПМЛ не было большинства, поправка осталась лишь на бумаге¹.

Во второй половине 1990-х гг. резко увеличилось число нападений и террористических актов на сектантской почве, главным образом между суннитами и шиитами. Зимой 1997–1998 г. они охватили Панджаб, прежде всего Лахор. В январе там произошел один из самых кровавых инцидентов. Группа налетчиков расстреляла толпу шиитов на кладбище, убив на месте 22 человека и ранив свыше 50 человек. В городе прошла стихийная акция протеста, которая также не обошлась без насилия и вандализма. Еще большими беспорядками сопровождались похороны жертв расправы. В центре города хозяйничали грабители и мародеры. Взаимные расправы шиитов и суннитов долго не утихали. Помимо Лахора (где за 8 месяцев жертвами террора стали 1230 человек), они затронули западные округа Панджаба (Джанг и Дерагазихан), отдельные районы СЗПП (Хангу) и Карачи. В Карачи убили главного муллу крупнейшей суннитской деобандской мечети в районе Бинори-таун, а также ряд других видных религиозных деятелей². В организации преступлений общественность подозревала лиц, связанных с суннитскими организациями Сипах-е Сахаба Пакистан, Лашкар-е Джангви³, шиитской Сипах-е Мухаммад. Руководители этих организаций отрицали свою причастность, требуя от правительства найти и наказать виновных. Но раскрываемость преступлений на сектантской почве была наиболее низкой по сравнению с другими видами нарушений закона⁴.

Помимо суннитско-шиитского противостояния, острыми были также противоречия между суннитскими школами Деобанди и Барелви. Последователи барелвийского учения были отстранены от участия в процессе исламизации страны в 1980-х гг., так как они никак не вписывались в официальную идеологию правящего режима и подвергались дискриминации наряду с представителями других исламских течений. Уже в 1990 г. в г. Карачи сформировалась

¹ Плешов О.В. Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане / О.В. Плешов. – М.: ИВ РАН, Крафт+, 2003 г. – С. 209.

² Белокрыцкий В.Я., Москаленко В.Н. История Пакистана XX век / В.Я. Белокрыцкий, В.Н. Москаленко. – М.: ИВ РАН, Крафт+, 2008 г. – С. 387.

³ Лашкар-е Джангви («Армия Джангви») – экстремистская организация, сформированная в 1996 г. бывшим активистом ССП Риязом Басрой и его соратниками. Группировка была названа в честь суннитского богослова и одного из основателей ССП Хак Наваза Джангви, от идеалов которого, по мнению лидеров ЛД, организация отошла после его гибели. Причастна к большинству нападений и терактов против представителей шиитской общины.

⁴ Ганковский Ю.В. Нестабильность становится перманентной / Ю.В. Ганковский // Азия и Африка сегодня. – 1999. – № 4 – С. 18–22.

радикальная группа адептов барелвийского учения, тесно связанная с ранее упомянутой организацией Дават-е-Ислами, – Сунни Техрик (СТ). С момента своего появления группировка заняла воинственную позицию и специализировалась на вооруженных операциях по захвату мечетей, находившихся под контролем представителей конкурирующих школ. По словам лидера СТ Шахида Гаури, в 1990–2006 гг. под их управление перешли порядка 20–25% всех пакистанских мечетей, на которые претендует данная организация¹.

Несмотря на происламскую ориентацию гражданского правительства Н. Шарифа, исламисты в скором времени разочаровались в нем. Авторитарное правление Н. Шарифа фактически настраивало против него любую политическую силу в стране. В январе 1998 г. на премьера было совершено покушение, в подготовке которого обвинили экстремистскую организацию Лашкар-е Джанги. В апреле ее вожак Р. Басри погиб в перестрелке с полицией. Стремясь дистанцироваться от исламистов, кабинет Шарифа пошел на ослабление связей с талибами – «духовными детьми» пакистанских улемов. С консолидацией власти талибов в Афганистане местные фундаменталисты потребовали установления в стране схожего режима. Дальнейшее обострение отношений между премьер-министром и представителями религиозных кругов произошло в связи с правительственным решением о прекращении войны с Индией во время Каргильского конфликта 1999 г. (см. подробнее в § 4). Исламисты выступили с резкой критикой Н. Шарифа, организовав шумные акции протеста. В июле – августе в Лахоре, Исламабаде, Пешаваре и других городах прошли антиправительственные демонстрации, в которых участвовали десятки и сотни тысяч человек, а, по утверждению оппозиции, – даже миллионы человек. Возникла реальная угроза активизации масштабного движения для изменения существующей политической системы и утверждения исламских порядков. Согласно распространенному мнению, исламистские партии готовились взять власть в свои руки, располагая хорошо вооруженными боевыми группами, закаленными в боях в Кашмире, Афганистане и Центральной Азии².

Фактор ислама играл существенную роль в общественно-политической жизни страны в период «демократического просвета» (1988–1999 гг.). Религиозная риторика громко звучала во время

¹ Gayer Laurent. Karachi: Ordered Disorder and the Struggle for the City / Laurent Gayer. – New Delhi: HarperCollins Publishers India, 2014. – P. 179.

² Rashid, Ahmed. Sharif's New Test / Ahmed Rashid // The Far Eastern Economic Review. – Vol. 162. – № 38. – P. 27–28.

предвыборных кампаний 1988 и 1990 гг. По итогам выборов 1990 г. блок ИДИ, считавшейся выразителем исламистских идей, обрел доступ к власти и тем самым получил возможность довести дело Зия уль-Хака до конца. Однако острые разногласия внутри коалиции привели к выходу из нее религиозных партий, что обусловило досрочную отставку правительства. В годы правления премьер-министра Б. Бхутто, как и при втором правительстве Н. Шарифа, исламисты выступали с жестких антиправительственных позиций, мобилизуя широкие народные массы «на улицах». Несмотря на электоральные неудачи, консервативные партии пользовались поддержкой немалого числа симпатизировавших им людей. То, что усиленно взращивалось и насаждалось зияульхаковским режимом ради укрепления власти, в последующие годы представляло серьезную угрозу политическому доминированию правящей элиты.

§ 4. Международный аспект исламизма

Международная обстановка на рубеже 1980—1990-х гг. характеризовалась спадом напряженности во взаимоотношениях между великими державами, что в итоге привело к завершению холодной войны. Вследствие развала СССР и всего социалистического лагеря происходил неминуемый процесс перекаривания геополитической карты мира. Сложившаяся ситуация имела крайне неблагоприятные последствия для самого Пакистана. С учетом новых глобальных реалий страна лишилась своей прежней привлекательности в глазах американского политического истеблишмента с точки зрения обеспечения его стратегических интересов в рамках новой системы международных отношений. С выводом советского контингента из Афганистана США стали проявлять гораздо меньший интерес к внутренним делам данной страны и, соответственно, к сотрудничеству с Исламабадом, который продолжал играть ключевую роль в борьбе партизанского движения против кабульского правительства. Все внимание американской администрации оказалось приковано к ближневосточному региону, где в тот момент развивались довольно тревожные для международного сообщества события: Кувейт был оккупирован иракскими войсками Саддама Хусейна. Следует отметить, что Иракский кризис крайне негативно отразился на внутренней ситуации в самом Пакистане, спровоцировав обострение противоречий относительно внешнеполитического курса государства в правящих кругах, в особенности между военными и гражданской властью. Несмотря на то, что официально Исламабад выразил поддержку действиям коалиционных сил, начштаба сухопутных

войск страны А. Бег ни в коей мере не разделял данного подхода. Симпатии широких народных масс к Саддаму Хусейну привнесли серьезный раскол в правящую коалицию ИДИ. Бывшие союзники Н. Шарифа из числа правоконсервативных партий вышли из состава коалиционного правительства, обвинив его в проамериканской позиции. Ввиду широкого общественного недовольства не исключалась даже вероятность очередного военного переворота под руководством А. Бега на волне протестных настроений¹.

В конце 1980 – начале 1990-х гг. с учетом расхождений и разногласий по целому ряду вопросов пакистано-американские отношения опустились до весьма низкого уровня. В диалоге с Пакистаном США вновь ужесточили свою позицию, возобновив критику пакистанских властей за нарушение прав человека и режима ядерного нераспространения. Неблагоприятным для Исламабада стал пересмотр Вашингтоном своего прежнего подхода по кашмирской проблеме. Как и другие представители международного сообщества, Соединенные Штаты теперь воздерживались от какого-либо вмешательства в решение данного спора, считая его вопросом сугубо двусторонних отношений Индии и Пакистана. Кроме того, над Пакистаном даже нависла угроза причисления к государствам, поддерживающим терроризм, из-за масштабной помощи, оказываемой антиправительственным силам в индийском штате Джамму и Кашмир. В таких условиях стране было чрезвычайно тяжело реализовывать свои внешнеполитические планы и продвигать свои интересы на мировой арене.

В рассматриваемый период фактор исламизма играл решающую роль в сфере внешней политики, что было прямым наследием эпохи правления М. Зия уль-Хака. Особенно это ярко проявлялось на индийском и афганском направлениях. Если агрессивный курс в Афганистане окончательно сложился и последовательно проводился еще при предыдущем военном режиме, то аналогичная стратегия (при опоре на религиозных фундаменталистов) в отношении Индии стала реализовываться после смерти военного диктатора в 1988 г., хотя и была логичным следствием всех прежних усилий военной разведки по возвращению исламского экстремизма.

С приходом к власти Б. Бхутто стремилась к нормализации двусторонних отношений с Индией. В ходе визита индийского премьера Раджива Ганди в Исламабад в декабре 1988 г. стороны заключили ряд соглашений, в том числе о ненападении на ядерные объекты друг друга. Премьер-министр Индии позитивно

¹ Haqqani, Husain. Pakistan: Between Mosque and Military / Husain Haqqani. – Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2010. – P. 222.

воспринял предложения своей пакистанской коллеги о взаимном сокращении обычного вооружения и возобновлении переговоров по спорному вопросу о леднике Сиачен¹ в Кашмире². Однако поддержанию продуктивного диалога с индийскими властями препятствовала позиция военных и исламистов. Они критиковали премьера за ее мягкий подход к Индии. Кроме того, МВР во главе с А.А. Рахманом еще в последние годы правления М. Зия уль-Хака разработала план по развертыванию повстанческого движения в индийском штате Джамму и Кашмир³, для реализации которого с конца 1980-х гг. начался процесс инфильтрации боевиков в Кашмирскую долину.

Однако развязыванию джихада в этом регионе содействовали не только подрывная деятельность МВР, но и сложившаяся неблагоприятная обстановка в регионе. Здесь после фальсификации властями результатов местных выборов 1987 г. постепенно накапливалось подспудное недовольство, которое в начале 1989 г. вылилось в серию актов гражданского неповиновения, манифестаций и межобщинных столкновений в самом «сердце» штата – Кашмирской долине⁴. Во второй половине 1989 г. в штате произошло

¹ Сиачен – ледник, расположенный в горной системе Каракорум недалеко от Линии контроля. Территориальный спор Индии и Пакистана о принадлежности Сиачена был обусловлен отсутствием какого-либо упоминания в Соглашении о прекращении огня 1949 г. и Симлском соглашении 1971 г. о том, как должна проходить демаркационная линия после отметки NJ9842. На момент подписания документов стороны не проявляли интереса к этому чрезвычайно холодному и труднодоступному району. В 1970-х-начале 1980-х гг. стали организовываться экспедиции иностранных альпинистов на ледник с территории Пакистана с разрешения официального Исламабада. В качестве контрмеры Индия осуществила военную экспедицию под руководством полковника Н. Кумара на ледник в конце 1970-х гг. Это в свою очередь подтолкнуло пакистанское военное командование к разработке плана и подготовке к занятию стратегических высот в данном районе. Узнав о пакистанском плане, Нью-Дели провел упредительную операцию под кодовым названием «Мегхдут» в апреле 1984 г., в результате которой индийцы оккупировали значительную часть территории Сиачена. Пакистанцы отреагировали тем, что разместили на не занятых индийскими формированиями высотах свои части и подразделения. С этого момента в районе происходили регулярные столкновения между индийскими и пакистанскими войсками. Сохранение военного присутствия на леднике обходится очень дорого двум государствам из-за чрезвычайно сложных физико-географических условий. Зачастую военнослужащие обеих сторон гибли не в результате боевых действий, а из-за схода снежных лавин и других природных катаклизмов.

² Akhund, Iqbal. Trial and Error: The Advent and Eclipse of Benazir Bhutto / Iqbal Akhund. – Karachi: Oxford University Press, 2000. – P. 92–94.

³ Haqqani, Husain. Pakistan: Between Mosque and Military / Husain Haqqani. – Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2010. – P. 213.

⁴ Мелехина Н.В. Исламорадикализм и экстремизм в сепаратистском движении Кашмира / Н.В. Мелехина // Пакистан, страны Южной Азии и Среднего Вос-

несколько убийств и похищений людей по политическим мотивам. К большинству преступлений были причастны экстремистские группировки, базировавшиеся на территории Пакистана и созданные при поддержке предыдущего военного режима. Среди жертв «киднэппинга» в декабре 1989 г. оказалась дочь министра центрального правительства в Дели М.М. Саеда. Один из лидеров действовавшей в Индии подпольной организации «Фронт освобождения Джамму и Кашмира», находясь в Пакистане, призвал в обмен на ее освобождение выпустить из заключения пять активистов Фронта. Индийские власти согласились и обмен состоялся. Все это было воспринято как проявление слабости и вызвало подъем антиправительственных выступлений в штате. В январе 1990 г. там были распущены представительные органы власти и введено прямое президентское правление. Штат закрыли для посещения журналистами и ввели туда в дополнение к полиции армейские части. На Линии контроля¹ происходил интенсивный обмен артиллерийским огнем. Резкая дестабилизация ситуации и общий упадок правопорядка в штате свидетельствовали об успешной реализации пакистанскими военными плана развертывания диверсионно-террористической войны. Из-за кризиса в Кашмире оба государства оказались на грани ядерной войны. По заявлению Вашингтона, в самый разгар конфликта Пакистанской комиссии по атомной энергии было приказано собрать по меньшей мере один ядерный боезаряд, а на юге страны были размещены истребители F-16, способные нести ядерное оружие².

Что же касается Афганистана, то здесь в конце 1980-х гг. Пакистан под руководством И. Хана и А. Бега продолжал зияульхаковскую политику поддержки исламистов во главе с Г. Хекматъяром, рассчитывая со временем изменить отношение США к своему афганскому курсу. Генерал Бег не исключал вероятность признания со стороны Соединенных Штатов власти пакистанских протеже в Афганистане, если страна будет строго следовать своей прежней линии. Генералитет так же, как и их «духовный наставник» Зия уль-Хак, делал ставку на военные методы решения афганской проблемы с дальнейшим установлением режима исламских фундаменталистов в Кабуле. Однако премьер-министр Б. Бхутто приверживалась прямо противоположного мнения. Как и многие

тока: история и современность; [отв. ред. В.Я. Белокреницкий, С.Н. Каменев, В.Н. Москаленко]. – М.: Научная книга, 2004. – С. 151.

¹ Демаркационная линия между Индией и Пакистаном, проведенная по бывшему княжеству Джамму и Кашмир и считающаяся де факто границей двух государств в данном регионе.

² Jones, Owen Bennett. Pakistan: Eye of the Storm / Owen Bennett Jones. – New Delhi: Penguin Books, 2002. – P. 220.

американские дипломаты, она считала, что с выводом советских войск пришло время для мирного урегулирования конфликта с разделением власти между афганскими коммунистами и разнообразными муджахедскими группировками¹. Несмотря на это, военные продолжали реализовывать свою прежнюю стратегию. В начале 1989 г. МВР сформировала временное правительство в г. Пешаваре, надеясь обеспечить его признание со стороны международного сообщества. Пакистанская партия ДИ провела ряд митингов в поддержку временного правительства. Власти в провинции Панджаб в нарушение конституции страны, которая закрепляла исключительно за федеральным правительством право на осуществление внешнеполитической деятельности, организовали прием для лидеров переходного правительства в г. Лахоре. Тем не менее, Б. Бхутто на первоначальном этапе воздерживалась от дипломатического признания пешаварского правительства².

Определенные разногласия по внешнеполитическим вопросам проявлялись между военными и гражданской властью и при правительстве Н. Шарифа. На афганском направлении страна продолжала оказывать поддержку оппозиционному движению. Так же, как и прежде, фаворитом для Пакистана среди всех полевых командиров оставался Г. Хекматъяр — лидер Хезбе Ислами. Неизменной была и главная цель пакистанских стратегов — смена власти в Кабуле военными методами и утверждение власти фундаменталистов. Во многом это было обусловлено тем, что МВР возглавляли на тот момент исламистски настроенные офицеры. В марте 1990 г. Межвидовая разведка попыталась свергнуть режим лидера НДПА Мохаммеда Наджибуллы посредством государственного переворота под руководством министра обороны правительства Народно-демократической партии Афганистана Шахнаваза Танаи, однако 6 из 7 муджахедских группировок отказались поддержать усилия генерала по захвату власти в Афганистане³.

В феврале 1992 г. один из командующих афганской армией генерал Абдул Рашид Достум, принадлежавший к этнической группе узбеков, отказался от поддержки власти Наджибуллы и переметнулся на сторону непущтунской группировки муджахедов во главе с таджикским полевым командиром Ахмадом Шахом Масудом. МВР никогда не проявляла к Масуду доверия в связи с его этнической принадлежностью и чрезмерной

¹ Akhund, Iqbal. Trial and Error: The Advent and Eclipse of Benazir Bhutto / Iqbal Akhund. – Karachi: Oxford University Press, 2000. – P. 149–199.

² Там же. P. 137

³ Coll, Steve. Afghan Plot Leaders Flies to Pakistan; Coup Said to Fizzle / Steve Coll // Washington Post. – 8 March 1990.

самостоятельностью. Со своей стороны он воздерживался от каких-либо контактов с пакистанскими военными. В отличие от пуштунских лидеров муджахедов, таких как Хекматъяр, он по-своему видел распределение власти в стране между афганскими этническими группами после свержения коммунистического режима. Если Исламабад планировал сохранить традиционное доминирование пуштунов в политической системе Афганистана при утверждении шариатских порядков, то А. Ш. Масуд хотел добиться предоставления больших прав этническим меньшинствам. Генерал А. Р. Достум решил действовать с ним сообща. Вооруженное формирование Достума состояло из 40 тыс. человек, в его распоряжении находились танки, артиллерия и боевые самолеты¹. Совместными усилиями А. Ш. Масуд и А. Р. Достум сумели продвинуться к предместьям Кабула.

По афганскому вопросу премьер-министру Н. Шарифу так же, как и его предшественнице, приходилось лавировать между двумя прямо противоположными точками зрения, которых придерживались пакистанские военные и политический истеблишмент США. При посредничестве американских и саудовских дипломатов премьер-министру удалось обеспечить подписание соглашения о перемирии между противоборствовавшими муджахедскими группировками. Хотя стороны на словах признавали его условия, Масуд и Хекматъяр почти одновременно начали операцию по взятию Кабула. Захват афганской столицы вооруженными отрядами Масуда и Достума ознаменовал начало гражданской войны между муджахедскими группировками, которая привела к разорению страны и интенсивность которой лишь отчасти спала с приходом к власти движения Талибан. В ходе нее муджахедские лидеры заключали соглашения и нарушали их условия. Полевые командиры создавали временные альянсы и в отсутствие сильного центрального правительства выступали в роли местной власти. Кабул был разделен на множество «секторов контроля» по этническому и идеологическому принципам². Н. Шариф и представители пакистанского МИД продолжали поддерживать контакты с лидерами всех муджахедских группировок, в то время как на полях сражений в Афганистане Г. Хекматъяр получал помощь от офицеров Межвидовой разведки.

Тесно связанной с афганским курсом была стратегия правящих кругов в отношении среднеазиатских республик бывшего СССР.

¹ Coll, Steve. *Ghost Wars: The Secret History of the CIA, Afghanistan, and Bin Laden, from the Soviet Invasion to September 10, 2001* / Steve Coll. – New York: Penguin Press, 2004. – P. 234.

² Там же, P. 263.

Радикально настроенные националистические и происламские политические группы в Пакистане, которые прежде выражали поддержку внешнеполитическому курсу М. Зия уль-Хака, питали надежды на успех стратегического продвижения на север, через Афганистан вглубь Центральной Азии. Для этого они еще в период участия СССР в афганском вооруженном конфликте планировали и осуществляли диверсионные акции на советской территории на правом берегу реки Амударьи. Распад Советского Союза и возникновение на месте бывших среднеазиатских республик новых независимых государств вселили в радикалов надежды и побудили к укреплению контактов с происламски настроенными силами в Таджикистане (где началась междоусобная война), а также в других странах региона. Такие действия имели откровенно антироссийскую направленность, по сути являясь продолжением былых усилий Исламабада по подрыву влияния там СССР¹.

Тем не менее, трезвые головы в руководящих кругах Пакистана надеялись укрепить позиции страны в Центральной Азии, действуя не в обход Москве, а вместе с ней, или заручившись ее согласием. Именно с этой целью в ноябре – декабре 1991 г. Советский Союз, в том числе все основные республики Средней Азии, посетила большая группа бизнесменов и официальных лиц во главе с министром экономики Пакистана Сардаром Асифом Ахмадом Али. Уже тогда обсуждались планы соединения (через Афганистан) северо-запада Пакистана с центральными районами материка и расширения торговли².

На индийском направлении Межвидовая разведка Пакистана оказывала действовавшим в штате Джамму и Кашмир антиправительственным силам материальную и тренировочно-организационную помощь, из-за которой ситуация там оставалась напряженной в течение всего периода пребывания у власти правительства Шарифа, хотя с конца 1992 г. наблюдалось и некоторое ослабление активности пропакистанских инфильтрантов, прежде всего из Фронта освобождения Джамму и Кашмира³. На фоне всплеска антиправительственной борьбы в индийском штате Джамму и Кашмир, в январе 1993 г. страна была включена

¹ См. подробнее: Rumer, Boris. *Central Asia at the End of the Transition* / Boris Rumer. – New York: Routledge, 2005.

² Москаленко В. Н. Пакистан и государства Центральной Азии // *Западная Азия, Центральная Азия и Закавказье. Интеграция и конфликты*. Москва, 1995. – С. 147.

³ Белокреницкий В. Я. Межгосударственные конфликты и региональная безопасность в Южной Азии / В. Я. Белокреницкий // *Восток/Запад. Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений*; [отв. ред. А. Д. Воскресенского]. – М.: МГИМО (Университет); «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. – С. 421–422.

в список потенциальных государств, спонсирующих терроризм. США дали пакистанцам понять, что это положит конец «особым отношениям» между двумя странами¹. Однако после отставки главы Разведывательного бюро бригадного генерала Имтиаза Ахмеда (одного из бывших ближайших сподвижников М. Зия уль-Хака), который подозревался в связях с террористическими группами, страна была исключена из данного списка.

При втором правительстве Б. Бхутто пакистанская поддержка повстанцев в индийском штате Джамму и Кашмир интенсифицировалась. Сама премьер-министр изменила свою позицию по кашмирскому вопросу, что было обусловлено двумя основными причинами. Во-первых, Б. Бхутто хотела нормализовать свои отношения с армейской верхушкой, а степень поддержки армией гражданских властей зависела от их готовности содействовать повстанческому движению кашмирцев. Во-вторых, ей приходилось соперничать с Н. Шарифом в своем стремлении продемонстрировать решительную позицию по кашмирскому вопросу. Как и прежде, ДИ и другие исламистские организации открыто набирали добровольцев для участия в кашмирском джихаде. Пакистанские СМИ регулярно освещали в пропагандистской форме события в Кашмире, а МВР оказывала помощь исламистам в рекрутировании и боевой подготовке муджахедов.

Правительственная поддержка повстанческого движения в штате Джамму и Кашмир при втором правительстве Бхутто была тесным образом связана с международной активностью пакистанских исламистов. «Новый панисламизм» стал неотъемлемой частью внешней политики страны, как и во времена правления военного режима М. Зия уль-Хака. Пакистан оказался в непрестом положении. С одной стороны, он поощрял исламистские группировки, боровшиеся с индийскими войсками в Кашмире, с другой стороны, стремился воспрепятствовать попыткам отдельных организаций превратить страну в базу для осуществления антиправительственной деятельности в других государствах. Пакистанские добровольцы участвовали в боевых действиях на Филиппинах (Минданао), в России (Чечня), Таджикистане, ряде стран Северной Африки и др.². Пешавар и прилегающие к нему районы превратились в один из наиболее активных центров по подготовке международных террористов, который одновременно служил для них убежищем. Начало этому

¹ Malik, Iftikhar H. State and Civil Society in Pakistan, Politics of Authority, Ideology and Ethnicity / Iftikhar H. Malik. – London: Palgrave Macmillan, 1997. – P. 247

² Burns, John F. Terror Network Traced to Pakistan / John F. Burns. // New York Times. – 20 March 1995.

процессу было положено еще в 1980-х гг., когда в Пакистан стали стекаться большие группы радикально настроенных исламистов из зарубежных стран для оказания поддержки «братьям по вере» в соседнем Афганистане. Именно в то время в стране были созданы первые тренировочные лагеря и базы для подготовки боевиков, начали открываться представительства и миссии иностранных экстремистских организаций.

Правительство Б. Бхутто довольно осторожно реагировало на критику мирового сообщества относительно вовлеченности пакистанских властей в разжигание беспорядков в Кашмире, боясь настроить против себя пакистанских военных. В то же время терроризм в индийском штате вызывал обеспокоенность большинства стран. Экстремизм стал приобретать новые формы. Так, в 1995 г. одна из местных экстремистских группировок Харкат-уль-Ансар взяла в заложники шестерых иностранных туристов и потребовала освободить своих 22 боевиков из индийских тюрем. Один из заложников был обезглавлен. Инцидент взволновал пакистанские власти. Пакистанское правительство попыталось представить случай с захватом туристов как заговор индийских властей¹. США включили Харкат-уль-Ансар в свой список международных террористических организаций. Б. Бхутто потребовала ареста главарей экстремистской организации. Однако спустя некоторое время большинство лидеров Харкат-уль-Ансар возглавили руководство новой группировки Харкат-уль-Муджахедин².

В ответ на новые обвинения зарубежных стран в поддержке терроризма Б. Бхутто приходилось оправдываться словами начальника штаба сухопутных войск генерала Д. Карамата и руководителя МВР генерала Д.А. Кази о том, что страна оказывает лишь моральную поддержку повстанцам. Де факто она как глава государства несла ответственность за их действия, однако не могла повлиять на общую ситуацию. В целом, в период своего второго правительства премьер-министр Б. Бхутто в угоду пакистанскому генералитету занимала более жесткую позицию по кашмирскому вопросу, чем при ее первом правительстве³.

В марте 1993 г. в Афганистане при посредничестве правительств Пакистана и Саудовской Аравии было заключено соглашение, по которому Г. Хекматъяр должен был возглавить муджахедское

¹ Levy, Adrian., Scott-Clark, Cathy. *The Meadow: Kashmir 1995 – Where the Terror Began* / Adrian Levy, Cathy Scott-Clark. – London: Harper Press, 2012. – P. 528.

² Hussain, Zahid. *Frontline Pakistan: the Path to Catastrophe and the Killing of Benazir Bhutto* / Zahid Hussain. – New Delhi: Penguin Books, 2007. – P. 63.

³ Haqqani, Husain. *Pakistan: Between Mosque and Military* / Husain Haqqani. – Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2010. – P. 234–237

правительство. Однако силы А.Ш. Масуда препятствовали его вступлению в должность. В стране сложился баланс сил, при котором ни одна из сторон не могла взять верх в борьбе за власть. В условиях ожесточенной гражданской войны с участием разрозненных полевых командиров произошло возвышение талибов (талиб по-арабски – это вопрошающий, ищущий знания) в г. Кандагаре. Они были в основном учениками пакистанских медресе, детьми беженцев, населявших палаточные лагеря в Белуджистане и СЗПП по соседству с южными и юго-восточными провинциями Афганистана¹. Их наставниками в медресе были улемы из пуританской деобандской школы богословия, которые в свое время обеспечивали идеологическую поддержку военному режиму М. Зия уль-Хака. С тем, чтобы заручиться народной поддержкой, талибы развернули мощную пропагандистскую кампанию, которая представляла их в образе набожных борцов за справедливость, а их организацию в качестве движения за духовное возрождение афганского общества, а не партии, стремившейся к захвату власти. В качестве основных целей были провозглашены восстановление мирной жизни, разоружение местного населения, утверждение исламских законов, защита целостности и исламского характера государства². В условиях длительной кровопролитной борьбы в соседнем государстве пакистанские власти оказались заинтересованы в талибах для реализации зияульхаковской стратегии продвижения на север и обеспечения транзитной торговли со странами Центральной Азии: в то время ключевые транспортные пути в Афганистане контролировали разрозненные вооруженные отряды полевых командиров, которые не только взимали плату за проезд, но и нередко грабили караваны. Согласно плану пакистанского правительства, отряды талибов должны были гарантировать безопасность торговых грузов на всем пути их транспортировки. Кроме того, Исламабад планировал реализовать проект сооружения нефтегазового трубопровода из Туркменистана в Пакистан через умиротворенный с помощью талибов Афганистан³. Таким

¹ Hussain, Zahid. *Frontline Pakistan: the Path to Catastrophe and the Killing of Benazir Bhutto* / Zahid Hussain. – New Delhi: Penguin Books, 2007. – P. 28.

² Rashid, Ahmed. *Taliban: Militant Islam, Oil and Fundamentalism in Central Asia* / Ahmed Rashid. – New Haven: Yale University Press, 2000. – P. 22.

³ Согласно расхожему мнению, Пакистан, Саудовская Аравия и США, заинтересованные в обеспечении безопасности американо-саудовского проекта строительства нефтегазового трубопровода с участием компаний «Юнокал» и «Дельта», выступили на первоначальном этапе в качестве спонсоров движения «Талибан». Официальные власти США и руководство «Юнокал» наладили контакты с представителями талибов, новая военно-политическая сила в Афганистане стала пользоваться политической поддержкой Вашингтона.

образом, произошла смена ориентиров на афганском направлении: Исламабаду пришлось перенаправить свою помощь и поддержку со своего первого протеже Г. Хекматъяра, которому так и не удалось установить свою прочную власть в Кабуле, на новую военно-политическую силу – талибов.

При опоре на своих новых союзников Пакистан приступил к осуществлению широкой экспансии в северном направлении. Следуя, в сущности, по стопам англичан, которые в XIX веке дважды вторгались на афганскую территорию, пакистанские власти, как центральные (в Исламабаде), так и местные (в Пешаваре и Кветте), пробивали дорогу вглубь континента. При этом в Пакистане хорошо знали исторические прецеденты и понимали геополитический смысл своих действий: открыть дорогу на север для обмена товарами и идеями между Пакистаном и центром Азии¹.

Первые отряды талибов возникли для охраны торгово-транспортного каравана из 30 грузовиков, снаряженного для доставки грузов к границам с Центральной Азией. В начале 1995 г., еще до занятия талибами Герата, Пакистан получил первые партии хлопка из Туркменистана². С точки зрения пакистанской геополитики не выглядит странным и заключенный в 1994 г. альянс Хекматъяра с Дустумом, так как он помогал «замкнуть» соединение Пакистана с Центральной Азией, где влиятельной силой стал Узбекистан.

Прямая финансовая и оперативно-тактическая помощь пакистанских военных позволила талибам осенью 1994 г. добиться первых успехов в вооруженной борьбе с господствовавшими на юге группировками муджахедов и овладеть Кандагаром – главным городом этого региона³. Распространив свою власть на южный Афганистан, талибы в сентябре 1995 г. заняли западную область страны со столицей в Герате, а еще через год овладели Кабулом. Правительство Б. Бхутто сомневалось в целесообразности поддержки движения Талибан, хотя покровитель талибов – пакистанский министр внутренних дел Насирулла Хан Бабар – оказывал им помощь, что обеспечило их приход к власти в Афганистане. Уже после отставки Беназир талибы установили свой контроль в большинстве районов Афганистана и добились дипломатического признания со стороны пакистанского правительства. А. Ш. Масуд

¹ Davis, Anthony. How the Taliban became a military force / Anthony Davis // *Fundamentalism Reborn? Afghanistan and the Taliban*; [ed. W. Maley]. – Lahore: Vanguard, 1998. – P. 44.

² Rashid, Ahmed. Pakistan and the Taliban / Ahmed Rashid // *Fundamentalism Reborn? Afghanistan and the Taliban*; [ed. W. Maley]. – Lahore: Vanguard, 1998. – P. 76–78, 80.

³ Кепель Ж. Джихад: экспансия и закат исламизма / Ж. Кепель. – М.: Ладомир, 2004. – С. 226–227

и его союзники по Северному альянсу сумели сохранить за собой лишь 10% общей территории страны.

При втором правительстве Н. Шарифа традиционно прослеживалось влияние армии на отношения Пакистана с Афганистаном и Индией. На афганском направлении Исламабад по-прежнему оказывал поддержку движению Талибан, которое к тому моменту контролировало большую часть территории страны и превратило ее в исламское государство средневекового типа. В отношениях с Индией Н. Шариф стремился к расширению торговли, что было целесообразно с экономической точки зрения. В связи с этим гражданским правительством предпринимались различного рода шаги в направлении мирного урегулирования двусторонних противоречий¹. Однако данный подход противоречил планам исламистов и МВР, которые руководили джихадом в Кашмире. Именно под давлением военных и исламистов правительство Н. Шарифа, которое в течение некоторого времени пребывало в нерешительности по поводу своей реакции, ответило на индийские ядерные испытания серией подземных взрывов на полигоне Чагаи в Белуджистане 28 и 31 мая 1998 г. Тем самым был ознаменован новый этап в истории развития ракетно-ядерной программы Пакистана, одна из важных вех которой пришлась на период военного режима М. Зия уль-Хака, при котором был сделан решительный шаг на пути к обладанию ядерным оружием.

Значительным событием в двусторонних отношениях стал визит премьер-министра Индии Атала Бихари Ваджпаи в г. Лахор в феврале 1999 г., что вселяло надежды на позитивные перемены. В Лахоре индийский премьер посетил монумент Минар-е-Пакистан, посвященный такому важному историческому событию для страны, как принятие Лахорской резолюции в 1940 г., тем самым показав, что даже приверженцы индусского коммунизма больше не подвергают сомнению право Пакистана на независимое существование. Однако уже в ходе встречи генералы во главе с П. Мушаррафом продемонстрировали прохладное отношение к высокому визитеру из Индии, не появившись на церемонии его торжественной встречи на границе². Со своей стороны активисты ДИ угрожали воспрепятствовать автобусной поездке индийского премьера. Партия организовала антииндийские демонстрации протеста. Исламисты призвали к проведению всеобщей забастовки

¹ В ходе встречи индийского премьера И.К. Гуджрала и пакистанского премьера Н. Шарифа в столице Мальдивской республики Мале стороны договорились об инициировании т. н. «комплексного диалога» по широкому кругу вопросов, включая кашмирский.

² Cohen, Stephen P. The Idea of Pakistan / Stephen P. Cohen. – Washington: Brookings Institution Press, 2006. – P. 151.

в г. Лахоре накануне встречи. Несколько послов иностранных государств, которые были приглашены на ужин по случаю визита А. Б. Ваджапи, не сумели принять участие в мероприятии, так как демонстранты окружили их машины и заблокировали путь. Н. Шариф планировал арест амира ДИ Кази Хуссейна Ахмеда незадолго до акций протеста, однако ему удалось скрыться у своих покровителей из числа офицеров военной разведки. Таким образом, в своем стремлении воспрепятствовать мирному диалогу между двумя странами армейская верхушка и крайне консервативные круги, как и прежде, во времена Зия уль-Хака, действовали сообща.

В начале мая 1999 г. между Индией и Пакистаном разразился вооруженный конфликт. Столкновения произошли на самом северном участке Линии контроля в Кашмире в районе находящегося на индийской стороне городка Каргил. Каргильский конфликт был спровоцирован совместными действиями пакистанских боевиков и военных, которые, нарушив Линию контроля, захватили часть территории в индийском штате Джамму и Кашмир. Пакистанские инфильтранты соорудили оборонительные посты на стратегически важных высотах (4–5 тыс. метров над уровнем моря), выводящих на позиции, откуда можно было атаковать шоссеную дорогу, проложенную между Сринагаром (столицей индийского штата Джамму и Кашмир) и Лехом (главным городом северо-восточной области Ладакх, граничащей с Китаем)¹. По мнению исследователя Х. Аббаса, детальный план ведения боевых действий в секторе Каргил был разработан еще при М. Зия уль-Хаке. Однако военный диктатор отверг его на том основании, что он мог привести к полномасштабной пакистано-индийской войне. Данная идея была возрождена в конце 1990-х гг., когда план получил одобрение армейского командования².

Индия предприняла энергичные меры для возвращения контроля над захваченной территорией. В Кашмире развернулись ожесточенные бои, которые длились более двух месяцев. В отличие от ситуации 1965 г. и 1971 г. интенсификации конфликта явно не содействовала международная обстановка. Мировое сообщество единодушно выражало свое беспокойство и возлагало ответственность за развязывание Каргильского конфликта на Пакистан. Под

¹ Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л. Южная Азия в мировой политике/ В.Я. Белокреницкий, В.Н. Москаленко – М.: Международные отношения, 2003. – С. 192–194.

² Swami Praveen. India-Pakistan and Secret Jihad: the covert war in Kashmir, 1947–2004 / Praveen Swami. – NY: Routledge, 2007. – P. 185.

давлением США Исламабад был вынужден отвести свои войска за Линию контроля.

По мнению одного из участников изложенных событий, бывшего бригадного генерала Ш. Кадира, Каргильский конфликт был тщательно спланированной пакистанскими генералами во главе с П. Мушаррафом военной операцией. Она предполагала занятие в отсутствие индийских войск местности в секторе Драс-Каргил. О плане знал лишь узкий круг лиц, а подготовка операции была засекречена. Как прогнозировали заговорщики, вторжение пакистанских войск на индийскую территорию должно было придать стимул освободительному движению в Кашмире¹. Таким образом, ставка была сделана на военные методы решения многолетнего территориального спора. По возвращении из США Н. Шариф обратился к военным с просьбой об инициировании расследования в отношении основных организаторов Каргильской операции. Позиция премьер-министра серьезно настроила против него армейские круги, что, в конечном счете, привело к очередному военному перевороту.

Все изложенное служит доказательством того, что вопросы, касающиеся взаимоотношений страны с Афганистаном и Индией, непосредственно относятся к сфере стратегических интересов военных, которые отдают предпочтение силовым методам разрешения всех существующих двусторонних проблем и противоречий. С учетом весомого влияния и авторитета армии в обществе генералитет оказывает значительное воздействие на выработку внешнеполитической линии страны. В рассматриваемый период афганский и индийский курс Пакистана носил крайне противоречивый характер. С одной стороны, гражданские власти предпринимали меры по налаживанию диалога с официальными Кабулом и Нью-Дели, с другой стороны, Исламабадом планомерно и неукоснительно осуществлялся (при активном участии МВР) план диверсионно-террористической войны при опоре на исламистские группировки в индийском штате Джамму и Кашмир и Афганистане. При этом данная стратегия приносила, скорее, больше минусов, чем плюсов самому Пакистану. Стремление страны решить кашмирскую проблему военным путем привело к очередному вооруженному конфликту с Индией, итогом которого стало осуждение действий Исламабада со стороны мирового сообщества и признание статус-кво на спорной территории. Курс

¹ Qadir, Shaukat. An Analysis of the Kargil Conflict 1999 [Electronic resource] / Shaukat Qadir. // Journal of the Royal United Services Institution. – Mode of access: <http://indianstrategicknowledgeonline.com/web/An%20Analisis%20Kargil%20Conflicts.pdf> (Accessed 10.06.2014).

на установление дружественного режима в Афганистане повлек за собой приход к власти в Кабуле талибов, отношения с которыми у Пакистана в дальнейшем складывались далеко непросто.

* * *

Военный переворот, который, судя по всему, был неизбежен, подвел черту под 11-летним периодом попыток утвердить в Пакистане демократические порядки. При этом та форма демократии, которая сложилась в стране в рассматриваемый период, кардинально отличалась от своей классической модели. В связи с этим нельзя не согласиться с мнением английского исследователя Йена Тэлбота. Согласно И. Тэлботу, с 1988 г. Пакистан осуществил переход от авторитаризма к так называемой «процедурной» демократии, которая сводилась лишь к соблюдению определенных формальностей (проведению регулярных выборов и др.). В отличие от зрелой демократии сложившейся системе не доставало широкого народного участия в процессе осуществления государственной власти и установления социального равенства. Сформированные демократическим путем гражданские правительства были лишены свободы при принятии многих ключевых решений. На политический процесс оказывала значительное влияние неподконтрольная обществу армейская верхушка. Отношения между основными партиями носили характер острой борьбы, выходящей за рамки конституции, из-за отсутствия конструктивного диалога, который предусматривается классической моделью демократии¹.

В целом, в период конституционно-парламентского развития страны (1988–1999 гг.) ощущалось воздействие такого серьезного фактора, как наследие предшествующей эпохи правления генерала М. Зия уль-Хака. Именно тогда был сформирован особый механизм власти – «тройка» (вследствие действия зияульхаковской 8-й поправки к Основному закону), который просуществовал практически на всем протяжении периода «демократического просвета» вплоть до прихода к власти второго правительства Наваза Шарифа. Механизм содействовал постоянной смене гражданских правительств, которые не могли проработать положенный по конституции срок («правительственная чехарда»). Помимо этого, в период правления военного диктатора Зия уль-Хака вызревали новые проблемы, угрозы и вызовы, которые стали ярко проявляться на последующем этапе пакистанской истории. К ним можно отнести рост межэтнических и межсектантских

¹ Talbot, Ian. Pakistan: a Modern History / Ian Talbot. – New Delhi: Foundation Books, 2009. – P. 291–292.

противоречий и столкновений, разрастание сферы «черной» экономики (криминальной и антиобщественной) и «серой» экономики, уходящей от уплаты налогов, соблюдения законов и юридических норм. В наследие от предшествующего режима стране досталась «афганская проблема». Афганский курс (стремление закрепить свои особые позиции и привилегии в Афганистане и продвигаться через него на север в новые независимые государства Центральной Азии) приводил к еще большему втягиванию страны в вооруженный конфликт соседнего государства, что не могло не иметь негативных последствий для Пакистана. Стратегия диверсионно-террористической войны в Афганистане приводила к росту исламского экстремизма внутри самого государства наряду с использованием идеологии джихадизма на индийском направлении внешней политики страны.

Однако все упомянутые явления и процессы, отмечаемые в пакистанском обществе, не сопоставимы (по своей значимости) с такой серьезной проблемой, доставшейся от предшествующего периода, как высокая степень милитаризации пакистанского общества. Армейская верхушка продолжала сохранять господствующие позиции в различных сферах общественной жизни, в том числе и в экономике, где происходило расширение ее участия. Политический вес военных был огромен, что заставляло все демократически сформированные гражданские правительства при принятии политических решений учитывать интересы армии. В случае, если премьер-министр бросал им вызов (как это было во время периода второго правительства Наваза Шарифа), он неизбежно лишался власти. Однако вплоть до 1999 г. армейское командование, несмотря на не раз обострявшуюся внутривнутриполитическую ситуацию, воздерживалось от установления военного правления в стране, не желая прерывать начавшийся процесс развития страны по конституционно-демократическому пути.

Глава III

Военные режимы генералов П. Мушаррафа (1999–2008 гг.) и М. Зия уль-Хака: сходства и отличия

Как обычно, в период резкого ухудшения экономической ситуации и крайней политической нестабильности к государственному руководству в Пакистане пришла армия, которая была представлена в роли «спасителя страны». На этот раз непосредственной причиной открытого выхода военных на политическую арену – столкновение между гражданской исполнительной властью во главе с премьер-министром Наваз Шарифом¹ и армейской верхушкой, которую возглавлял начальник штаба сухопутных войск генерал Первез Мушарраф. Это столкновение определялось борьбой двух реальных сил за приоритет во властной структуре, что также было традиционно и характерно для политической системы страны. В Пакистане на всем протяжении 1990-х гг. происходило противостояние двух политических сил в рамках так называемой «тройки» (политические деятели, с одной стороны, и военные в союзе с гражданской бюрократией, с другой стороны) – своеобразная конфигурация власти, которая сложилась вследствие действия 8-й поправки к конституции страны времен М. Зия уль-Хака².

Реакция значительной части общественности Пакистана на государственный переворот заставляла думать, что Пакистан

¹ Свергнутому премьер-министру были предъявлены обвинения в терроризме, похищении и заговоре против П. Мушаррафа. Суд приговорил его к пожизненному заключению. Harding, Luke. Sharif sentenced to life for Musharraf plot / Luke Harding // The Guardian, Internet edn. – 7 April 2000. – Mode of access: <http://www.theguardian.com/world/2000/apr/07/pakistan.lukeharding> (Accessed 18.07.2014).

² Белокреницкий В.Я. Политическая система и политическая культура мусульманских стран Южной Азии / В.Я. Белокреницкий // Политические системы и политические культуры Востока; [отв. ред. А. Д. Воскресенский]. – М.: Восток-Запад, 2006. – С. 439.

устал от демократии или той версии демократии, которая установилась в Пакистане в период «демократического просвета». Если перевороты 1958 г. и 1977 г. были встречены обществом крайне спокойно и сдержанно, то в 1999 г. многие люди вышли на улицы, чтобы выразить свою поддержку действиям армии, тем самым с радостью прощаясь с прошлой эпохой, в которой парламент в худшем случае пребывал в состоянии хаоса, а в лучшем случае служил источником патронажной политики¹. Сторонники неучастия вооруженных сил в политике оказались в меньшинстве. Армия как бы освободила страну от необходимости следовать по пути так нелегко дающейся ей демократии. Как уже упоминалось во второй главе, военный режим Зия уль-Хака создал много «препятствий и барьеров» для нормального функционирования конституционно-парламентской системы в конце 1980-х г. и в 1990-е г. Таким образом, очередной военный переворот был попросту неизбежен.

§ 1. Господство армейской верхушки

В рассматриваемый период происходила консолидация политической власти военных и их контроля над государством и обществом, как это было при других военных режимах. По мнению П. Мушаррафа, сильная армия — гарант стабильной страны. Он институализировал роль армии в политической сфере посредством принятия целого ряда мер. Однако участие офицерства в жизни пакистанского общества, их влияние и авторитет не были настолько «раздуты», как при предыдущем военном правлении (1977—1988 гг.). Все это было определенной данью времени и современным тенденциям, которые препятствовали установлению открытой диктатуры. Так, реакция мирового сообщества на военный переворот 1999 г. была негативной. Оно осудило действия армейской верхушки, а генерал П. Мушаррафа стал нежелательной персоной во многих столицах мира. В Содружестве наций, объединяющем Англию и ее бывшие колонии, было приостановлено членство Пакистана². Санкции, наложенные на Пакистан в связи с испытанием ядерного оружия в мае 1998 г., были расширены и ужесточены³. В сложившихся неблагоприятных условиях

¹ Talbot, Ian. Pakistan: Modern History / Ian Talbot. – New Delhi: Foundation Books, 2009. – P. 378.

² К тому моменту организация рассматривала демократическую форму правления как одно из основных требований, предъявляемых ко всем государствам-членам. Razvi, Murtaza. Musharraf: the Years in Power / Murtaza Razvi. – New Delhi: HarperCollins Publishers India, 2009. – P. 23.

³ Siddiq, Ayesha. Military Inc.: Inside Pakistan's Military Economy / Ayesha Siddiq. – London: Pluto Press, 2007. – P. 166–167, 25.

от нового правителя требовалось ослабить негативное впечатление от своего режима. С этой точки зрения определенную пользу мог представлять и опыт генерала М. Зия-уль-Хака, который умело сочетал политику усиленного маневрирования с крайне жестким авторитарным стилем управления.

Многие шаги Первеза Мушаррафа на первоначальном этапе были результатом модификации опыта Зия уль-Хака в еще более ухудшавшихся условиях для существования открытой диктатуры. Как и Зия в 1977 г., в своем первом выступлении П. Мушарраф представил государственный переворот как вынужденный шаг, к которому военных побудил своими действиями свергнутый премьер-министр. Однако, в отличие от своего предшественника в своем обращении он подчеркнул важность эффективного управления и необходимость для правительства служить народу, а не руководить им¹.

Сразу после отставки правительства Н. Шарифа в стране было введено не военное положение (как это делалось предшествующими режимами), а лишь чрезвычайное². Работа представительных органов была приостановлена, но сами они не были распущены. С некоторыми ограничениями продолжали действовать политические партии. Так же, как и при Зия уль-Хаке, конституция страны не была отменена, а лишь «временно приостановлена». Однако важная отличительная особенность нового режима от предыдущего – внешне уважительное отношение к демократии как форме правления. Как заявлял сам Мушарраф, «очевидно, то, что в стране наблюдалось в последние годы, было лишь демократической ширмой, а не настоящей властью народа ... Я не позволю ему вернуться к периоду мнимой демократии»³. Очень быстро режим выполнил свое обещание относительно свободы прессы. В течение нескольких недель после переворота власти оказывали содействие независимым политическим партиям,

¹ President's address to Nation – 7 point agenda and Future course. October 17, 1999. Chronicle | Our leader – Musharraf [Electronic resource]. – Mode of access: <http://presidentmusharraf.wordpress.com/2007/07/10/address-nation-7-point-agenda/> (Accessed 19.07.2014).

² Тогда, как представляется, не было какой-либо необходимости в этом из-за отсутствия народного недовольства и вследствие этого угрозы общественному правопорядку. Военный переворот приветствовали даже жители родного Н. Шарифу г. Лахора. См. подробнее Dugger, Celia W. Pakistan Calm After Coup; Leading General Gives No Clue About How He Will Rule / Celia W. Dugger // The New York Times [Electronic resource]. – 14 October 1999. – Mode of access: <http://www.nytimes.com/1999/10/14/world/pakistan-calm-after-coup-leading-general-gives-no-clue-about-how-he-will-rule.html> (Accessed 19.07.2014).

³ Talbot, Ian. Pakistan: Modern History / Ian Talbot. – New Delhi: Foundation Books, 2009. – P. 376.

заинтересованным в создании собственных теле- и радиоканалов, в получении соответствующих лицензий. Произошла своего рода революция в сфере электронных СМИ. При предыдущих военных правительствах (особенно при генерале Зия уль-Хаке) действовала жесткая цензура, а гражданские правительства также ограничивали прессу и запрещали публикацию оппозиционных изданий¹.

В отличие от предшествующего военного режима, П. Мушарраф постоянно заявлял о необходимости утверждения в стране «полной демократии», «очищенной от всяких ограничений и наслоений». В апреле 2000 г. П. Мушарраф провозгласил общенациональную кампанию по соблюдению в Пакистане прав человека². Режим П. Мушаррафа предпринял ряд мер по защите прав граждан и либерализации национального законодательства, которое содержало большое число ретроградных и дискриминационных нормативно-правовых актов времен правления М. Зия уль-Хака. В апреле 2000 г. был принят первый в истории страны закон об отдельном ювенальном правосудии, который предусматривал введение запрета на применение смертной казни в случаях, когда преступление совершается несовершеннолетними лицами³. В сентябре 2000 г. была учреждена комиссия по положению женщин.

Несмотря на это, общая картина с правами и свободами человека была далека от идеала. Серьезные ограничения и запреты были особенно ощутимы в политической сфере. Основные оппозиционные деятели были лишены права на участия в политической деятельности. В отношении бывших премьеров Б. Бхутто и Н. Шарифа были инициированы уголовные дела, и они были вынуждены бежать из страны в поисках политического убежища. Специально учрежденный властями новый следственный орган – Национальное бюро отчетности (National Accountability Bureau) – осуществлял преследование политических оппонентов военного режима⁴. Если в начале репрессии были направлены против ПМЛ(Н), то затем ими стали подвергаться и другие партии, в особенности

¹ Razvi, Murtaza. *Musharraf: the Years in Power* / Murtaza Razvi. – New Delh: HarperCollins Publishers India, 2009. – P. 26.

² Москаленко В.Н. Политическая ситуация в Пакистане. / В.Н. Москаленко // Пакистан, страны Южной Азии и Среднего Востока: история и современность; [отв. ред. В.Я. Белокреницкий, С.Н. Каменев, В.Н. Москаленко]. – М.: Научная книга, 2004. – С. 50–51.

³ *Juvenile Justice System Ordinance 2000 (Text)*. Child Rights Desk [Electronic resource]. – Mode of access <http://pakistan.childrightsdesk.com/?p=437> (Accessed 25.07.2014).

⁴ См. подробнее: Hussain, Zahid. *Frontline Pakistan: the Path to Catastrophe and the Killing of Benazir Bhutto*. – New Delhi: Penguin Books, 2007. – P. 6.

оппозиционные партии Альянса за восстановление демократии¹. Свобода объединений серьезно ограничивалась изданным в марте 2000 г. указом, запрещавшим проведение публичных митингов, демонстраций и стачек. Запрет на политическую активность был снят лишь незадолго до парламентских выборов 2002 г. Но даже тогда действовали ограничения на митинги и шествия.

Введенный в стране П. Мушаррафом режим ЧП предоставлял широкие полномочия ВС страны в сфере государственного управления. Всю текущую административную работу осуществляли чиновники под пристальным наблюдением и руководством офицеров соответствующего ранга. В провинциях таковыми были командиры дислоцированных здесь корпусов. Однако роль офицерства не ограничивалась «скромными» провинциальными делами; они принимали участие в решении важных общегосударственных вопросов. Большую роль играли регулярно проводимые «комкоровские встречи» (совместные заседания командующих армейскими корпусами) под председательством П. Мушаррафа, в которых также участвовали высшие государственные деятели и на которых обсуждали принципиальные проблемы внутренней и внешней политики Пакистана. В этом отношении процедура принятия политических решений не сильно отличалась от той, что сложилась при предыдущем военном режиме. Центральное правительство осуществляло свою деятельность под строгим контролем Совета по национальной безопасности². Совет был уполномочен заниматься стратегическими проблемами, связанными с суверенитетом, целостностью и безопасностью государства. В круг его обязанностей входили вопросы государственного строительства, а также ситуации, связанные с отставками центрального и провинциальных кабинетов министров, роспуском Национального собрания и законодательных собраний провинций, введением чрезвычайного положения. Практически это означало возможность для Совета в критических ситуациях исполнять роль законодательных и исполнительных органов страны. Глава СНБ – президент; его члены: премьер-министр, главные министры провинций, спикер нижней и председатель

¹ Альянс за восстановление демократии был сформирован в декабре 2000 г. по инициативе двух крупнейших политических партий – ПНП и ПМЛ(Н) – в целях организации кампании за возврат страны к гражданскому правлению после военного переворота 1999 г.

² СНБ был восстановлен указом П. Мушаррафа в условиях ЧП. Несмотря на то, что в его состав входили и представители гражданской бюрократии, в соответствии с указом значительные полномочия были сосредоточены в руках высшего армейского командования. Reddy, V. Muralidhar. Armymen to dominate Pak. Security Council / V. Muralidhar Reddy // The Hindu. – 6 July 2001.

верхней палат парламента, лидер оппозиции в Национальном собрании, председатель Объединенного комитета начальников штабов ВС Пакистана, начальники штабов сухопутных войск, ВМФ и ВВС¹. Такой представительный характер СНБ позволял нейтрализовать любую попытку какой-либо одной властной структуры отклониться от общего курса всех остальных ветвей власти. Функционирование Совета – наглядное свидетельство того, что реальная власть в стране при режиме чрезвычайного положения (пусть и в менее открытой форме) принадлежала армии, как и при военном положении прошлых лет².

В мае 2000 г. Верховный суд страны своим постановлением, хотя и узаконил приход армии к власти на основании доктрины необходимости³, установил временные рамки режима ЧП – ровно три года с момента государственного переворота 1999 г. Постановление Верховного суда было принято как руководство к действию⁴. Для перехода к гражданскому правлению был разработан план мероприятий по восстановлению гражданского правления под названием «Путь к демократии». Соответствующие действия в значительной степени напоминали подготовку всех прежних военных режимов к всеобщим выборам и отмене военного положения с единственной лишь разницей, что при генерале Зия уль-Хаке все это проводилось в условиях военного положения, а не ЧП. План «Путь к демократии» выполнялся неукоснительно и успешно⁵.

На первоначальном этапе была проведена реорганизация всей системы органов местного самоуправления для укрепления «вертикали власти». В декабре 2000 – августе 2001 гг. в только что созданные структуры МСУ были проведены выборы на непартийной основе. Как и в годы правления М. Зия-уль-Хака, таким шагом руководство страны хотело обеспечить их благоприятный исход. В июне 2001 г. были распущены высшие законодательные

¹ National Security Council: a Debate on Institutions and Processes for Decision-Making on Security Issues. Discussion Paper // Pakistan Institute of Legislative Development and Transparency (PILDAT). – April 2012. – P. 22–23.

² Hussain, Zahid. Frontline Pakistan: the Path to Catastrophe and the Killing of Benazir Bhutto / Zahid Hussain. – New Delhi: Penguin Books, 2007. – P. 45.

³ По всей видимости, этот шаг суда был единственно возможным в той ситуации и не только из-за давления военных, но и вследствие сложной внутривластной ситуации.

⁴ Jones Owen Bennett. Pakistan: Eye of the Storm / Owen Bennett Jones. – New Delhi: Penguin books, 2002. – P. 277–278.

⁵ Москаленко В.Н. Политическая роль пакистанской армии / В.Н. Москаленко // Армия и власть на Ближнем Востоке: от авторитаризма к демократии. – М.: Научное издание, 2002. – С. 349.

органы страны. Таким образом, была ликвидирована правовая база президентства Рафика Тарара, избранного еще при втором правительстве Н. Шарифа (по конституции главу государства избирает коллегия выборщиков, состоящая из депутатов парламента и законодательных собраний провинций). «В интересах преемственности власти», опираясь на военно-бюрократическую верхушку, П. Мушарраф принял на себя полномочия президента¹.

Поскольку генерал П. Мушарраф занял пост президента не вполне законным образом, для придания данному шагу легитимного характера власти решили провести всенародный референдум, который примерно в сходной ситуации впервые в пакистанской истории провел в 1984 г. генерал Зия уль-Хак. Всенародный референдум, организованный 30 апреля 2002 г., должен был одобрить пребывание нового генерала на посту президента². Вопрос, вынесенный на голосование, был более четким и корректным, чем у Зия. По официальным данным, в референдуме участвовали более двух третей электората; в поддержку П. Мушаррафа было подано около 98% голосов³. По мнению оппозиции, в опросе участвовало не более 5% избирателей⁴. Было отмечено большое число случаев нарушения надлежащих процедур. Как и прежде, главную роль в обеспечении результатов референдума играл политический отдел МВР, которая еще при Зия уль-Хаке в 1980-х гг. обрела статус самостоятельной и могущественной военной структуры.

В период подготовки к парламентским выборам была несколько изменена избирательная система (в целом – в позитивном духе). Важный политический момент – отмена в августе 2002 г. куриальной (в зависимости от вероисповедания) системы выборов, которая была введена еще при Зия уль-Хаке и направлена на маргинализацию политической роли религиозных меньшинств⁵. На число немусульман в законодательных органах эта мера практически не повлияла. Главное состояло в том, что ликвидировалось

¹ Hussain, Zahid. *Frontline Pakistan: the Path to Catastrophe and the Killing of Benazir Bhutto* / Zahid Hussain. – New Delhi: Penguin Books, 2007. – P. 11–12.

² Talbot Ian. *Pakistan: Modern History* / Ian Talbot. – New Delhi: Foundation Books, 2009. – P. 398.

³ Overwhelming support for Musharraf in referendum // *The Economic Times*, Internet edn. [Electronic resource]. – 1 May 2002. – Mode of access: http://articles.economictimes.indiatimes.com/2002-05-01/news/27337880_1_referendum-information-minister-nisar-memon-pakistan-president-pervez-musharraf (Accessed 28.07.2014).

⁴ The general's empty victory // *The Economist*, Internet edn. [Electronic resource]. – 2 May 2002. – Mode of access: <http://www.economist.com/node/1109930> (Accessed 28.07.2014).

⁵ Razvi, Murtaza. *Musharraf: the Years in Power* / Murtaza Razvi. – New Delhi: HarperCollins Publishers India, 2009. – P. 57.

разделение избирателей по религиозному принципу; в то же время немусульмане получали какой-то гарантированный минимум мест во всех законодательных органах. Наряду с этим был издан президентский указ о политических партиях, который вводил жесткие требования к участвовавшим в выборах партиям и тем самым напоминал собой аналогичные меры властей по ограничению политической активности населения при предыдущем диктаторе.

Таким образом, была создана организационная основа перехода к гражданскому правлению. Разумеется, этим работа властей по подготовке к отмене чрезвычайного положения не ограничивалась. Много было сделано для того, чтобы этот процесс был успешным для правящей верхушки. В данном вопросе П. Мушарраф не гнушался методов своих предшественников М. Айюб Хана и М. Зия уль-Хака. Чтобы полностью застраховать себя от какой-либо возможности возвращения во власть Н. Шарифа и Б. Бхутто, был принят президентский указ, запрещающий занимать пост премьер-министра трижды (напомним, что они оба были главами правительства два раза). Еще один указ запрещал лицам, лишенным права участвовать в выборах, возглавлять политические партии¹.

Но самым важным действием властей для обеспечения наиболее благоприятных условий перехода к гражданскому правлению был пакет поправок к конституции. Незадолго до всеобщих выборов, назначенных на 10 октября 2002 г., президентом был введен чрезвычайно важный для управления страной (после прекращения режима ЧП) Указ о рамках законной деятельности (Legal Framework Order – LFO). Указ фактически восстанавливал президентскую власть в стране, как это было при М. Зия уль-Хаке после принятия 8-й конституционной поправки, значительно усилившей власть президента путем передачи ему функций правительства и премьер-министра. Так, глава государства получил право распускать Национальное собрание, отправлять в отставку правительство и др². LFO включал в себя все прежде принятые поправки к конституции, а также объявлял действующими после прекращения чрезвычайного положения все указы

¹ Неявка Б. Бхутто в суд по обвинению в финансовых злоупотреблениях послужила предлогом для признания ее вины и введения в ее отношении запрета на занятие партийной должности. Bhutto out of Pakistan elections. BBC News, Internet edn. [Electronic resource]. – 13 September 2002. – Mode of access: http://news.bbc.co.uk/2/hi/south_asia/2255339.stm (Accessed 29.07.2014).

² Москаленко В.Н. Политическая ситуация в Пакистане / В.Н. Москаленко // Пакистан, страны Южной Азии и Среднего Востока: история и современность; [отв. ред. В.Я. Белокреницкий, С.Н. Каменев, В.Н. Москаленко]. – М.: Научная книга, 2004. – С. 53.

и распоряжения, сделанные в этот период. Лишь немногие из них могли быть отменены или исправлены, но обязательно с предварительного согласия президента¹.

Всеобщие выборы октября 2002 г. и последовавшее затем восстановление деятельности высших органов законодательной и исполнительной власти означали завершение четвертого по счету военного правления в Пакистане и переход к гражданским конституционно-парламентским формам власти. Этот переход, как и прежде, происходил в довольно неблагоприятной обстановке, т. е. в условиях неразвитости институтов, норм и традиций демократического парламентаризма. В связи с этим следует напомнить, что предшествующий военный режим генерала М. Зия уль-Хака содействовал дальнейшей деградации политической системы страны, а также упадку либеральной культуры.

Сложности, связанные с упомянутой проблемой, стали проявляться сразу же после отмены ЧП. Поступательное движение практически всех политических процессов было заторможено, а восстановление работы конституционно-парламентских институтов приобрело затяжной характер². Конституцию вводили поэтапно; полностью она вступила в действие 12 марта 2003 г.

Определенные трудности для функционирования исполнительных и законодательных органов власти были обусловлены своеобразной расстановкой политических сил по итогам выборов, при которой ни одна из партий не располагала абсолютным большинством мест в парламенте страны. Проправительственная ПМЛ(Каид-и-Азам), сформированная из числа диссидентов, вышедших из состава некогда единой Пакистанской мусульманской лиги Наваза Шарифа, продемонстрировала неплохой электоральный результат, однако его было недостаточно для обеспечения полного контроля над работой Национального собрания. Сразу после выборов ПМЛ(КА) начала вести усиленную работу по созданию необходимого большинства в парламенте. Даже после создания парламентской коалиции в составе депутатов ряда лояльных режиму партий и фракций правящий блок включал в себя менее половины депутатского корпуса нижней палаты. Это вынудило ПМЛ(КА) пойти на сближение с коалицией основных религиозных партий Муттахида Маджлис-е-Амаль, которая при распределении депутатских мандатов в парламенте прочно

¹ Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. История Пакистана XX век / В.Я. Белокреницкий, В.Н. Москаленко. – М.: ИВ РАН Крафт+, 2008. – С. 420.

² См. подробнее Abbas, Zaffar. Threats delay Musharraf address / Zaffar Abbas // BBC News, Internet edn. [Electronic resource]. – 17 April 2003. – Mode of access: http://news.bbc.co.uk/2/hi/south_asia/2957385.stm (Accessed 30.07.2014).

заняла третье место и с которой у правящего режима (по сравнению с остальными силами антиправительственного лагеря) было меньше всего разногласий и противоречий. Созданию этого альянса содействовало также немалое число сочувствующих ММА в правительственных кругах: как уже не раз упоминалось, со времен правления М. Зия уль-Хака исламистские настроения хорошо укоренились в обществе¹.

Вновь официально сложился политический союз военных и исламистов, правда, не такой прочный и тесный, как при правлении М. Зия уль-Хака. Согласно заключенному соглашению правящий режим при поддержке ММА должен был добиться парламентского согласия на все прежде внесенные конституционные поправки относительно широких полномочий президента и функционирования СНБ, а также вынесения вотума доверия президенту, что вызывало больше всего споров у представителей оппозиционного лагеря. В обмен на это П. Мушарраф был обязан оставить пост командующего сухопутными войсками. Однако, после законодательного закрепления соответствующих поправок времен режима ЧП и де факто своего «перезабрания» на президентский пост генерал, сознавая важность сохранения контроля над армией, не торопился с выполнением ранее взятого обязательства об уходе с поста начальника штаба сухопутных войск. В итоге в октябре 2004 г. парламент страны принял законопроект, разрешавший П. Мушаррафу совмещать высший военный пост и должность президента, что спровоцировало мощную волну протеста со стороны фундаменталистских партий и ознаменовало окончательный разрыв отношений ММА с правительственным блоком. Таким образом, после отмены ЧП президент сохранил за собой ключевой пост начштаба армии, как это сделал Зия уль-Хак после отмены военного положения в 1985 г.

Позиции правящего режима были прочны и непоколебимы вплоть до конфронтации между генералом-президентом и Верховным судом Пакистана в первой половине 2007 г. Причина открытой конфронтации – стремление П. Мушаррафа оказывать воздействие на деятельность судебных органов власти и осуществлять вмешательство в их сугубо внутренние дела, тем самым пренебрегая такими важными демократическими принципами, как разделение властей и самостоятельность всех ее ветвей². Отставка

¹ Mishra, Ashutosh. Rise of Religious Parties in Pakistan / Ashutosh Mishra // Strategic Analysis (April 2003). Institute for Defence Studies and Analyses. – Vol. 27. – Issue 2.

² Москаленко В.Н., Топычканов П.В. Правовой кризис в Пакистане / В.Н. Москаленко, П.В. Топычканов // Институт Религии и Политики [Электронный ресурс]. – 30 марта 2007. – Режим доступа: <http://i-r-p.ru/page/stream-exchange/index-12232.html> (Дата обращения: 01.08.2014).

председателя ВС страны Ифтихара Мухаммада Чоудхри, который, по мнению режима, стал проявлять излишнюю самостоятельность и представлять угрозу существованию режима, привела к широким антиправительственным шествиям и митингам с участием юристов, журналистов и активистов правозащитных движений. В этих условиях власти были вынуждены пойти на попятную: 20 июля И. М. Чоудхри был восстановлен в своей прежней должности¹. Таким образом, впервые за всю историю страны судебная власть и движение юристов сумели бросить вызов военному режиму и заявить о себе как о серьезной и самостоятельной политической силе.

В ходе противостояния между исполнительной и судебной ветвями власти вновь о себе напомнила старая проблема межэтнических противоречий в провинции Синд. Следует отметить, что с момента своего прихода к власти генерал П. Мушарраф (по своему происхождению относившейся к мухаджирской общине) выказывал симпатии партии Муттахида кауми мувмент А. Хуссейна. В своем стремлении вытеснить с политической арены одну из основных оппозиционных партий ПНП в ее родной провинции генерал-президент сделал ставку на союз с МКМ. В этот период партии была предоставлена полная свобода действий в обмен на лояльность к военному режиму и вклад в сдерживание оппозиционных сил. В 2001 г. был издан президентский указ о местном самоуправлении в Синде, который предусматривал передачу широких полномочий от провинциального правительства местным органам власти – выбираемым низамам (мэрам), что обеспечивало усиление контроля мухаджирской партии в гг. Карачи и Хайдерабаде. Данный нормативно-правовой акт перечеркивал действие зияульхаковского указа о местном самоуправлении в провинции Синд от 1979 г., который закреплял значительную часть функций в сфере городского управления за провинциальными властями. Вследствие действия указа к 2005 г. мухаджирская партия обладала контролем над структурами местной власти в г. Карачи на всех уровнях – низама города, городских округов и районов (юнионов)².

На протяжении некоторого времени ситуация в Карачи была относительно спокойной. Регулярно проводимые полицейские рейды привели к определенному снижению уровня насилия. В 2003 г. был положен конец братоубийственной борьбе между

¹ Москаленко В.Н., Топычканов П.В. Пакистан: президентские выборы 2007 г. и современная политическая ситуация / В.Н. Москаленко., П.В. Топычканов // Ближний Восток и современность. – Вып.35. – М.: Научное издание, 2008. – С. 376.

² Gayer, Laurent. Karachi: Ordered Disorder and the Struggle for the City / Laurent Gayer. – New Delhi: Harper Collins Publishers India, 2014. – P. 212.

фракциями мухаджирской партии. В значительной степени этому содействовали решительные меры военного режима против фракции Хакики. В результате А. Хуссейн получил возможность утвердить свою власть в тех районах города, которые прежде не входили в сферу его влияния. В рассматриваемый период также постепенно менялась демографическая картина в провинции под влиянием событий в Афганистане и антитеррористических операций в зоне пуштунских племен. Из Северо-западной пограничной провинции и Территории племен федерального управления происходила масштабная миграция пуштун-беженцев (в течение 2000-х гг. порядка 300 тыс. человек). В рамках данного процесса немалое число боевиков Аль-Каиды и Талибана находили убежище в г. Карачи. Вследствие этого в городе возросло число террористических актов и нападений на межсектантской основе, а также возникли условия для дальнейшего распространения влияния талибов в городе. Произошел процесс радикализации представителей пуштунской общины, ранее обосновавшихся в городе, из числа мигрантов 1980-х гг.

Весной 2007 г. на фоне нарастания внутривластного политического противостояния для ослабления антиправительственного движения юристов президент П. Мушарраф попытался сыграть на этнических противоречиях в провинции Синд, опираясь на поддержку фракции МКМ Хуссейна. Перед визитом «опального» председателя ВС Чоудхри в г. Карачи руководство данной фракции объявило об организации демонстрации протеста против политизации вопроса об его отставке. В момент прибытия Чоудхри город был охвачен насилием. В результате, по меньшей мере, погибло 57 человек (43 активиста ПНП и АНП, 14 сторонников МКМ), около 140 получили ранения. Беспорядки, чинимые активистами МКМ, происходили при попустительстве правоохранительных органов. Данные события в очередной раз напомнили о том, что проблема взаимоотношений между различными этническими общинами сохраняет свою актуальность.

Конфронтация исполнительной и судебной ветвей власти обусловила острый политический кризис при переизбрании президента П. Мушаррафа на новый срок осенью 2007 г. Так, несмотря на итоги прошедшего голосования коллегии выборщиков, Верховный суд запретил Избирательной комиссии страны официально объявлять о победе генерала до завершения рассмотрения петиций со стороны оппозиционных партий против его участия в выборах. Время шло, а решение вопроса о законности прошедших выборов не принималось. В этих условиях власти не стали рисковать: 3 ноября 2007 г. было объявлено о введении чрезвычайного положения.

Введение ЧП означало приостановление действия конституции и ограничение свобод слова, передвижения и собраний. В то же время продолжали функционировать госучреждения, парламент, провинциальные законодательные собрания и политические партии¹. Если учесть, что до окончания срока деятельности высших представительных органов (15 ноября) оставались считанные дни, то понятно, что основной удар был нанесен по судебной системе. Была ограничена сфера ее деятельности, особенно в отношении исполнительной власти. От членов высших судебных органов потребовали принести присягу фактически на верность президенту. В результате произошло беспрецедентное обновление всей верхушки судебной системы страны, к чему и стремилась власть².

Как считало руководство, режим ЧП должен был изменить внутривластную ситуацию к лучшему. Однако этого не произошло. По стране прокатилась волна протестов. Недовольство широких слоев населения, активизация действий оппозиции, угрозы западных стран отказать Пакистану в экономической и военно-технической помощи³ вынудили правящий режим пойти на уступки⁴. 28 ноября 2007 г. был отменен режим чрезвычайного положения. Первез Мушарраф ушел с поста начальника штаба сухопутных войск, а 29 ноября принес присягу при вступлении в должность президента. Это событие ознаменовало конец военного режима. Теперь Мушарраф был обычным гражданским президентом, лишенным своей главной опоры (армии), поэтому он мог легко потерять власть в стране.

На состоявшихся 18 февраля 2008 г. парламентских выборах убедительную победу одержали оппозиционные П. Мушаррафу Пакистанская народная партия и Пакистанская мусульманская лига Наваза Шарифа⁵. В марте было сформировано новое правительство, которое возглавил один из высокопоставленных

¹ В Пакистане приостановлено действие Конституции // Известия – 03 ноября 2007.

² Москаленко В.Н., Топычканов П.В. Пакистан: президентские выборы 2007 г. и современная политическая ситуация / В.Н. Москаленко., П.В. Топычканов // Ближний Восток и современность. – Вып.35. – М.: Научное издание, 2008. – С. 184–185.

³ Из-за введения чрезвычайного положения было приостановлено членство Пакистана в Содружестве наций. Blair, David. Pakistan suspended from Commonwealth / David Blair // The Telegraph. – 23 November 2007.

⁴ См. подробнее: US seeks to end Pakistan crisis // BBC News. Internet edn. [Electronic resource]. – 17 November 2007. – Mode of access: http://news.bbc.co.uk/2/hi/south_asia/7099567.stm (Accessed 05.08.2014).

⁵ Н. Шариф осуществил свое триумфальное возвращение в страну 28 ноября 2007 г. благодаря заключенному соглашению между властями Пакистана и Саудовской Аравии, где он пребывал в изгнании в течение длительного

деятели ПНП Юсуф Реза Гилани. Кардинально новая расстановка политических сил сделала позиции президента страны крайне шаткими. Новая конфигурация власти включала в себя президента П. Мушаррафа, сопредседателя партии парламентского большинства, мужа Б. Бхутто Асифа Али Зардари¹ (ПНП) и лидера партии большинства в заксобрании крупнейшей провинции страны Панджабе Наваза Шарифа (ПМЛ(Н)). Еще одним влиятельным лицом при новом соотношении сил выступал новый начальник штаба сухопутных войск – генерал Ашфак Парвез Кияни. Эти фигуры власти были взаимодополняющими и взаимоисключающими и именно от их взаимодействия или, наоборот, изоляции кого-либо из них зависела будущая политическая судьба каждого, судьба конституционно-демократических институтов и судьба страны². Сложившаяся структура изменилась в августе 2008 г., когда под угрозой импичмента Мушаррафу ничего не оставалось делать, как добровольно уйти в отставку. На этом завершилось существование четвертого военного режима.

В целом, в годы правления П. Мушаррафа офицерство было привлечено к активному участию в процессе государственного управления, что было ощутимо не только в первые годы его прихода к власти, но и после отмены режима ЧП в 2002 г. Генерал-президент активно практиковал назначение действующих и отставных офицеров среднего и высшего звена на ключевые посты в правительстве, как это происходило и при предыдущем военном режиме (1977–1988 гг.). Армейская верхушка была представлена практически во всех основных институтах власти, в том числе в парламенте и в гражданской бюрократии. Свыше 1000 действующих и отставных офицеров занимали различные руководящие должности³. Считалось, что военные, в отличие от гражданских лиц, были в большей степени способны реализовывать планы генерала-президента по модернизации страны. Учитывая долгие годы службы в ВС, П. Мушарраф, как и Зия уль-Хак, проявлял большее доверие к офицерству, чем к чиновничеству, обвиняемому в коррупции и халатности. Лишь незначительная часть военных

времени. Wilkinson, Isambard. Nawaz Sharif returns to Pakistan / Isambard Wilkinson // The Telegraph. – 26 November 2007.

¹ Б. Бхутто погибла в результате террористического акта в декабре 2007 г.

² Замараева Н.А. Сто дней президентства Первеза Мушаррафа. Непросчитанные политические риски / Н.А. Замараева // ЦентрАзия [Электронный ресурс]. – 7 марта 2008. – Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1204900740> (Дата обращения: 09.08.2014).

³ Iqbal, Nasir. 1,027 civilian posts occupied by servicemen / Nasir Iqbal // Dawn, Internet edn. [Electronic resource]. – 03 October 2003. – Mode of access: <http://archives.dawn.com/2003/10/03/nat12.htm> (Accessed 09.08.2014).

придерживалась мнения о том, что постоянное участие армии в государственных делах лишь сдерживает развитие гражданских институтов власти¹.

К 1999 г. вооруженные силы страны превратились в доминирующую силу в экономической сфере. Деятельность армии охватывала все сферы общественной и экономической жизни. Получил дальнейшее развитие процесс становления военных в качестве мощной и самостоятельной корпорации, начавшийся еще при правлении генерала М. Зия уль-Хака. В 2000-х гг. происходило дальнейшее укрепление экономических позиций ВС, в особенности офицерства. Как действующие, так и отставные офицеры извлекали серьезную выгоду из доминирующего положения армии по отношению к другим социальным группам². Армейская верхушка стала требовать еще больших привилегий и льгот. Продолжали функционировать многие подконтрольные военным благотворительные фонды и компании, учрежденные в 1980-х гг., а их доходность возрастала по сравнению с предыдущими периодами. По состоянию на 2002 г., годовая выручка крупнейшей корпорации Фауджи фаундейшн составляла 30 млн долл. США³.

Происходило проникновение подконтрольных военным благотворительных фондов и компаний в новые сектора экономики. Как и при Зия уль-Хаке, особое внимание уделялось образованию и воспитанию молодежи. Расширялась деятельность благотворительных фондов в сфере образования: ФФ, ШФ и АБТ увеличили число своих школ и колледжей. Этому процессу содействовала развернувшаяся в обществе после событий 11 сентября 2001 г. дискуссия относительно низкого уровня преподавания в государственных образовательных учреждениях и недостатков современной системы образования. В сложившихся условиях правительство придало импульс развитию сотрудничества между государством и частным бизнесом для создания новых и более эффективных институциональных механизмов, которые заполняли вакуум, образованный

¹ Siddiq, Ayesha. *Military Inc.: Inside Pakistan's Military Economy* / Ayesha Siddiq. – London: Pluto Press, 2007. – P. 168–169.

² Многие политические игроки, господствующие классы и группы, такие как гражданская бюрократия и предпринимательский класс, связаны партнерскими отношениями с армейской верхушкой и выступают в роли ее клиентов, пользуясь предоставляемыми материальными благами и льготами. Это усиливает влияние армии и препятствует утверждению демократических порядков. Siddiq, Ayesha. *Soldiers of the Fortune* / Ayesha Siddiq // *Newsline*. – December, 2006. – Mode of access: <http://newslinemagazine.com/magazine/soldiers-of-fortune/> (Accessed 10.08.2014).

³ Lieven, Anatol. *The Pressures on Pakistan* / Anatol Lieven // *Foreign Affairs*. – Vol. 81. – № 1. – January/February 2002.

государственными образовательными учреждениями. В 2000-х гг. многих отставных высокопоставленных офицеров назначали на должности ректоров крупнейших государственных университетов, что напоминало распространенную в 1980-х гг. практику правительственных назначений в сфере высшего образования¹. Как и ранее, такая политика приводила к снижению показателей эффективности работы данных ВУЗов, так как назначенцы не были знакомы с особенностями академической деятельности и университетской жизни. Кроме того, новое руководство при распределении многих должностей в образовательных учреждениях практиковало кумовство, что неизбежно приводило к снижению качества образования из-за некавалифицированности кадров.

Как и прежде, отставные и действующие военные продолжали получать новые земельные участки в частную собственность², участвовать в различных проектах по развитию недвижимости. Распределение земли затронуло и новые районы страны, которые никогда не служили базой для комплектования ВС. Это создавало социально-политическую напряженность в отношении с коренным населением, которое обвиняло армию в «захвате» их земель. Обострялись и межэтнические противоречия, которые со времен правления Зия уль-Хака обрели еще более угрожающие масштабы. В условиях существенного влияния военных (главным образом, панджабцев по происхождению) существовал определенный дисбаланс в распределении природных ресурсов в пользу Панджаба, в особенности землевладений офицерства. Большинство фермеров обладали меньшим доступом к земельным и водным ресурсам, особенно в Панджабе³. Решению данных социально-экономических проблем препятствовало мощное провоенное лобби («земельная мафия»), куда входили и многие гражданские лица, пользовавшиеся благами сложившейся системы. В некоторых случаях (особенно в крупных городах) влиятельные политические деятели развивали партнерские отношения с офицерством в рамках совместных

¹ Wilson, John. *The General and Jihad: Pakistan Under Musharraf* / John Wilson. – New Delhi: Pentagon Press, 2007. – P. 45.

² Среди всего спектра социальных классов и групп пакистанского общества армия является крупнейшим землевладельцем страны, при этом в отличие от других организаций и институтов власти военные способны осуществлять свободную приватизацию государственных земельных фондов. Ghazali, Abdus-Sattar. *Pakistan Army's Commercial Ventures Slammed* / Abdus-Sattar Ghazali // Nepal Blogs [Electronic resource]. – 16 June 2011. – Mode of access: <https://bhumikasa.wordpress.com/pakistan-armys-commercial-ventures-slammed/> (Accessed 15.08.2014).

³ *Pakistan: Military threatens food security of farmers by illegal land grabbing in Punjab* // Asian Human Rights Commission [Electronic resource]. – 17 May 2011. – Mode of access: <http://www.humanrights.asia/news/hunger-alerts/AHRC-HAG-001-2011> (Accessed 15.08.2014).

корпораций. Приобретение земельных участков по заниженной стоимости при правительственном покровительстве и их продаже по завышенной цене стали основными формами коммерческой деятельности армейской верхушки. Данная стратегия была разработана еще в 1980-х гг., когда происходило активное проникновение армейского капитала в сферу недвижимости. Частные предприниматели и риелторы предпочитали покупать земли, находящиеся в распоряжении офицерства, так как они обладали значительно лучшей инфраструктурой. В 2000-х гг. происходило дальнейшее увеличение армейского капитала в сфере недвижимости, которая превратилась в один из основных источников экономической активности, в особенности после событий 11 сентября 2001 г. Однако у армии существовали и нелегальные источники дохода. Огромной была сфера «теневого» экономики с участием военных, которая досталась в наследство от предыдущего военного режима. Речь, прежде всего, идет о контрабандной торговле товарами, в том числе наркотиками, через пакистано-афганскую границу.

Благотворительные организации военных пользовались монополией на многие правительственные контракты, в особенности строительство дорог и сбор платы за проезд по крупным национальным автомагистралям. Со своей стороны компании, пользуясь своим влиянием, развивали партнерские отношения как с местными, так и зарубежными инвесторами. Такое сотрудничество было необходимым в случаях, когда предприятия не обладали достаточными ресурсами для реализации того или иного проекта, а их партнеры по бизнесу рассчитывали на правительственную поддержку.

Серьезным преимуществом подконтрольных военным компаний была готовность властей оказать им без каких-либо серьезных обязательств масштабную помощь при возникновении финансовых трудностей. Все это освобождало офицерство от необходимости приведения в порядок их собственного бизнеса, позволяло инвестировать средства в совершенно авантюрные проекты. Благодаря абсолютной политической власти¹ высокопоставленные офицеры могли свободно, как это было при предшествующем военном режиме, распоряжаться экономическими ресурсами страны, в том числе и незаконными путями². Такая свобода дей-

¹ Вплоть до марта 2007 г. ни одна из политических сил не могла бросить серьезный вызов власти П. Мушаррафа.

² Зачастую власти закрывали глаза на многие случаи противозаконных действий и злоупотреблений со стороны подконтрольных военным компаний. Watson, Paul. Military Inc. Dominates Life in Pakistan Paul Watson // Los Angeles Times [Electronic resource]. – 07 October 2002. – Mode of access: <http://articles.latimes.com/2002/oct/07/world/fg-pak7> (Accessed 15.08.2014).

ствий содействовала повышению уровня жизни и обогащению как отдельных офицеров, так и армии в целом. Военные, как и в Турции, превратились в самостоятельный социальный класс, рассматривающий себя не только в качестве части капиталистической элиты, преследующей свои собственные экономические интересы, но и в качестве альтернативы большинства гражданских институтов. Процесс утверждения офицерства в качестве новой роли начался еще во времена правления генерала М. Зия уль-Хака и окончательно завершился лишь при правлении П. Мушаррафа. Теперь офицерство обладало серьезным экономическим могуществом, что еще больше усиливало его заинтересованность в сохранении политической власти¹.

Четвертый по счету военный режим по своему характеру был менее авторитарный и жесткий, чем все предшествующие. Генерал П. Мушарраф предпринимал различные меры для того, чтобы ослабить негативное впечатление от очередного госпереворота и прихода к власти армии. Однако действия властей по совершенствованию национального законодательства для (как это формально декларировалось) обеспечения прав и свобод граждан ни в коей мере не мешали им вводить жесткие ограничения и запреты в политической сфере, в особенности в отношении оппозиционных политиков и их партий. С тем, чтобы удержаться у власти, генерал-президент не гнушался манипулировать демократическими процедурами и институтами. Однако на период его правления пришелся процесс становления активного гражданского общества, вследствие чего конфронтация исполнительной и судебной ветвей власти в 2007 г. обернулась для правящего режима подъемом мощного антиправительственного движения, которое вынудило Мушаррафа пойти на либерализацию механизма государственного управления, а затем и вовсе оставить свой пост.

§ 2. «Просвещенная умеренность»

В период правления военного режима исламский фактор продолжал сохранять свое прежнее влияние, что никак не могло не учитываться властью. Накануне референдума П. Мушарраф объявил еще одну свою задачу: «строительство демократического государства на принципах ислама»². Несмотря на данное заявление,

¹ Siddiq, Ayesha. *Military Inc.: Inside Pakistan's Military Economy* / Ayesha Siddiq. – London: Pluto Press, 2007. – P. 172–173.

² President address to the Nation, before Referendum, 29.04.2002. Chronicle | Our leader – Musharraf [Electronic resource]. – Mode of access: <http://presidentmusharraf.wordpress.com/2006/09/05/musharraf-referendum-2002/> (Accessed 17.08.2014).

в отличие от программы Зия уль-Хака программа П. Мушаррафа не базировалась исключительно на религиозной проблематике, а представляла довольно широкий и конкретный план действий в основных сферах общественной жизни. Очевидно, Мушаррафу не доставало зияульхаковской религиозной набожности. Тем не менее, он, как и многие пакистанские офицеры, принимал непосредственное участие в подготовке афганских муджахедов в годы вооруженного конфликта, а также в планировании Каргильской операции. В те годы он был среди тех, кто составлял костяк стратегического союза с афганскими повстанцами и джихадистскими группировками. Однако в изменившихся международных условиях после событий 11 сентября 2001 г. генерал отказался от прежней стратегии, которой он был привержен, скорее, не как исламист, а как «самый настоящий солдат» в пользу умеренного курса¹.

Следует отметить, что серьезное отличие правления П. Мушаррафа от правления его предшественника Зия уль-Хака — длительная и упорная борьба правительства с исламским экстремизмом, который активно взращивался прежним военным режимом в союзе с фундаменталистскими партиями для борьбы с «неверными» в Кашмире и Афганистане. При этом меры по сдерживанию религиозных радикалов стали предприниматься еще до трагических событий 11 сентября 2001 г. Власти уже тогда чувствовали опасность, которую несет самому государству радикально-военизированный исламизм. Интересно в этой связи заявление бывшего министра иностранных дел Сартаджа Азиза: «Из каждых десяти муджахедов, которые учились здесь воевать в Кашмире, туда отправляется только один, а девять остаются и создают нам проблемы»². По некоторым оценкам, в 2000 г. 18 военизированных джихадистских группировок осуществляли террористическую деятельность в Кашмире с территории Пакистана³.

В своем обращении к нации от 17 октября 1999 г. П. Мушарраф призвал богословов «обуздать тех, кто использует религию в своих узкокорыстных интересах» и приносит исламу дурную славу. Президент открыто выступил в защиту религиозных меньшинств, которых традиционно подвергали гонениям и дискриминации, в особенности при военном режиме Зия уль-Хака. За словами последовали конкретные действия властей. Весной 2000 г. была

¹ Talbot, Ian. Pakistan: Modern History / Ian Talbot. – New Delhi: Foundation Books, 2009. – P. 379.

² Lieven, Anatol. The Pressures on Pakistan / Anatol Lieven // Foreign Affairs. – Vol. 81. – № 1. – January/February 2002.

³ Haqqani, Husain. Pakistan: between Mosque and Military / Husain Haqqani. – Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2005. – P. 301.

предпринята попытка реформирования Уголовного кодекса страны с тем, чтобы ограничить злоумышленное применение зияульхаковской поправки о богохульстве. П. Мушарраф обещал внести в кодекс некоторые изменения процедурного характера. Согласно предложенной поправке арест обвиняемого мог быть осуществлен только после проведенного местными властями расследования, а не на основании, как это было прежде, сделанного каким-либо лицом заявления. Изменение, по задумке властей, должно было обеспечить защиту от ложных обвинений¹. Вероятность принятия даже незначительной поправки вызвала негодование представителей правоконсервативных кругов, которые воспользовались сложившейся ситуацией для осуществления нападков на правительство П. Мушаррафа. Как и прежде, тысячи активистов вышли на улицы г. Карачи и других городов с тем, чтобы защитить исламские законы, принятые властями в период «исламизации» страны (1977–1988 гг.). В протестах принимали участие вооруженные боевики некоторых джихадистских организаций. В мае 2000 г. финансовая столица Пакистана выглядела как осажденный город, так как из-за демонстраций коммерческая деятельность была прервана в течение нескольких дней. Под давлением религиозных партий П. Мушарраф отказался от идеи реформирования закона, что стало серьезным ударом по его имиджу как борца с экстремизмом. Интересно, что среди военных было также немало число офицеров, которые противились любым изменениям исламских законов². В целом, консервативные настроения были весьма распространены в армейской среде, что было прямым следствием усилий предшествующего военного режима по индоктринации военнослужащих в исламистском духе.

Власти также предпринимали меры по искоренению многих пороков, ставших нормой для пакистанского общества, например, против «убийств во имя чести»³, которые только в 1999 г. унесли жизни около 1000 женщин; однако на этом направлении был достигнут незначительный прогресс и число жертв продолжало расти. Попытки ослабить межсектантские противоречия также ни к чему не привели. После некоторого перерыва вновь интенсифицировались традиционные суннитско-шиитские столкновения, которые угрожали выйти из-под контроля, как это было

¹ Jones, Owen Bennett. Pakistan's blasphemy law U-turn / Owen Bennett Jones // BBC News [Electronic resource]. – 17 May 2000. – Mode of access: http://news.bbc.co.uk/2/hi/south_asia/751803.stm (Accessed 19.08.2014).

² Hussain, Zahid. Frontline Pakistan: the Path to Catastrophe and the Killing of Benazir Bhutto / Zahid Hussain. – New Delhi: Penguin Books, 2007. – P. 8–9.

³ Убийство члена семьи, чаще всего (но не обязательно) женского пола, совершённое родственниками за навлечение на семью «бесчестия».

в конце правления Н. Шарифа. В священный месяц Мухаррам в апреле 2000 г. в результате нападения на толпу шиитов, собравшихся для чтения молитв, погибло 19 человек. В следующем месяце в г. Карачи был убит один из известных лидеров суннитской общины Маулана Юсуф Лудхианви. В мае 2001 г. там же был застрелен лидер Сунни Техрик Салим Кадри; его убийство спровоцировало целую серию забастовок и беспорядков. Всего за 2000–2001 гг. в межсектантских столкновениях погибло свыше 400 человек¹.

В рамках борьбы с радикализмом были запрещены или взяты под контроль некоторые созданные в 1980-х гг. при содействии властей военизированные исламистские организации либо сформированные на их основе террористические группировки, перекрыты пути их финансовых поступлений, арестованы активисты и члены этих организаций. 22 августа 2001 г. в г. Карачи полиция совершила рейды в офисы целого ряда экстремистских группировок, в том числе группировок Джайш-е Мухаммад², Харкат-уль-Муджахеддин и Лашкар-е-Тайба³. Были арестованы свыше 250 человек и конфискованы 700 коробок для сбора пожертвований⁴. Проводились чистки от традиционалистов в среде научно-технического персонала, связанного с ракетно-ядерным потенциалом страны. В марте 2001 г. в отставку были отправлены некоторые руководители и специалисты-ядерщики во главе с «отцом» пакистанской ядерной бомбы, руководителем ракетно-ядерного центра в Кахуте знаменитым А. Кадир Ханом⁵.

¹ Sectarian Violence in Pakistan: 1989–2014 // South Asia Terrorism Portal [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.satp.org/satporgtp/countries/pakistan/database/sect-killing.htm> (Accessed 20.08.2014).

² Джайш-е Мухаммад («Армия пророка Мухаммеда») – джихадистская группировка, принадлежащая к суннитской деобандской школе богословия, созданная бывшим боевиком организации Харкат-уль-Муджахеддин Масудом Азхаром при поддержке МВР в качестве противовеса Лашкар-е-Тайба. Основная цель ДМ – отделение Джамму и Кашмира от Индии и его присоединение к Пакистану, а также распространение джихада на всей территории Индия в целях освобождения мусульман от индийского гнета.

³ Лашкар-е-Тайба («Армия праведных») – одна из крупнейших и наиболее активных суннитских вооруженных организаций, сформированная в афганской провинции Кунар богословом Хафизом Мухаммадом Саидом в 1990 г. из числа джихадистов, принимавших активное участие в вооруженном конфликте в Афганистане. Главные задачи ЛТ – интеграция Джамму и Кашмира в Пакистан и пропаганда идеологии панисламизма в Южной Азии.

⁴ 250 ultras detained in Karachi, 'Jehadis' question Pervez on ban // The Tribune, World News [Electronic resource]. – 22 August 2001. – Mode of access: <http://www.tribuneindia.com/2001/20010823/world.htm#1> (Accessed 21.08.2014).

⁵ А. К. Хан, по собственному признанию, был причастен к передаче ядерных технологий Ливии, Ирану и Северной Корее. В течение почти 30 лет под его

В дальнейшем последовали аресты нескольких крупных ученых и длительные допросы, касающиеся их связей с местными исламистами и талибами. Следует отметить, что тесные контакты между физиками-ядерщиками и исламистами были установлены при режиме М. Зия уль-Хака, когда был сделан решительный шаг на пути к созданию «исламской» ядерной бомбы. Теперь же был взят курс на то, чтобы лишить религиозных радикалов допуска к ядерной программе страны. Кроме того, П. Мушарраф пообещал западным партнерам усилить режим контроля за ядерным оружием, исключив вероятность его попадания в руки исламистов. В свою очередь после 11 сентября 2001 г. США тайно предоставили Пакистану помощь в размере свыше 100 млн долл. США для повышения безопасности ядерного арсенала и укрепления механизмов ядерного нераспространения¹.

Резкая смена внешнеполитического курса страны после известных сентябрьских событий в США, «предательство братьев по вере», а для многих и «по крови» (талибы – пуштуны, эта этническая группа проживает на севере и западе Пакистана) и союз с Америкой вызвали в стране широкое недовольство. Значительная часть населения не одобряла подобных действий правительства², что свидетельствовало о распространенных в обществе консервативных взглядах на стратегию Пакистана в отношении соседнего государства. Возникли опасения относительно контрпереворота, который могли осуществить происламистски настроенные офицеры или лица, поддерживавшие близкие связи с афганским режимом и джихадистскими группами. Беспокойство усилилось накануне начала военной кампании в Афганистане. В результате П. Мушарраф сместил со своих постов директора МВР генерала-лейтенанта Махмуда Ахмеда и заместителя начальника штаба сухопутных войск генерала Музаффара Хуссейна Усмани. Хотя и Ахмед, и Усмани сыграли ключевую роль во время военного переворота в октябре 1999 г., они считались сторонниками жесткой политики³ – офицерами, разделявшими «зияульхаковские» идеалы.

контролем функционировала целая тайная сеть обмена ядерными технологиями и материалами. Однако он был амнистирован властями и избежал тюремного срока. Razvi, Murtaza. Musharraf: the Years in Power / Murtaza Razvi. – New Delhi: HarperCollins Publishers India, 2009. – P. 64–65.

¹ Rashid, Ahmed. Pakistan on the Brink: the Future of Pakistan, Afghanistan and the West / Ahmed Rashid. – London: Penguin Book Lmt., 2012. – P. 61.

² Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. История Пакистана XX век / В.Я. Белокреницкий, В.Н. Москаленко. – М.: ИВ РАН Крафт+, 2008. – С. 429.

³ Talbot, Ian. Pakistan: Modern History / Ian Talbot. – New Delhi: Foundation Books, 2009. – P. 379.

С приходом Ахмеда в МВР служба усилила свою поддержку кашмирских сепаратистов и оказалась еще более вовлеченной в военную кампанию Талибана по расширению своего влияния в Афганистане. Однако отставка Мехмуда не могла решить все существующие проблемы. Многие высокопоставленные офицеры придерживались твердых антиамериканских настроений и негодовали по поводу участия Пакистана в «грязной американской войне». После длительной совместной работы с исламистами (особенно в годы афганского вооруженного конфликта 1977–1988 гг.), им было крайне тяжело прервать их прежние связи. Поэтому на нового главу МВР генерала-лейтенанта Эхсана уль-Хака была возложена задача реформирования разведывательной службы и его чистки от тех офицеров, которые имели прочные связи с боевиками. Так, внутри МВР были расформированы два подразделения, связанных с исламистами в Афганистане и Кашмире. Около 40% офицеров разведки были переведены на новые должности. Несмотря на масштабные перестановки, связи разведки с исламистами не были окончательно прерваны¹.

20 сентября 2001 г. в знак солидарности с афганским народом Совет обороны Афганистана (Afghan Defence Council) призвал население к общенациональной забастовке. На призыв Совета откликнулись жители, главным образом, СЗПП, соседних племенных районов и таких городов, как Кветта и Карачи. В Кветте демонстранты разрушили и ограбили несколько банков, подожгли офисы ЮНИСЕФ². С началом авиаударов США по Афганистану и визитом американского госсекретаря Колина Пауэлла в октябре 2001 г. демонстрации протестов повторились с новой силой. На этот раз они охватили большее число дистриктов Панджаба и Синда³.

Как и в годы афганского вооруженного конфликта 1979–1988 гг., с началом военной кампании в Афганистане тысячи пуштун-добровольцев направлялись в соседнее государство для помощи своим «братьям по крови». Однако теперь они могли рассчитывать лишь на тайную и скрытую поддержку со стороны официального

¹ Hussain, Zahid. *Frontline Pakistan: the Path to Catastrophe and the Killing of Benazir Bhutto* / Zahid Hussain. – New Delhi: Penguin Books, 2007. – P. 34, 46.

² Совет обороны Афганистана – коалиция 35 религиозных партий и вооруженных групп, в которой доминировали Джамаат-е Ислами и две фракции Джамиатуль-улама-е Ислам (Ф. Рахмана и С. Хака) и которая выступала против военной операции в Афганистане под руководством США. *Protests rock Pakistan* // The Guardian [Electronic resource]. – 21 September 2001. – Mode of access <http://www.theguardian.com/world/2001/sep/21/september11.usa23> (Accessed 25.08.2014).

³ *Big anti-US protest in Pakistan* // BBC News [Electronic resource]. – 26 October 2001. – Mode of access: http://news.bbc.co.uk/2/hi/south_asia/1621932.stm (Accessed 25.08.2014).

Исламабада, который формально отказался от своего прежнего союза с талибами. Экстремистские военизированные организации активизировали свою деятельность на территории Пакистана. Но правительство устояло и прежде всего потому, что армия в целом сохранила верность генералу-президенту и беспрекословно выполняла его приказы по наведению в стране порядка. Опираясь на эту крупную, организованную, дисциплинированную, хорошо вооруженную и обученную силу, правительство развернуло наступление на экстремистов. 12 января 2002 г. в своем телевизионном обращении П. Мушарраф объявил о запрете пяти экстремистских группировок, в том числе Лашкар-е-Тайба и Джайш-е Мухаммад¹. Власти задержали свыше двух тысяч активистов этих организаций, некоторые из которых были приговорены к различным срокам тюремного заключения, и закрыли 600 принадлежавших им штаб-квартир. В своем выступлении П. Мушарраф заявил, что не допустит участия организаций, базирующихся в Пакистане, в терроризме. Выступление ознаменовало отход от курса на поддержку панисламизма и процесса исламизации, которого ранее твердо придерживался генерал М. Зия уль-Хак. Было также подчеркнуто, что государство должно обладать монополией на внешнюю политику, которая должна определяться не исламской солидарностью (как это было раньше, в особенности при Зия уль-Хаке), а национальными интересами страны. Генерал-президент обещал подавить экстремистские группировки, бросающие вызов власти государства.

В 2002 г. в ходе полицейских рейдов были арестованы и убиты многие боевики экстремистских группировок, в том числе высокопоставленный лидер ЛД Риаз Басра. Было объявлено о взятии под государственный контроль нескольких тысяч школ-медресе, многие из которых были открыты при правлении предшествующего военного режима для пропаганды исламизма и воспитания в соответствующем духе молодежи, чтобы из рассадника исламского экстремизма превратить их в обычные учебные заведения (естественно, с религиозным уклоном). Была инициирована процедура регистрации большого числа иностранных студентов и преподавателей, которые приезжали в Пакистан еще в конце 1970-х гг., т. е. в начале периода «исламизации» страны. Власти приступили к реформированию системы образования, большое воздействие на которое оказало наследие предшествующего

¹ Все эти группировки ранее были включены Госдепартаментом США в список террористических организаций. Однако запрет не действовал на территории Азад Кашмира и полуавтономных племенных районов страны на границе с Афганистаном. Hussain, Zahid. *Frontline Pakistan: the Path to Catastrophe and the Killing of Benazir Bhutto / Zahid Hussain.* – New Delhi: Penguin Books, 2007. – P. 108.

военного режима. Был разработан трехгодичный проект государственного финансирования и оказания технического содействия для расширения учебной программы медресе на базе современных общеобразовательных предметов. Был издан указ, который приравнивал распространение межсектантской ненависти и экстремизма в медресе к уголовно наказуемым преступлениям (2 года тюремного заключения). Финансирование религиозных учебных заведений из зарубежных источников¹ подлежало процедуре одобрения со стороны федеральных и провинциальных советов по делам медресе; финансирование из правительственных источников должно было быть также одобрено МВД страны². Контроль был установлен и над мечетями, ни одна новая мечеть не могла быть открыта без разрешения властей. Власти заявляли о том, что не допустят использования территории страны для осуществления террористической и подрывной деятельности как внутри нее, так и за ее пределами. Было объявлено о создании специальных судов для ускоренного рассмотрения дел, связанных с терроризмом и межсектантским насилием. Правительство умело использовало в своей кампании мусульманских богословов (улемов), недовольных радикализмом исламистов, который грозил их устоявшемуся положению в обществе. Все эти меры, которые власти принимали под давлением международного сообщества, дали незначительный результат³. Так, литература, пропагандирующая насилие, свободно распространялась по всей стране, а мечети продолжали служить удобными площадками для экстремистских проповедей. Инфраструктура запрещенных группировок и их способность к осуществлению террористических актов не были серьезно затронуты предпринятыми мерами, о чем свидетельствовала эскалация насилия в стране. Правительственная политика не пользовалась поддержкой большей части населения страны.

¹ Медресе полностью зависели от частных доноров, включая пакистанских мигрантов, проживающих за рубежом. Согласно докладу Международной кризисной группы от июля 2002 г. пакистанские мечети и медресе ежегодно получали благотворительные пожертвования в размере около 1,1 млрд долл. США, что фактически равнялось сумме ежегодных поступлений пакистанского правительства от сбора подоходного налога. Pakistan: Madrasas, military and Extremism. Asia Report №36. International Crisis Group report [Electronic resource]. – 29 July 2002. – Mode of access: <https://www.crisisgroup.org/asia/south-asia/pakistan/pakistan-madrasas-extremism-and-military> (Accessed 28.08.2014).

² Price, Susannah. Pakistan religious schools deadline // BBC News [Electronic resource]. – 19 June 2002. – Mode of access: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/south-asia/2054719.stm> (Accessed 29.08.2014).

³ Мелехина Н.В. Исламорадикализм и экстремизм в сепаратистском движении Кашмира / Н.В. Мелехина // Пакистан, страны Южной Азии и Среднего Востока: история и современность; [отв. ред. В.Я. Белокреницкий, С.Н. Каменев, В.Н. Москаленко]. – М.: Научная книга, 2004. – С. 159–160.

Благодаря радикальным реформам властей в конце 1970—1980-х гг. исламизм пустил глубокие корни в пакистанском обществе и его нельзя было искоренить в одночасье.

Так как Первез Мушарраф был больше прагматиком, чем лидером, фанатично приверженным какой-то определенной идее (в данном случае борьбе с исламским экстремизмом), то на фоне приближающихся парламентских выборов, на итоги которых могло оказать влияние растущее недовольство исламистов новым курсом правительства, военному руководителю страны пришлось прибегать к политике усиленного маневрирования, которую активно практиковал и его предшественник генерал М. Зия уль-Хак. Если Зия стремился создать «демократическую ширму» для своего режима в глазах международного сообщества, то П. Мушарраф пытался закрепить за собой имидж «правоверного мусульманина» перед лицом пакистанской общественности. Упорная и напряженная борьба с экстремистами стала вестись в довольно мягкой форме. Широкие аресты обычно заканчивались быстрым освобождением задержанных; судебные приговоры в отношении них не выносились, а, если и принимались, то не отличались длительностью сроков тюремного заключения. Запрещенные организации возвращались на политическую арену под другими названиями¹. Многие происламски настроенные политики, даже пребывая в тюремном заключении, в отличие от своих светски мыслящих оппонентов из оппозиционных партий, имели возможность баллотироваться на выборах 2002 г. Ярким примером может служить случай с лидером ССП Азамом Тариком, который был освобожден из-под стражи в обмен на согласие вступить в проправительственную коалицию в Национальном собрании. При этом власти проигнорировали судебное решение, запрещавшее его освобождение даже под залог².

Чистка армии от исламистски настроенных военнослужащих, большая часть из которых относилась к так называемому «зияуль-хаковскому» поколению военных, не сопровождалась репрессиями. Максимальным наказанием было увольнение в отставку. Так поступили с руководителем МВР генералом Махмудом Ахмедом³.

¹ Там же, С. 161–162.

² Tohid, Owais. An eye for an eye / Owais Tohid // Newslinе [Electronic resource]. – 15 October 2003. – Mode of access: <http://www.newslinemagazine.com/2003/10/an-eye-for-an-eye-2/> (Accessed 02.09.2014).

³ Его обвиняли в тесных связях с движением Талибан, а также, согласно слухам, в дружбе с Ахмедом Омар Шейхом, одним из террористов, угнавших индийский самолет авиакомпании Air India в декабре 1999 г. Считается, что А.О. Шейх оказал финансовую помощь в размере 100 тыс долл. США одному из предполагаемых террористов, совершивших теракт 11/9. Bernard-Henri Levy. Who killed Daniel

Но в большинстве случаев применялись сложные перестановки внутри комсостава: понижение в должности; перевод в отдаленный район; даже перемещение на формально более высокий пост, но реально игравший менее значимую роль. Предпринимая какие-либо действия, власти одновременно старались в максимальной степени предотвратить или ослабить негативные для себя последствия. Борясь с терроризмом и выступая против использования его в Кашмире, П. Мушарраф, чтобы избежать обвинений в предательстве «братьев», одновременно обещал продолжать политическую, моральную и дипломатическую поддержку кашмирцев. В своем обращении к народу 12 января 2002 г. президент заявил: «Кашмир у нас в крови. Ни один пакистанец не может позволить себе разорвать связи с Кашмиром»¹. Фактически это означало продолжение поддержки кашмирского джихада со стороны пакистанских военных, т. е. осуществление на индийском направлении прежней агрессивной-наступательной стратегии, разработанной руководством МВР незадолго до смерти военного диктатора М. Зия уль-Хака.

П. Мушарраф любыми способами стремился продемонстрировать свою приверженность религии. С учетом явного затухания процесса исламизации экономики страны, инициированного во времена правления генерала М. Зия уль-Хака, правительство приняло решение оживить его с новой силой. Была проведена реорганизация работы комитетов по сбору заката. Прежде всего было повышено единовременное пособие до 500 рупий (с 1980 г. местные советы выдавали по 40 рупий). Генерал-президент объявил в августе 2001 г. о принятии схемы трансформирования системы заката в две фазы. Обе фазы предусматривали распределение аккумулированных средств среди широкого круга реципиентов. Совершенно новым моментом в работе комитетов стала процедура предоставления займов для организации мелкого бизнеса или торговли. В сентябре 2002 г. состоялось торжественное открытие первого в стране Исламского коммерческого списочного банка Аль-Мизан (пакистано-кувейтский проект). В своем выступлении на церемонии открытия П. Мушарраф подчеркнул необходимость поднятия престижа исламских экономических законов и реорганизации банковского дела. Новый механизм деятельности кредитно-денежных структур, разработанный Госбанком

Pearl?/ Levy Bernard-Henri. – NJ: Melville House, 2005. – P. 320–324.

¹ President General Pervez Musharraf's Address to the Nation, January 12, 2002. South Asia Terrorism Portal [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.satp.org/satporgtp/countries/pakistan/document/papers/2002jan12.htm> (Accessed 02.09.2014).

страны для поддержки исламских финансовых институтов, был наиболее приемлемым в деле постепенной ликвидации рыбы, что декларировалось властями в качестве одной из задач их экономической политики. Данный механизм подразумевал существование параллельно нетрадиционных и традиционных банковских систем, как, например, в Малайзии. По решению Верховного шариатского суда от июня 2002 г. Госбанк разрешил использование процедуры беспроцентного предоставления займов в трех институциональных формах. Примером одной из них был Исламский банк Аль-Мизан. Кроме того, традиционные банки получили возможность открывать в своих структурах исламские отделения и наоборот. Для исламских финансовых институтов была разработана специальная схема экспортного финансирования. Несмотря на это, действия пакистанских властей на данном направлении не привели к созданию особой мусульманской структуры и, более того, приспособление ее к современным основам общественного развития создало трудности с охватом и сроками претворения соответствующей идеи в жизнь¹.

Исходя из вышесказанного, представляется очевидным, что власти, предпринимая такого рода меры, пытались привлечь на свою сторону или, по крайней мере, не оттолкнуть избирателей, многие из которых придерживались консервативных взглядов, в особенности то поколение пакистанцев, которое росло и воспитывалось в условиях активной пропаганды исламизма при предшествующем военном режиме (1977–1988 гг.).

Правительственная борьба с экстремизмом в Пакистане сопровождалась интенсификацией террористической активности джихадистских группировок. Проблема взаимоотношений между приверженцами различных школ и течений ислама, которая уходила своими корнями во времена правления генерала М. Зия уль-Хака, обрела угрожающие размеры. Возросло число нападений на представителей шиитской общины. Одним из самых кровопролитных терактов стало нападение боевиков на шиитскую мечеть в г. Кветте, в результате которого погибло 55 человек. Межсектантское насилие распространялось и на г. Карачи и отдельные районы Панджаба (число жертв в 2004 г. составило свыше 350 человек). Все происходившее было непосредственно связано с увеличением числа боевиков Аль-Каиды и Талибана, базировавшихся на территории страны: как и в годы афганского вооруженного конфликта 1979–1988 гг., в Пакистан хлынул большой поток

¹ Жмуйда И.В. Итоги исламизации экономики Пакистана / И.В. Жмуйда // Ислам на современном Востоке; [отв. ред. Белокреницкий В.Я., Егорин А.З.] – М.: ИВ РАН, Крафт+, 2004. – С. 409–415.

афганских беженцев, которые превратили страну в плацдарм для ведения своей диверсионно-террористической деятельности¹. Мечети, религиозные процессии и митинги стали основными объектами нападений и терактов со стороны военизированных групп. Так, 7 октября 2004 г. на крупномасштабном митинге, организованном суннитской Сипах-е Сахаба Пакистан в годовщину смерти ее лидера, прогремели два крупных взрыва, которые унесли жизни порядка 40 человек. Это было актом возмездия за атаку на шиитскую мечеть в г. Сиалкоте в провинции Панджаб. Главными мишенями экстремистов также были представители местной христианской общины. Так, был совершен целый ряд нападений на христианские церкви, офисы благотворительных организаций и др. Жертвами терактов становились и иностранные граждане. В январе 2002 г. был похищен и убит корреспондент газеты «The Wall Street Journal» Дэниэл Перл². В мае того же года был взорван автобус с французскими военными инженерами и осуществлено нападение на генеральное консульство США в г. Карачи³. Все эти диверсионные акты были направлены на то, чтобы подорвать имидж Мушаррафа в глазах Запада.

Выборы 2002 г. свидетельствовали об определенном влиянии в стране идеологии фундаментализма, который пустил глубокие корни в пакистанском обществе благодаря усилиям предшествующего военного режима М. Зия уль-Хака. СМИ западных стран уделяли особое внимание электоральному возвышению блока правоконсервативных партий ММА. Впервые со времен правления генерала Зия исламисты сумели в очередной раз обеспечить себе доступ к власти. Многие даже ставили под сомнение возможность дальнейшего проведения военных операций в приграничных районах Пакистана, где полиция и гражданская администрация перешла под контроль исламистов из ММА⁴. Исламистские партии получили намного больше, чем обычно, голосов избирателей и на общенациональном уровне. Этому успеху содействовала волна

¹ Hussain Zahid. *Frontline Pakistan: the Path to Catastrophe and the Killing of Benazir Bhutto* / Zahid Hussain. – New Delhi: Penguin Books, 2007. – P. 89–90.

² Существовали подозрения, что Д. Перл был тайным агентом ЦРУ. В обмен на его свободу Аль-Каида потребовала освобождения из тюремного заключения своих соратников. США не стали выполнять данное требование. Razvi Murtaza. *Musharraf: the Years in Power* / Murtaza Razvi. – New Delh: HarperCollins Publishers India, 2009. – P. 55.

³ Считается, что к данным терактам могла быть причастна Аль-Каида. Guardia, Anton La. *Karachi car bomb kills 11 outside US consulate* / Anton La Guardia // *The Telegraph*. – 15. June 2002.

⁴ Sethi, Najam. *Thank You General Musharraf* / Najam Sethi // *The Friday Times (Lahore)*. – Vol. 14. – № 33. –11–17 October 2002.

недовольства после «измены» талибам и вступления страны в союз с Америкой¹. В какой-то степени сыграло свою роль и снижение возрастного ценза: легко поддающаяся радикалистским лозунгам молодежь в основном пошла за исламистами. А мажоритарная система подсчета голосов развила их успех при распределении депутатских мандатов: в Национальном собрании блок ММА прочно занял третье место, ненамного отстав от обогнавших его соперников ПМЛ(К) и ПНП (мажоритарная система подсчета голосов приносит наибольшие выгоды партиям, выступающим единым блоком).

Опасения западных наблюдателей относительно дальнейшей политической деятельности блока ММА оказались оправданными. Сформированное им правительство в СЗПП приступило к реализации своей исламистской программы. При этом ситуация развивалась не по «зияльхаковскому», а больше по «афганскому» сценарию времен правления талибов. В июне 2003 г. провинциальное законодательное собрание одобрило законопроект о шариате, который объявлял пятницу выходным днем, вводил запрет на банковский процент, а также на налоги на оружие, жильё и транспортные средства, предусматривал закрытие кинотеатров и кабельного телевидения, обязывал женщин носить хиджаб и др. Был принят ряд суровых мер (главным образом направленных на восстановление гендерной сегрегации): запрет на музыку и танцы в общественных местах, на использование изображений женщин в рекламах, на медицинское обследование женщин докторами-мужчинами, на освещение мужчинами-журналистами спортивных состязаний с участием женщин и на назначение мужчин в качестве тренеров женщин-спортсменок. В провинции была введена исламская банковская система. Был учрежден специальный комитет, который был призван содействовать отправлению шариатского правосудия, а также применению наказаний хууд. В июле 2005 г. провинциальное законодательное собрание приняло законопроект о Хисбе (исламский институт по разрешению споров), который предусматривал создание нового органа власти по аналогии с афганским (при режиме талибов) министерством по содействию добродетели и предотвращению зла. Согласно закону мухтасиб (омбудсмен) не должен был нести ни перед кем ответственности, а судам было запрещено пересматривать или приостанавливать его решения; отсутствовало какое-либо право на апелляцию. Однако Верховный суд страны признал некоторые

¹ Плешов О.В. Ислам и политическая культура в Пакистане / О.В. Плешов. – М.: ИВ РАН Институт Ближнего Востока, 2005. – С. 182.

положения закона противоречившими конституции и порекомендовал внести в него соответствующие поправки¹.

Власти СЗПП активно прибегали не только к законодательным, но административным мерам по утверждению «подлинно» исламских порядков. Полиция преследовала представителей «запрещенных профессий», закрывала их бизнес. Все более частым нападениям и критике стали подвергаться международные неправительственные организации, которые считались «проводниками западной порочной культуры», противоречащей исламу. Из-за препятствования их деятельности и неоднократных случаев нападений при попустительстве властей на их сотрудников ряду НПО пришлось закрыть свои офисы в СЗПП².

Серьезная проблема для правительства после отмены военного положения – рост исламского радикализма: страна продолжала серьезно страдать от действий террористов³. И хотя большинство населения не разделяло его идеологию, на примере правления военного режима М. Зия уль-Хака хорошо известно, какой динамичной и мобилизующей силой обладает исламизм, чтобы повести общественное развитие страны по иному пути. Только в мае – июне 2004 г. от рук экстремистов погибло 60 человек. После отмены режима ЧП усилились столкновения между суннитами и шиитами. Также активизировалась террористическая деятельность исламорадикалов против руководства страны: теперь, в отличие от предшествующего правления военных (1977–1988 гг.), правящий режим выступал в роли основного врага в глазах религиозных фанатиков. Именно в это время было совершено несколько терактов против президента П. Мушаррафа (два самых серьезных в декабре 2003 г.) и премьер-министра Шауката Азиза (июль 2004 г.). В ответ на это власти усилили борьбу с экстремистами. Были ужесточены законы, направленные против террористов; сроки заключения за эти преступления были увеличены. «Убийство во имя чести», то есть расправа по традиционным правилам, которая практически стала безнаказанной благодаря преобразованной при Зия уль-Хаке

¹ Mishra, Ashutosh. MMA – Democracy Interface in Pakistan: From Natural Confrontation to Co-habitation? / Ashutosh Mishra // Strategic Analysis, Institute for Defence Studies and Analyses. – Vol. 30. – № 2. – April 2006. – P. 389–391.

² Refugee Review Tribunal Research Response, Pakistan [Electronic resource]. – 21 March 2006. – Mode of access: <http://www.refworld.org/pdfid/4b6fe2d05.pdf> (Accessed 09.09.2014).

³ 21 ноября 2006 г. в своем выступлении на международной выставке оборонной продукции в г. Карачи П. Мушарраф отметил, что терроризм и экстремизм – главная угроза безопасности всего мира, в особенности мусульманского. President at International Defence Exhibition Seminar 2006. Chronicle/Our leader – Musharraf [Electronic resource]. – Mode of access: <http://presidentmusharraf.wordpress.com/2006/08/18/musharraf-defence-exhibition-2006/> (Accessed 10.09.2014).

нормативно-правовой базе страны, стала приравниваться к уголовно наказуемым преступлениям¹. Следует отметить, что согласно статистическим данным в 1998–2004 г. порядка 4000 человек стали жертвами расправ «во имя чести»; при этом женщин погибло в два раза больше, чем мужчин². В декабре парламент одобрил законопроект, ужесточивший наказание за данный вид преступления. В мае 2004 г. П. Мушарраф объявил о создании независимой Национальной комиссии по правам человека. С начала 2004 г. власти стали выпускать паспорта нового типа без колонки о религиозной принадлежности человека, которая была впервые введена в документ при генерале Зия уль-Хаке в 1980 г. Однако в связи с широкими протестами религиозных партий федеральное правительство пошло на уступки, удовлетворив требование ММА о восстановлении колонки³.

Как показала реакция общественности на начало военной кампании в Ираке в 2003 г. (многочисленные антиамериканские демонстрации протеста), власти не могли не считаться с мнением представителей правоконсервативного крыла. Все это требовало сбалансированного курса правительства в отношении исламистов, которые на протяжении последних двух десятилетий превратились из ключевой опоры режима, как это было при генерале Зия, в серьезную угрозу пакистанской государственности. Кроме того, правящий режим не мог полностью игнорировать религиозные чувства широких народных масс из-за тактического союза (пусть и непрочного) с ММА. Как уже отмечалось выше, из-за отсутствия прочных позиций в парламенте по итогам выборов 2002 г. проправительственному ПМЛ(КА) пришлось идти на сближение с блоком религиозных партий. Таким образом, как и его предшественник Зия уль-Хак, Мушарраф сделал (пусть и временно) ставку на союз с исламистами, с которыми военным было намного легче найти общий язык, чем с представителями прогрессивно-либеральных сил. Согласно расхожему мнению, с идеологической точки зрения большинство членов правящей партии были гораздо более близкими к правоконсервативным кругам и рассматривали их как

¹ Chakma, Suhas. Confronting honour killing / Suhas Chakma // The Pioneer [Electronic resource]. – 22 October 2004. – Mode of access: http://www.achrweb.org/inmedia/media2004/honor_killing_pio221104.htm (Accessed 10.09.2014).

² Refugee Review Tribunal Research Response, Pakistan [Electronic resource]. – 21 March 2006. – Mode of access: <http://www.refworld.org/pdfid/4b6fe2d05.pdf> (Accessed 09.09.2014).

³ Reddy, B. Muralidhar. Religion column back on Pakistan passports / B. Muralidhar Reddy // The Hindu [Electronic resource]. – 23 March 2005. – Mode of access: <http://www.hindu.com/2005/03/23/stories/2005032303641400.htm> (Accessed 11.09.2014).

естественных партнеров. Однако проблема заключалась в том, что они не были готовы продвигать реформаторскую программу П. Мушаррафа и его концепцию «просвещенной умеренности».

Основные принципы «Просвещенной умеренности» были впервые обнародованы на саммите Организации исламской конференции¹ в г. Путраджая (Малайзия) в 2003 г. Концепция была направлена против искажения подлинного ислама, т. е. против его радикалистского толкования. Следует отметить два основных аспекта данной доктрины: 1) провозглашена несовместимость радикализма и терроризма с истинной религией мусульман; исламский мир не несет ответственности перед человечеством за действия экстремистов; он также страдает от них, как и другие цивилизации; 2) социально-экономические проблемы (бедность, отсталость, неграмотность и др.), а не религиозные и культурные особенности во многих мусульманских странах — истинные причины «мирового зла XXI века». Поэтому для обеспечения глобальной безопасности следует решать отмеченные проблемы путем развития, эволюции, просвещения, умеренности и гарантирования справедливости. Упор делался на «гармонию и благополучное сосуществование различных конфессий». Оценивая данную концепцию, премьер-министр Пакистана Ш. Азиз отметил следующие ее основные черты — глобальный характер; отрицание религиозного насилия и непримиримости; направленность на социальную гармонию, прогресс и искоренение неграмотности; содействие решению конфликтов, которые «вызывают огромные страдания и служат источником многих болезней исламской уммы»².

Дальнейшие меры властей по борьбе с экстремизмом шли в фарватере концепции «просвещенной умеренности». Так, правительство отменило запрет на танцы во время живых театрализованных представлений, что придало серьезный импульс развитию данной формы искусства, которая стала быстро исчезать со времен правления М. Зия уль-Хака и сумела лишь сохраниться в г. Лахоре. Были сняты введенные в период исламизации страны (1977—1988 гг.) ограничения на театральное искусство. Кульминацией стало учреждение Национальной академии театрального

¹ Крупнейшая международная организация мусульманских стран, учрежденная в 1969 г. в целях обсуждения проблемы оккупации палестинских территорий и Восточного Иерусалима, а также защиты и продвижения прав народа Палестины на региональном и глобальном уровнях. В настоящий момент насчитывается 57 государств-членов. Россия имеет статус наблюдателя в данной организации.

² Москаленко В.Н. Российско-пакистанские отношения и ислам – проблемы и перспективы / В.Н. Москваленко // Россия и исламский мир: историческая ретроспектива и современные тенденции. – М.: ИВ РАН, Крафт+, 2010. – С. 75–76.

искусства в г. Карачи, которая не только занималась подготовкой и обучением соответствующих специалистов, но и организовывала представления. Государственное телевидение теперь транслировало танцевальные шоу (как классические, так и современные формы танца) с участием женщин, на что до прихода П. Мушаррафа к власти было наложено табу. Сам президент и многие высокопоставленные чиновники появлялись на телевизионных передачах с живыми выступлениями танцоров и певцов (и женщин, и мужчин). В резиденции П. Мушаррафа стали проводиться ежегодные концерты популярной музыки накануне Дня независимости. Вновь было разрешено отмечать в общественных местах многие неисламские праздники, что прежде категорически запрещалось (за исключением частных вечеринок). Многие мероприятия (международный фестиваль театрального искусства, фестиваль весны «Басант Панчами» и др.), оказавшиеся под государственным патронажем, превратились в грандиозные события, широко освещаемые СМИ. Таким образом, происходило культурное возрождение пакистанского общества, которое серьезно пострадало от многих ретроградных запретов и ограничений времен М. Зия уль-Хака. Все эти меры были направлены на улучшение имиджа как страны, так и самого президента, который представлялся в образе просвещенного и прогрессивного лидера в глазах западных партнеров¹.

Как и в прежние времена, исламисты сохраняли весомое влияние в приграничных с Афганистаном племенных районах страны. Во время землетрясения 2005 г., охватившего подконтрольный Исламабаду Азад Кашмир и прилегающие к нему территории СЗПП², джихадистские группировки продемонстрировали гораздо большую организованность и оперативность при ликвидации его последствий по сравнению с правительством и армией. Недостаточно быстрая реакция властей на произошедшее послужила предлогом для острой критики президента Мушаррафа со стороны общественности. Альянс за восстановление демократии потребовал проведения независимого расследования того, что их официальный представитель назвал «провалом высшего армейского командования». Бездействие властей в первые дни трагедии угрожало еще

¹ Razvi Murtaza. Musharraf: the Years in Power. / Murtaza Razvi. – New Delhi: HarperCollins Publishers India, 2009. – P. 59–62.

² В этот период в стране укрепился дух единства и солидарности. На некоторое время произошел спад антиправительственной активности как исламских экстремистов, так и прогрессивно-либеральных сил. Трагедия сплотила разнородное пакистанское общество. Rohde, David. Pakistanis Unite to Aid Victims of Quake / David Rohde // The New York Times. – 22 October 2005.

большими жертвами. Сложившаяся ситуация серьезно подрывала репутацию правящего режима.

В районах, пострадавших от землетрясения, джихадисты располагали мощной инфраструктурой, созданной еще в предшествующие годы под патронажем официальных властей. Благодаря своей разветвленной сети на местах и строгой дисциплине они были первыми, кто пришел на помощь жителям пострадавших районов. Наряду с поисково-спасательными работами их активисты оказывали гуманитарную помощь населению. Например, благотворительная организация группировки Лашкар-е-Тайба Джамат-уд-Дава разбила свой лагерь в одном из пострадавших районов, где она располагала своим медресе и больницей. Численность добровольцев организации, оказывавших помощь жертвам трагедии, составила порядка 3 тыс. человек. Тотчас же после землетрясения они приступили к исполнению своих обязанностей. Успех джихадистских группировок в оказании помощи пострадавшим районам серьезно укреплял их позиции как неформальных структур, претендующих на легитимный статус. Со своей стороны военные были вынуждены активно взаимодействовать с ними при проведении поисково-спасательных работ. По иронии судьбы, вместе с ними в операции принимали участие спасатели и военнослужащие европейских стран и стран-участниц НАТО, направленные сюда в качестве дополнительной помощи, что было беспрецедентным шагом¹. «Открытая» деятельность экстремистских организаций в регионе при попустительстве официального Исламабада вызывала негодование администрации США.

В 2006 г. пакистанское правительство решило отменить принятые при М. Зия-уль-Хаке поправки в Уголовный кодекс, касающиеся случаев нарушения морали и нравственности, а также жестоких мер наказания за это (отсечение конечностей за воровство, публичное побивание до смерти камнями за супружескую измену и др.). Подготовленный властями законопроект лишь частично отменял традиционные наказания, прежде всего в отношении женщин. Согласно законопроекту «О защите женщин», все нарушения сексуального характера переводились из мусульманского правосудия в обычное гражданское, что полностью меняло разбирательство и ответственность за подобные преступления. Так, число свидетелей при рассмотрении дел, связанных с сексуальными преступлениями, стало определяться обычными

¹ Coll, Steve. Fault Lines: After the Earthquake, Some Strange New Alliances / Steve Coll // The New Yorker [Electronic resource]. – 21 November, 2005. – Mode of access: http://www.newyorker.com/archive/2005/11/21/051121fa_fact?currentPage=all (Accessed 13.09.2014).

процессуальными нормами; в ходе разбирательства предусматривалось использование методов современной медицины. Прежде жертва насилия должна была обеспечить явку четырех мужчин в качестве свидетелей преступления, а в случае невыполнения этого требования сама пострадавшая могла быть обвинена в незаконной половой связи, за что, согласно шариатскому правосудию, ей грозила смертная казнь¹.

Законопроект о «Защите женщин» был призван повысить престиж правительства среди либерально-демократических и просто умеренных слоев населения. Его ограниченный характер не должен был, по мысли разработчиков, вызвать серьезное недовольство у ММА, с которым власти не хотели полностью рвать союзнические отношения, надеясь на компромисс, как это было в прошлом. Однако исламисты приняли законопроект «в штыки» и добились снятия его с голосования в парламенте и передачи на рассмотрение согласительной комиссии с участием исламских богословов. После переработки проект стал еще более конформистским (были сохранены прежние требования к свидетельствованию в суде и др.), но и в таком виде он вызвал полное неприятие фундаменталистских организаций. И в Национальном собрании, и в Сенате депутаты от блока ММА единодушно голосовали «против», а после принятия билля обеими палатами (15 и 23 ноября 2006 г., соответственно) покинули парламент и некоторое время бойкотировали его работу, призвав всех депутатов последовать их примеру.

Несмотря на это, законопроект был одобрен благодаря поддержке многих оппозиционных партий, включая блок ПНП; лишь консервативная партия ПМЛ(Н) воздержалась при голосовании². Процедура принятия закона происходила на фоне массовых демонстраций с участием значительного числа женщин, протестовавших против нарушения «традиционных исламских устоев», сделанных «под диктовку американцев». 1 декабря 2006 г. законопроект был подписан президентом и обрел законную силу. Правозащитные организации раскритиковали новый закон. Они с недоверием относились к правительству из-за его прошлых ошибок, в особенности из-за равнодушия и бессердечия, проявленных в ходе получивших широкую общественную огласку судебных дел об изнасиловании двух женщин — М. Май и Ш. Халиды. В последнем случае

¹ См. подробнее: Protection of Women (Criminal Laws Amendment) Act, 2006 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.pakistani.org/pakistan/legislation/2006/wpb.html> (Accessed 13.09.2014).

² Husain, Miranda. Arriving at the Women Protection Act / Miranda Husain // Himal Southasian [Electronic resource]. – January 2007. – Mode of access: <http://old.himalmag.com/himal-feed/54/1128-rape-to-riches-to-the-women-protection-act.html> (Accessed 14.09.2014).

к преступлению был причастен офицер армии, который был освобожден от ответственности за содеянное, несмотря на острую критику со стороны общественности¹.

В 2007 г. одновременно с острым противостоянием между судебной властью и правительством страну потрясло крупное выступление исламистов в г. Исламабаде, борьба с которыми затянулась на целое полугодие². Центр конфликта – комплекс расположенных в Исламабаде мечети Лал Масджид («Красная мечеть» построена из красного кирпича, откуда такое название) и двух медресе (в одном обучались девушки, а в другом – юноши; в целом около 10 тыс. человек). Следует отметить, что со времен Зия уль-Хака религиозные учебные заведения превратились, как уже отмечалось выше, в рассадники религиозного экстремизма, которые не подлежали какому-либо правительственному или общественному контролю. Именно в период предшествующего военного режима произошло значительное изменение всей системы религиозного образования, которая переориентировалась на подготовку молодежи к вооруженному джихаду против неверных. Благодаря огромным потокам нефтедолларов из арабских стран Персидского залива и правительственному патронажу число медресе в Пакистане существенно возросло, а их инфраструктура серьезно улучшилась. Учебные заведения стали активно привлекать и принимать на обучение иностранных студентов, стали более космополитичными по своему составу. Именно в этот период мечеть Лал Масджид получила от военного режима дополнительные земли для строительства медресе; сам генерал Зия имел тесные связи с имамом мечети Мауланой Мухаммадом Абдуллой. С этого момента руководству мечети удалось, используя свои связи в администрации города, расширить территорию комплекса.

Со смертью имама М. Абдуллы в 1998 г. руководство Лал Масджид перешло к его сыновьям Маулане Абдулле Азизу и Маулане Абдулле Рашиду Гази. Как и прежде, в медресе продолжилась идеологическая обработка учащихся, их подготовка к джихаду. Постепенно идеологическая деятельность приобрела характер

¹ Razvi, Murtaza. Musharraf: the Years in Power / Murtaza Razvi.–New Delhi: HarperCollins Publishers India, 2009. – P. 109.

² Странники теории заговора утверждали, что ситуация вокруг Красной мечети была хорошо спланированной операцией правящего режима, который стремился отвлечь внимание международного сообщества от антиправительственного движения юристов и заручиться его поддержкой, представляя страну в качестве прифронтового государства в борьбе с международным терроризмом. Butt, Ahsan. The Lal Masjid/Jamia Hafsa Issue: A Vast Conspiracy? / Ahsan Butt // Asian Correspondent [Electronic resource]. – 8 April 2007. – Mode of access: <http://asiancorrespondent.com/35356/the-lal-masjidjamia-hafsa-issue-a-vast-conspiracy/> (Accessed 15.09.2014).

политической активности и в 2004 г. руководители Лал Масджид открыто осудили военные действия центрального правительства в Вазиристане против сторонников Аль-Каиды и Талибана. В том же 2004 г. (по свидетельству издающейся в Карачи газеты «Dawn») обнаружилось тесные идейно-политические связи Красной мечети и Аль-Каиды¹. По некоторым данным, мечеть служила убежищем для многих боевиков Аль-Каиды. Более того, с началом вооруженного конфликта в комплексе Лал Масджид обнаружилось наличие современного оружия, в том числе автоматы Калашникова, и боеприпасов. Около 4–5 тыс. молодых людей и столько же девушек проходили идеологическую обработку и подготовку к осуществлению террористических актов. Согласно докладу партии МКМ по итогам проведенного расследования, Маулана Абдулл Азиз и Маулана Абдулл Рашид Гази незаконно присвоили землю, принадлежавшую столичным властям, и построили на ней дополнительные пристройки к комплексу². В связи с началом военной операции в Афганистане и нового курса П. Мушаррафа радикальное руководство мечети развернуло мощную антиправительственную пропаганду. Однако до конца 2006 г. их противостояние властям ограничивалось лишь словами. Предлогом к активным действиям послужило решение муниципалитета г. Исламабад о демонтаже всех незаконно возведенных зданий, в том числе нескольких мечетей. Началось длительное противостояние исламистов и властей. Требования учащихся, среди которых главную роль поначалу играли девушки из медресе Джамия Хамза, сводились к запрещению гимнастических и тренажерных залов и изъятию из продажи оскорбительных для мусульман книг и видеоматериалов. В проповедях и воззваниях вдохновителей движения ставился вопрос о соблюдении норм шариата, борьбе со скверной, которую терпят власти и более того поощряют ее распространение в стране.

Весной студенты медресе прибегли к ряду решительных действий, на время взяли в заложники несколько полицейских. Вначале власти попытались разрешить конфликт мирным путем. В качестве переговорщика на встречу с воинственными клерикалами был направлен министр по религиозным вопросам и делам

¹ Топычканов П.В. Красная мечеть требует, угрожает и действует / П.В. Топычканов // Независимая газета [Интернет изд.]. – 20 июня 2007. – Режим доступа: http://www.ng.ru/ng_religii/2007-06-20/6_mechet.html (Дата обращения: 15.09.2014).

² Students Trained for Suicide Attacks: MQM report on Lal Masjid // Dawn (Internet edn.) [Electronic resource]. – 23 April 2007. – Mode of access: <http://www.dawn.com/news/243643/students-trained-for-suicide-attacks-mqm-report-on-lal-masjid> (Accessed 16.09.2014).

меньшинств Иджаз уль-Хак, сын генерала Зия уль-Хака, лично покровительствовавшего имаму М. Абдулле. Однако переговоры не дали положительного результата. В июне учащиеся медресе похитили семерых граждан КНР – сотрудников клиники, в которой для лечения использовали традиционные китайские иглоукалывание и массаж. В столкновениях и перестрелках были жертвы с обеих сторон. В начале июля от пули снайпера-боевика погиб командир пакистанского спецназа. 6 июля было предпринято очередное покушение на президента. В беспокойных районах северо-западного Пакистана, откуда родом было подавляющее большинство учащихся медресе, боевики разорвали соглашение о прекращении огня с правительством в знак протеста против штурма Лал Масджид. В районах участились теракты с участием смертников. 14–15 июля 2007 г. в результате двух крупных атак в Северном Вазиристане погибло по меньшей мере 70 человек¹.

Власти понимали, что бесконечно терпеть беззаконие в столице невозможно. Важным сигналом в этом плане был захват граждан Китая – основного союзника и партнера Пакистана. 4 июля в Исламабаде был введен комендантский час. После тщательной подготовки 10 июля начался штурм комплекса Красной мечети и медресе, который завершился на следующий день взятием этих зданий и разгромом окопавшихся там воинствующих исламистов. Большие потери с обеих сторон сопровождали финал трагедии. В ходе операции погибло 55 боевиков, в том числе клерикал Маулана А. Р. Гази; его старший брат А. Азиз был арестован вместе со своей женой (руководитель медресе для девочек) и дочерьми силами безопасности во время попытки бегства из осажденной мечети².

Следует отметить, что ситуация вокруг Красной мечети свидетельствовала о двойственности отношений между военными и экстремистскими группами. Несмотря на хорошо известные всем связи Мауланы А. Р. Гази с радикальными группировками и Аль-Каидой, власти никак не препятствовали его деятельности. В целом, как среди военных, так и среди чиновничества было большое число людей, которые не разделяли прогрессивную программу президента, что создавало серьезные трудности в борьбе с радикализмом. Все это в очередной раз демонстрировало прочность сложившихся в годы генерала М. Зия уль-Хака тесных связей

¹ Two Days of Homicide Attacks Kill 70 in Pakistan. Fox News. 15.07.2005. <http://www.foxnews.com/story/2007/07/15/two-days-homicide-attacks-kill-70-in-pakistan/>

² Во время побега А. Азиз специально замаскировался под женщину, надев на себя паранджу. Razvi, Murtaza. Musharraf: the Years in Power / Murtaza Razvi. – New Delhi: HarperCollins Publishers India, 2009. – P. 91.

между военно-гражданской бюрократией и представителями правоконсервативных кругов. В результате этих контактов радикальное руководство медресе в прежние годы сумело серьезно укрепить свое влияние и положение среди остальных религиозных учебных заведений. Еще при прямом покровительстве М. Зия уль-Хака Лал Масджид играла ключевую роль в подготовке и рекрутировании муджахедов в годы афганского вооруженного конфликта. По мнению экспертов, ситуация вокруг Красной мечети недвусмысленно продемонстрировала намерение исламистов «талибанизировать» страну путем поглощения не охваченных влиянием радикалов территорий¹. Упомянутые события стали серьезным испытанием для правящего режима в Пакистане. Не имеющим прецедента с точки зрения новейшей истории страны является тот факт, что вооруженное противостояние с участием регулярных войск и специальных служб происходило в г. Исламабаде, наиболее современном городе страны. Ранее ввод войск и подавление беспорядков происходили чаще всего в г. Карачи – главном портовом, торгово-промышленном центре с многомиллионным населением, и в г. Лахоре (второй по величине город).

Противостояние с экстремистами из Лал Масджид положило начало определенной перегруппировке политических сил. Во время кризиса вокруг Красной мечети умеренная часть оппозиции, в том числе ПНП, выступала за борьбу с религиозным экстремизмом и терроризмом. Таким образом, появилась возможность сближения политических сил умеренного крыла и их дистанцирования от религиозных экстремистов и фундаменталистов. Однако данное обстоятельство не улучшило внутривнутриполитическое положение в Пакистане. В действительности, борьба с экстремистами из Красной мечети – лишь пролог к серьезному кризису в стране². Все, что было унаследовано страной от военного режима М. Зия уль-Хака (исламизм, религиозная нетерпимость, раскол общества, шаткость гражданских и демократических институтов власти и др.), продолжало оказывать свое деструктивное влияние на развитие страны.

Вслед за противостоянием вокруг Лал Масджид по всей стране увеличилось число террористических актов. Всего в 2007 г. произошло 56 взрывов с участием смертников (в 2006 г. всего лишь шесть), которые унесли жизни 865 военнослужащих пакистанских

¹ Красная мечеть как водораздел пакистанской политики // Фонд стратегической культуры [Электронный ресурс]. – 13 июля 2007. – Режим доступа: <http://www.fondsk.ru/news/2007/07/13/8324-8324.html> (Дата обращения: 15.09.2014).

² Белокрыцкий В.Я., Москаленко В.Н. История Пакистана XX век / В.Я. Белокрыцкий, В.Н. Москаленко. – М.: ИВ РАН Крафт+, 2008. – С. 455–456.

сил безопасности и мирных жителей. Людские потери в этом же году превзошли их общий показатель за весь период с 2001 по 2006 гг.¹ В декабре 2007 г. от рук террористов в г. Равалпинди погибла вернувшаяся из политического изгнания лидер ПНП Б. Бхутто. На фоне эскалации насилия в 2007 г. на севере страны произошло организационное сплочение разрозненных джихадистских группировок, воевавших с правительством, под руководством полевого командира Байтуллы Мехсуда. Новое военизированное формирование получило наименование «Техрик-е Талибан Пакистан» («Пакистанское движение Талибана»).

Исходя из вышесказанного, следует отметить два наиболее важных по своей значимости и тесно взаимосвязанных друг с другом процесса, наблюдаемых в общественно-политической жизни Пакистана в годы правления П. Мушаррафа. В рассматриваемый период власти кардинально изменили свой подход к проблеме радикального ислама, что обусловило начало активной правительственной борьбы против местных военизированных джихадистских группировок, которые пользовались особым покровительством предшествующего военного режима. Данный подход получил идеологическое оформление с появлением концепции «просвещенной умеренности». Одновременно с интенсификацией усилий официального Исламабада по искоренению религиозного фанатизма происходила активизация террористической деятельности экстремистски настроенных элементов и их организационное объединение в единую структуру, которая стала представлять серьезную угрозу пакистанской государственности. Рубежным этапом в правительственной борьбе против исламистов стало противостояние вокруг мечети Лал Масджид, после которого волна насилия захлестнула территорию всей страны.

§ 3. Афганский и индийский векторы внешней политике Пакистана

К моменту выдвижения на политическую авансцену страны военных во главе с П. Мушаррафом Пакистан оказался в силу ряда объективных факторов и обстоятельств в центре внимания мирового сообщества. Нуклеаризация южноазиатского региона и эскалация напряженности в отношениях между Исламабадом и Нью-Дели, а также обострение проблемы исламского радикализма и терроризма, ассоциируемой многими с деятельностью сети Аль-Каиды, требовали от всех участников системы международных

¹ Rashid, Ahmed. Pakistan on the Brink: the Future of Pakistan, Afghanistan and the West / Ahmed Rashid.—London: Penguin Book Lmt., 2012. – P. 40.

отношений принятия безотлагательных мер по решению упомянутых проблем. На рубеже веков, как упоминалось ранее, Пакистан пребывал в дипломатической изоляции на мировой арене, а в его отношении действовал жесткий санкционный режим со стороны ряда государств. События 11 сентября 2001 г. создали для Исламабада благоприятные условия, чтобы устранить все существующие разногласия с зарубежными партнерами и возобновить с ними прежний уровень сотрудничества, однако одновременно с этим возникла острая необходимость внесения существенных корректив во внешнеполитический курс государства, в особенности на афганском и индийском направлениях. Отказавшись от поддержки режима талибов и объявив о своем присоединении к действиям международной коалиции в Афганистане, страна превратилась из государства-«изгоя» в ключевого союзника мирового сообщества в борьбе с терроризмом. Исламабад извлек для себя из этого статуса значительное число не только политических, но и экономических бонусов на мировой арене, в том числе снятие всех ранее введенных санкций и возобновление материальной помощи со стороны традиционных западных стран-доноров и международных валютно-финансовых организаций.

Унаследованная от зияульхаковской эпохи поведенческая линия страны в отношении Афганистана претерпела существенные изменения при новом правящем режиме. Однако перемены в пакистано-афганских отношениях стали отмечаться еще задолго до событий 11 сентября. Хотя пакистанские власти продолжали оказывать военную и финансовую помощь талибам¹, борьба за власть в движении между сторонниками умеренного и жесткого курсов, развернувшаяся после смерти одного из влиятельных лидеров талибов Мохаммада Раббани, обострила отношения между двумя соседними государствами. Так, визит доброй воли пакистанской футбольной команды в г. Кандагаре был омрачен публичным унижением его игроков: в наказание за появление на поле в шортах (несоблюдение дресс-кода, введенного талибами) футболисты были наголову обриты. Помимо этого случая, напряженность в пакистано-афганские отношения также привнес инцидент вокруг древних буддийских статуй в Бамиане, которые талибы разрушили, несмотря на уговоры со стороны пакистанского руководства. Определенное беспокойство вызывало и растущее число афганских беженцев, переселявшихся в Пакистан. По некоторым данным, с сентября 2000 г. по январь

¹ См. подробнее: Pakistan's Support of the Taliban, Afghanistan, Crisis of Impunity. The Role of Pakistan, Russia, and Iran in Fueling the Civil War // Human Rights Watch Report. – Vol. 13. – № 3. – July 2001. – P. 23–32.

2001 г. порядка 170 тыс. афганцев проникли на территорию страны. Министр внутренних дел Пакистана неоднократно поднимал вопрос о репатриации афганских беженцев и экстрадиции Афганистаном разыскиваемых властями пакистанских террористов, нашедших убежище в соседнем государстве¹. Следует отметить, что еще в годы афганского вооруженного конфликта при молчаливом согласии режима Зия уль-Хака пакистано-афганская граница стала еще более открытой. С этого момента потоки афганских и пакистанских беженцев продолжали мигрировать в больших масштабах на территории друг друга.

Упомянутые разногласия (наряду с позицией международного сообщества) заставили режим П. Мушаррафа пересмотреть, как отмечено выше, свою политику в отношении движения Талибан². Так, осенью 2001 г. генерал П. Мушарраф отказался от поддержки талибов и присоединил Пакистан к международной анти-террористической коалиции, руководимой США, для борьбы с талибами и экстремистами Аль-Каиды в Афганистане. Таким образом, пакистанские власти формально (на словах) отказались от разработанной в предшествующие годы стратегии продвижения на север, в страны Центральной Азии, о которой уже упоминалось выше. По иронии судьбы те, кто участвовал в создании Талибана, должны были предоставить США разведывательную информацию, необходимую для свержения кабульского режима. Решение о полномасштабном сотрудничестве с Америкой в международной борьбе с терроризмом формально было одобрено по итогам семичасовой встречи командующих армейскими корпусами и других представителей военного истеблишмента 14 сентября 2001 г. Решение было основано на целом ряде прагматических доводов. Неучастие страны в антитеррористической коалиции угрожало не только перспективой дипломатической изоляции, но вероятностью принятия некоторых военных мер со стороны коалиционных сил, таких как, например, попытки уничтожить ядерный арсенал страны. В то же время готовность к сотрудничеству могла принести Пакистану серьезные экономические бонусы, как это было во времена афганского вооруженного конфликта 1979–1988 гг. Так, США поспешили отменить санкции, введенные против Пакистана в ответ на ядерные испытания мая

¹ Hussain, Zahid. *Frontline Pakistan: the Path to Catastrophe and the Killing of Benazir Bhutto.* / Zahid Hussain.–New Delhi: Penguin Books, 2007. – P. 42.

² Многие считают, что у П. Мушаррафа не было иного выбора, так как его стране был предъявлен жесткий ультиматум со стороны администрации США. *How vital is President Musharraf's role in the coalition? Talking Point* // BBC News (Internet edn.) [Electronic resource]. – 14 November 2001. – Mode of access: http://news.bbc.co.uk/2/hi/talking_point/1586947.stm (20.09.2014).

1998 г. 16 октября Европейская комиссия объявила о заключении соглашений на импорт текстильной продукции из Пакистана в течение четырех лет на сумму 940 млн долл. США¹. 27 октября 2001 г. Конгресс США снял запрет на оказание финансовой помощи Пакистану².

Свою роль при принятии решения по афганскому вопросу сыграл и индийский фактор. Еще при генерале М. Зия уль-Хаке, как уже отмечалось, официальный Исламабад стремился утвердить свое влияние в Афганистане с тем, чтобы создать противовес региональному господству Индии. С этого момента Пакистан прилагал все усилия для того, чтобы не допустить «индийского присутствия» на территории своего «северного соседа». Однако сразу после теракта 11 сентября 2001 г. режим Мушаррафа столкнулся с серьезной угрозой утраты своего влияния в Афганистане. Так, Нью-Дели предложил США свои порты и аэродромы для осуществления военной кампании. Успешная операция в Афганистане, в рамках которой Пакистан мог быть вытеснен на второй план, привела бы не только к беспрецедентному сближению Вашингтона и Дели в сфере военного сотрудничества, но и серьезно ослабила бы региональное влияние страны. Особенно Исламабад опасался утверждения в Кабуле проиндийски настроенного правительства, в состав которого входили бы новые союзники Запада – представители Северного альянса (СА)³. Несмотря на то, что даже при активном участии в войне Пакистана угроза прихода СА к власти в Афганистане продолжала существовать, в любом случае было необходимо уменьшить сдвиг в сторону Индии в региональной расстановке сил. Отказ от поддержки афганских талибов предоставлял Исламабаду возможность посредничества при формировании нового правительства в Кабуле. Кроме того, П. Мушарраф рассчитывал на дальнейшее инкорпорирование их протеже (умеренных талибов) в структуру новой власти в Афганистане; на это также рассчитывали и офицеры МВР. Со своей

¹ Pruzin, Daniel. EU to Give Developing Countries More Access on Textiles to Gain Support for Trade Round / Daniel Pruzin // International Trade Daily [Electronic resource]. – 29 October 2001. – Mode of access: <http://www.iatp.org/news/eu-to-give-developing-countries-more-access-on-textiles-to-gain-support-for-trade-round> (Accessed 20.09.2014).

² Kronstadt, K. Alan. Pakistan -U.S. Relations / K. Alan Kronstadt // CRS Report for Congress [Electronic resource]. – 23 January 2003. – Mode of access: <http://fpc.state.gov/documents/organization/17343.pdf> (Accessed 21.09.2014).

³ Еще совсем недавно пакистанские спецслужбы руководили боевыми операциями талибов против Северного альянса, поддерживаемого Ираном, Таджикистаном, Туркменистаном и Узбекистаном. Pakistan's Support of the Taliban, Afghanistan, Crisis of Impunity. The Role of Pakistan, Russia, and Iran in Fueling the Civil War // Human Rights Watch Report. – Vol. 13. – № 3. – July 2001. – P. 23–32.

стороны США указывали на то, что по завершении операции войска Северного альянса не будут входить в афганскую столицу до тех пор, пока под эгидой ООН не будет урегулирован вопрос о составе нового правительства¹.

В среде военных афганский вопрос породил определенные противоречия. Четверо высокопоставленных офицеров, в том числе руководитель МВР генерал Махмуд Ахмед (о М. Ахмеди см. выше), не одобряли идею прекращения поддержки талибов и оказания безоговорочной помощи США. Проблема заключалась в том, что военная разведка страны не только закрывала глаза на активные контакты между бен Ладеном и Талибаном, но и также в значительной степени зависела от Аль-Каиды в деле подготовки кашмирских боевиков и тем самым опосредованно (через талибов) поддерживала с ним контакты. Но самым важным было то, что с разочарованием Исламабада в Г. Хекматъяре и его партии Хезбе Ислами, как упоминалось выше, Талибан занял центральное место в унаследованной от Зия уль-Хака стратегии продвижения на север. Господство талибов в Афганистане полностью отвечало национальным интересам Пакистана. Во избежание резкой критики со стороны общественности в своем телевизионном обращении 19 сентября 2001 г. П. Мушаррафу пришлось оправдывать свое решение как вынужденный шаг, сделанный в соответствии с жизненно важными национальными интересами страны (ради защиты ядерной программы страны, кашмирской проблемы и др.). В то же время он предпринял отчаянную попытку убедить лидера талибов Муллу Омара передать бен Ладена американским властям с тем, чтобы избежать военной операции США в Афганистане и негативной реакции на нее в самом Пакистане. Для этого 17 сентября в Кандагар в качестве переговорщика был направлен генерал М. Ахмед. Однако кабульский режим не был готов удовлетворить требование США².

Участие страны в международной борьбе с терроризмом и полномасштабное сотрудничество с США потребовали от Пакистана принятия следующих мер: препятствование какой-либо деятельности Аль-Каиды на пакистанской границе; перехват оружия

¹ Haqqani, Husain. Pakistan: between Mosque and Military / Husain Haqqani.—Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2005. — P. 302.

² Решение фактически было принято единолично президентом, без предварительных обсуждений и консультаций на всех уровнях власти. Впоследствии проинформировав свой кабинет министров и Совет национальной безопасности о смене афганского курса, П. Мушарраф поставил их перед свершившимся фактом. Все это подверглось острой критике со стороны оппозиционных сил. Hussain, Zahid. Frontline Pakistan: the Path to Catastrophe and the Killing of Benazir Bhutto / Zahid Hussain. — New Delhi: Penguin Books, 2007. — P. 41–43.

и других грузов, направляемых через территорию Пакистана в Афганистан, к Усаме бен Ладену; предоставление права на беспрепятственный пролет и, в случае необходимости, приземление военных самолетов США на пакистанской территории; доступ США к пакистанским военно-морским и военно-воздушным базам, а также пакистано-афганской границе; незамедлительное предоставление разведывательной информации; ограничение местной базы поддержки терроризма против США, их друзей и союзников; прекращение поставок топлива движению Талибан и препятствование направлению пакистанских добровольцев в Афганистан для помощи талибам; разрыв дипломатических отношений с Талибаном и оказание помощи США в ликвидации террористических сетей Аль-Каиды¹.

Уже в начале ноября 2001 г. режим талибов в столице Афганистана был ликвидирован. Несмотря на уговоры США, войска Северного альянса вступили в Кабул. Большинство боевиков бежали в Пакистан, где они обрели убежище, главным образом в племенных районах. Исламабад был недоволен переходом Кабула под контроль антиталибской коалиции. На состоявшейся в г. Бонне международной конференции конкурирующие афганские группировки договорились о создании переходного правительства в Афганистане во главе с пуштунским лидером Хамидом Карзаем. Хотя это отчасти ослабило влияние СА, его представители получили контроль над целым рядом министерств в новом правительстве. В связи с этим неизбежным стало охлаждение в отношениях Исламабада и нового кабульского режима. Однако военная операция в Афганистане принесла стране целый ряд политических и экономических бонусов, как это было и при режиме М. Зия уль-Хака в годы афганского вооруженного конфликта с участием ограниченного контингента советских войск. После периода дипломатической изоляции Пакистан вновь оказался в центре внимания международного сообщества. В течение нескольких недель после событий 11 сентября 2001 г. многие главы государств посетили Исламабад. После падения режима талибов Пакистану был списан долг в размере 1 млрд долл. США, предоставлена помощь в размере 600 млн долл. США и др.²

Однако с падением режима талибов в Кабуле война в Афганистане не закончилась. Новая волна насилия захлестнула и соседний

¹ Coll, Steve. Ghost Wars: the Secret History of the CIA, Afghanistan, and Bin Laden, from the Soviet Invasion to September 11, 2001 / Steve Coll.—Harmondsworth: Penguin Press, 2004. — P. 63.

² Hussain Zahid. Frontline Pakistan: The Struggle with the Miltant Islam / Zahid Hussain.—New York: Columbia University Press, 2008. — P. 49.

Пакистан. Немалую роль в этом сыграло присутствие на пакистанской территории афганских беженцев, что со времен правления М. Зия уль-Хака превратилось в один из основных факторов нестабильности. Рост экстремизма и терроризма в стране происходил на фоне расширения ее участия в международной антитеррористической кампании. Пакистанские власти активно сотрудничали с США в поимке террористов Аль-Каиды¹. Так, в сентябре 2002 г. в г. Карачи был арестован один из организаторов теракта 11 сентября 2001 г. Рамзи бин аль-Шибб. Ранее, в марте того же года, в г. Фейсалабаде был схвачен Абу Зубайда — полевой командир и ближайший сподвижник Усамы бен Ладена. 1 марта 2003 г. Пакистан объявил об аресте в г. Равалпинди боевика Аль-Каиды Халида Шейха Мохаммеда — организатора многих террористических актов, включая атаку 11 сентября 2001 г. Аресты наиболее известных террористов происходили в тот момент, когда Вашингтон был крайне обеспокоен продолжавшейся пакистанской поддержкой повстанческого движения в Кашмире, а также тайным предоставлением убежища талибам в приграничных районах Пакистана². В июле 2004 г. в г. Лахоре был арестован Наим Нур Мохаммед Хан — главное лицо в Аль-Каиде, ответственное за обеспечение связи бен Ладена и его ближайшего окружения с их боевиками по всему миру³. Целая серия арестов и задержаний значительно снизило число пребывавших на территории страны боевиков Аль-Каиды, которым приходилось искать новые убежища и создавать новые логистические сети. Такими решительными мерами П. Мушарраф сумел доказать свою полезность США. В связи с этим администрация Буша со своей стороны предпринимала различные меры для укрепления его режима. В июне 2004 г. Пакистан был объявлен крупнейшим союзником США, не являвшимся членом НАТО. Этот статус гарантировал приоритет в получении вооружения и военной помощи. В марте 2005 г. президент США Дж. Буш разрешил поставку истребителей F-16

¹ На территории Пакистана проводились совместные операции с участием ограниченного числа сотрудников ЦРУ, оказывавших помощь в обеспечении связи и осуществлении разведывательной деятельности. Scahill, Jeremy. *The Secret US War in Pakistan* / Jeremy Scahill // *The Nation*, Internet edn. [Electronic resource]. – 23 November 2009. – Mode of access: <http://www.thenation.com/article/secret-us-war-pakistan#> (Accessed 28.09.2014).

² Haqqani, Husain. *Pakistan: between Mosque and Military* / Husain Haqqani.–Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2005. – P. 304, 306.

³ Yousafzai, Sami. *Osama bin Laden's Inner Circle: War on Terror* / Sami Yousafzai // *Newsweek*, Internet edn. [Electronic resource]. – 15 August 2004. – Mode of access: <http://www.newsweek.com/osama-bin-ladens-inner-circle-war-terror-126059> (Accessed 29.09.2014).

в Пакистан¹. Как и при генерале М. Зия уль-Хаке, Пакистан вновь превратился в ключевого союзника США в деле обеспечения их стратегических интересов в Афганистане, а армейская верхушка (в лице П. Мушаррафа) – в гаранта участия страны в антитеррористической кампании. В этом контексте американская администрация так же, как и в годы афганского вооруженного конфликта 1979–1988 гг., ослабила свою прежнюю критику пакистанских властей за грубые нарушения прав человека и несоблюдение режима ядерного нераспространения.

Несмотря на это, в рамках антитеррористической коалиции назревали определенные противоречия. По мере неудач союзники обвиняли друг друга, и особенно Пакистан, в недостаточно активной борьбе с талибами и Аль-Каидой. Хотя Пакистан не признавал этого факта, тем не менее, ему приходилось усиливать свои действия в приграничных с Афганистаном районах. Сюда с самого начала военной операции хлынул поток боевиков из Афганистана: к середине декабря в Пакистан перебрались свыше 2 тыс. боевиков Аль-Каиды. В полосу племен, расположенную непосредственно вдоль этой границы, где по традиции никогда не находились регулярные войска, Исламабад ввел соединения общей численностью в 80 тыс. человек. Это вызвало огромное недовольство в северо-западных районах Пакистана, начались столкновения местных жителей с солдатами². Нередкими были случаи дезертирства и перехода военнослужащих на сторону противника. Как уже отмечалось, тесные связи военных и исламистов, установленные в годы правления М. Зия уль-Хака, были слишком прочными, чтобы в одночасье быть прерванными: в пакистанской армии было немалое число сочувствующих либо просто происламски настроенных военнослужащих.

В ходе крупнейшей военной операции в марте 2004 г. в дистрикте Вазиристан были убиты иностранные наемники (свыше 200 боевиков), однако не была выполнена основная цель – поимка лидеров Аль-Каиды и установление полного правительственного контроля над одним из самых нестабильных районов страны³. В ходе операции правительственные войска

¹ Razvi, Murtaza. *Musharraf: the Years in Power.* / Murtaza Razvi. – New Delhi: HarperCollins Publishers India, 2009. – P. 49.

² Племенные вожди расценивали действия федерального правительства как покушение на их автономию и попытку подчинить их центральной власти. Hussain, Zahid. *Frontline Pakistan: the Path to Catastrophe and the Killing of Benazir Bhutto* / Zahid Hussain. – New Delhi: Penguin Books, 2007. – P. 145.

³ Chandran, Suba D. *Military Operations in South Waziristan: Issues and Implications* / Suba D. Chandran // Institute of Peace and Conflict Studies Issue Brief [Electronic resource]. – № 17. – January 2004. – Mode of access: http://www.ipcs.org/pdf_file/

также понесли серьезные потери. В следующем месяце армия заключила соглашение о перемирии с лидером пакистанских талибов Неком Мухаммадом. По мнению пакистанского исследователя Ахмеда Рашида, правительственная тактика (проведение контртеррористических операций с последующим достижением перемирия с боевиками) содействовала складыванию в общественном сознании представления о том, что пакистанские военные терпят поражение в борьбе с террористами¹.

В целом, действия пакистанской армии в значительной степени были направлены против так называемых «иностранных элементов» (арабы, таджики, узбеки и чеченцы), связанных с Аль-Каидой. Крайне мало мер предпринималось для того, чтобы остановить проникновение на территорию страны или разоружить как пакистанских, так и афганских талибов. По мнению пакистанского журналиста Муртазы Разви, как и в прежние времена, П. Мушарраф и армейская верхушка страны возлагали на эти группы надежды по дальнейшему восстановлению пакистанского влияния в Афганистане после вывода американских войск. Президент проводил различия между Аль-Каидой и Талибаном, который стремился утвердить свои исламские порядки лишь в собственной стране, а не во всем мире, как Усама бен Ладен. Такая позиция режима была серьезным просчетом, который привел к «талибанизации» целых приграничных районов страны².

В сентябре 2006 г. был заключен договор о выводе регулярных войск из приграничной полосы в обмен на согласие племенных вождей выдворить с их территории всех иностранных наемников. В итоге это привело к еще большему росту числа боевиков Аль-Каиды и Талибана, находивших убежище в племенных районах Пакистана. Это не могло не отразиться на ходе боевых действий в Афганистане, где возрастали потери коалиционных сил. Сложившаяся ситуация подталкивала США к проведению в одностороннем порядке операций на территории Пакистана, в особенности в зоне племен. С июня 2004 г. американцы приступили к осуществлению воздушных атак по позициям боевиков при помощи беспилотных летательных аппаратов (дронов). Всего с июня 2004 г. по январь 2009 г. было проведено около 44 атак. При этом значительное число дронов было размещено на переданной

issue/903900182IB17-SubaChandran-MilitaryOperationsInSouthWaziristan.pdf (Accessed 30.09.2014).

¹ Rashid, Ahmed. Pakistan on the Brink: the Future of Pakistan, Afghanistan and the West / Ahmed Rashid.—London: Penguin Book Lmt., 2012. — P. 51.

² Razvi, Murtaza. Musharraf: the Years in Power / Murtaza Razvi. — New Delhi: HarperCollins Publishers India, 2009. — P. 80–81.

под контроль ЦРУ военно-воздушной базе Шамси в провинции Белуджистан¹.

После парламентских выборов 2008 г. к власти в СЗПП на смену блоку ММА пришла светская Авами нэшнел парти. Новое правительство стало склоняться к установлению диалога с боевиками как к основному методу восстановления мира в племенных и приграничных районах. На некоторое время были прекращены военные операции. Однако вскоре они возобновились в агентстве Хайбер Территории племен федерального управления. Новая военная кампания никак не могла разубедить администрацию США в необходимости нанесения авиаударов по позициям боевиков в приграничных районах Пакистана. 3 сентября американские командос высадились в Южном Вазиристане и осуществили рейд в одну из местных деревень². Данная операция серьезно обострила отношения между двумя странами. Пакистан временно приостановил поставки топлива войскам НАТО в Афганистан³.

Наряду с военными операциями армейских подразделений федеральные власти осуществляли крупномасштабные социально-экономические программы в полосе расселения пуштунских племен при поддержке западных доноров. Большие средства вкладывались в строительство новых дорог, развитие образования и здравоохранения. Осенью 2007 г. была запущена Программа устойчивого развития Территории племен федерального управления в размере 2 млрд долл. США. Особое внимание уделялось мерам, направленным на обеспечение политических прав и свобод местного населения. По мнению властей, все это должно было подорвать позиции экстремистов среди местного населения и укрепить влияние федеральной власти в приграничных районах. Однако в целом ситуация не менялась к лучшему. В конце правления П. Мушаррафа насилие захлестнуло всю территорию страны. Наблюдатели выдвигали мрачные прогнозы относительно будущего Пакистана.

¹ Rashid, Ahmed. Pakistan on the Brink: the Future of Pakistan, Afghanistan and the West / Ahmed Rashid—London: Penguin Book Lmt., 2012. – P. 54.

² Wazir H. Suspected US commandos kill 20 in S Waziristan raid / H. Wazir // The Daily Times, Internet ed. [Electronic resource]. – 4 September 2008. – Mode of access: <http://archives.dailytimes.com.pk/main/04-Sep-2008/suspected-us-commandos-kill-20-in-s-waziristan-raid> (Accessed 30.09.2014).

³ Shinwari, Ibrahim. Fuel supply to Nato forces 'suspended' / Ibrahim Shinwari // Dawn, Internet ed. [Electronic resource]. – 6 September 2008. – Mode of access: <http://www.dawn.com/news/320011/fuel-supply-to-nato-forces-suspended> (Accessed 30.09.2014).

Непростой была обстановка и на индийском направлении. По-прежнему, вопреки официальным заявлениям, Исламабад продолжал осуществлять скрытую диверсионно-террористическую деятельность на территории соседнего государства в рамках наступательной стратегии, разработанной МВР незадолго до смерти генерала М. Зия уль-Хака в 1988 г. Несмотря на провозглашенную борьбу с исламским экстремизмом, правящий режим не собирался отказываться от прежних методов давления на своего южного соседа – спонсирования трансграничного терроризма. Кроме того, Пакистан препятствовал попыткам отдельных представителей кашмирского сепаратистского движения инициировать мирный диалог с индийским правительством. Это никак не содействовало нормализации ситуации в индийском штате Джамму и Кашмир, где продолжали отмечаться неоднократные случаи насилия. За один день 1 августа 2000 г. в результате серии атак на представителей религиозных меньшинств погибло порядка 100 человек. 1 октября 2001 г. в столице штата г. Сринагаре рядом со зданием законодательного собрания произошел крупный взрыв, который унес жизни свыше 30 человек. Ответственность за теракт взяла на себя радикальная группировка Джаиш-е Мухаммад¹. 13 декабря 2001 г. произошла террористическая атака на здание индийского парламента в г. Нью-Дели. Индийские власти обвинили Пакистан в пособничестве террористам из Лашкар-е-Тайба и Джаиш-е Мухаммад. От словесных обвинений стороны, как и прежде, перешли к конкретным действиям. Войска двух государств были стянуты к границе и приведены в боевую готовность, в том числе ядерные арсеналы². Благодаря вмешательству международного сообщества (особенно США) в ситуацию удалось избежать очередного вооруженного конфликта. В качестве меры, направленной на урегулирование противоречий, пакистанские власти арестовали 51 боевика экстремистской группировки Лашкар-е-Тайба, включая ее лидера Хафиза Мухаммада Саида, и лидера Джаиш-е Мухаммад Масуда Азхара³.

¹ 31 Killed in Attack on Kashmir Legislature // The Los Angeles Times, Internet edn. [Electronic resource]. – 2 October 2001. – Mode of access: <http://articles.latimes.com/2001/oct/02/news/mn-52360> (Accessed 04.10.2014).

² Jha, Lalit K. After 2001 Parliamentary attack India deployed nuclear missiles on border / Lalit K. Jha // DNA News [Electronic resource]. – 29 October 2011. – Mode of access: <http://www.dnaindia.com/world/report-after-2001-parliament-attack-india-deployed-nuclear-missiles-on-border-1604580> (Accessed 04.10.2014).

³ Однако, как отмечалось выше, через некоторое время они были освобождены из-под ареста. Было очевидно, что МВР не была намерена обижать своих протеже длительными тюремными заключениями.

Кризис в пакистано-индийских отношениях разразился с новой силой весной 2002 г. Так, 14 мая в результате нападения боевиков на армейский лагерь недалеко от г. Джамму погибло 30 человек, в том числе жены и дети военнослужащих¹. Индийский парламент единогласно принял резолюцию, осуждавшую Пакистан за поддержку трансграничного терроризма. Обе страны стали готовиться к войне. Пакистан провел испытание своих ракет малой и средней дальности с ядерными боеголовками. Возникла прямая угроза ядерной войны, которую удалось избежать в очередной раз благодаря посредничеству международного сообщества. Последовавшая вслед за этим серия встреч и переговоров сторон стала прологом к новому этапу в пакистано-индийских отношениях. В январе 2004 г. в ходе встречи президента Пакистана Первеза Мушаррафа и премьер-министра Индии Атала Бихари Ваджапаи на полях саммита СААРК в Исламабаде стороны договорились возобновить комплексный диалог по всем существующим проблемам, включая кашмирский вопрос². П. Мушарраф был более тверд в своих обещаниях не допустить использование территории страны боевиками для ведения трансграничного терроризма. Он заявил о готовности рассмотреть любые вероятные альтернативы решения кашмирской проблемы. Умеренное крыло кашмирского сепаратистского движения поддержало его инициативу, а сторонники жесткого курса подвергли правительство критике за предательство интересов³.

С этого момента число случаев проникновения боевиков в индийский штат существенно сократилось, хотя инфильтрация не была прекращена полностью. Такое относительное «спокойствие» сохранялось вплоть до июля 2006 г., когда была осуществлена одна из крупнейших террористических атак на г. Мумбаи. Таким образом, с учетом давления со стороны США и западных партнеров П. Мушарраф был вынужден ослабить поддержку кашмирских радикалов, которые с конца 1980-х гг. в сотрудничестве с пакистанской армией осуществляли масштабную диверсионно-террористическую деятельность на индийском направлении. Тем не менее, Межвидовая разведка сохраняла свои тайные контакты с кашмирскими джихадистами.

¹ Militants storm Kashmir army camp // BBC News, Internet Edn. [Electronic resource]. – 14 May 2002. – Mode of access: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/south-asia/1986212.stm> (Accessed 04.10.2014).

² Ramesh, Randeep. Musharraf and Vajpayee pledge peaceful links / Randeep Ramesh // The Guardian. – 6 January 2004.

³ Hussain, Zahid. Frontline Pakistan: the Path to Catastrophe and the Killing of Benazir Bhutto. / Zahid Hussain. – New Delhi: Penguin Books, 2007. – P. 117–118.

В целом, внешнеполитический курс Пакистана в отношении Афганистана и Индии можно интерпретировать не иначе как «двойную игру». В афганском вопросе Исламабад формально выступал в поддержку действий международной антитеррористической коалиции и был один из ее ключевых участников. Несмотря на это, правительственная борьба против терроризма ни в коей мере не затрагивала интересы тех экстремистов, при опоре на которых страна пыталась изменить расклад политических сил в Кабуле в свою пользу. Аналогичный подход применялся и в отношении Индии. С одной стороны, на официальном уровне режим Мушаррафа демонстрировал готовность к урегулированию всех существующих споров и противоречий путем переговоров. С другой стороны, в качестве инструмента давления на Нью-Дели в кашмирском вопросе МВР тайно осуществляла диверсионно-террористическую деятельность посредством джихадистских группировок, действовавших на территории Индии. Как показали события конца 1990-х – начала 2000-х гг., такая позиция нередко препятствовала продуктивному диалогу и приводила к неоднократным случаям эскалации напряженности в отношениях между двумя государствами. При этом процесс нуклеаризации южноазиатского региона никак не повлиял на традиционную модель поведения Исламабада и Нью-Дели в случаях нарастания противоречий. Ядерный потенциал двух государств несколько не сдерживал обе стороны от демонстрации силы в кризисные моменты. За период правления П. Мушаррафа Пакистан и Индия дважды находились в одном шаге от развязывания полномасштабной войны.

* * *

Четвертый по счету военный режим был установлен в менее благоприятных для него условиях, чем все предыдущие. На рубеже XX – XXI веков отношение мирового сообщества к военным диктатурам, пришедшим к власти в результате свержения «законных руководителей», было крайне негативным, и они оказывались в дипломатической изоляции на международной арене. Эта же участь на первоначальном этапе постигла и режим Первеза Мушаррафа. Поэтому правящему режиму пришлось прибегать к различного рода политическим маневрам с тем, чтобы ослабить негативную реакцию как мирового сообщества, так и общественности внутри страны. В этом отношении правление Мушаррафа напоминает правление его предшественника – военного диктатора Зия уль-Хака, который оказался после военного переворота 1977 г.

практически в сходных условиях. Из-за этого опыт Зия уль-Хака в отдельных случаях (однако, не во всех) оказался полезным для П. Мушаррафа.

Несмотря на некоторые схожие черты двух военных режимов, существовали также и различия. По своему мировоззрению Зия уль-Хак был убежденным исламистом. По мнению отечественного пакистановеда О.В. Плешова, Зия видел свое предназначение в том, чтобы трансформировать политическую систему страны в соответствии с религиозными принципами и предписаниями Священного писания, хотя его прагматизм не вызывает сомнений¹. П. Мушарраф придерживался в большей степени секуляристского подхода, однако с учетом непростой обстановки он был вынужден не в полном объеме реализовывать многие свои действия и решения. Внешне Мушарраф создавал впечатление более либерального и прогрессивного лидера, чем Зия уль-Хак, который путем активного вмешательства во все сферы общественной жизни и решительного насаждения исламских ценностей содействовал всеобщей деградации пакистанского общества. При Мушаррафе начался процесс постепенного преодоления зияуль-хаковского наследия. Однако, несмотря на многие позитивные сдвиги и тенденции, в политическом плане мушаррафовский режим сохранял авторитарный характер, при этом последний год его правления характеризовался ужесточением власти в связи с введением ЧП.

В целом, политический курс обоих военных правителей определяла необходимость легитимизации их власти и укрепления их положения. В этих целях Зия уль-Хак пошел на союз с исламистами и начал претворять в жизнь идею исламизации страны, а Мушаррафу пришлось использовать широкие политические маневры, в том числе (как уже упоминалось) временный союз с правоконсервативными партиями из ММА после парламентских выборов 2002 г. На международной арене оба лидера, сознавая важность союза с США, которые оказывали значительную экономическую и военно-техническую помощь стране, стремились проводить проамериканский внешнеполитический курс. Если Зия уль-Хак сосредоточил все свои усилия на оказании всесторонней помощи и поддержки повстанческому движению в Афганистане, что полностью отвечало пакистанским стратегическим интересам, то Мушарраф присоединился к антитеррористической коалиции, возглавляемой США, для борьбы с талибами и Аль-Каидой. Можно утверждать, что именно широкомасштабное стратегическое

¹ Плешов О.В. Ислам и политическая культура в Пакистане / О.В. Плешов. – М.: ИВ РАН Институт Ближнего Востока, 2005. – С. 195.

сотрудничество с США было той самой главной опорой двух военных режимов, без которой им не удалось бы удержаться у руля власти в течение столь длительного периода времени (М. Зия-уль-Хак – 11 лет, П. Мушарраф – 9 лет). По мнению отечественного пакистановеда В.Я. Белокреницкого, как при Зия-уль-Хаке, так и при Мушаррафе пакистанский государственный корабль главным образом держался на якорях внешней помощи¹.

Как показал девятилетний период правления П. Мушаррафа, все те проблемы и угрозы, основы которых были заложены в период военной диктатуры М. Зия-уль-Хака и которые неумолимо напоминали о себе в период конституционно-парламентского правления Мушаррафа, никуда не исчезли. Продолжали сохраняться как межэтнические (прежде всего, в провинции Синд), так и межсектантские (между суннитами и шиитами) противоречия. Серьезным изъяном продолжали оставаться довольно разросшиеся сферы «черной» (прежде всего, наркобизнес) и «серой» (контрабандная торговля товарами, в особенности на пакистано-афганской границе) экономики². Однако самую серьезную угрозу как правящему режиму, так и всему государству представлял исламорадикализм, который активно взращивался представителями военным режимом в 1980-е гг. Покушения на представителей власти и крупные террористические акты стали обыденным явлением для пакистанского общества. Тесно связанные с экстремистскими группировками религиозные партии продолжали вести активную политическую борьбу для захвата власти в стране. В первые годы военного режима их положение было довольно прочным в отсутствие серьезного противовеса в лице прогрессивно мыслящих политических деятелей: П. Мушарраф преднамеренно маргинализировал светские демократические партии и в течение короткого времени после выборов 2002 г. опирался на поддержку ММА. Кроме того, у исламистских партий и сформированных при их покровительстве террористических групп было немало сочувствующих как в армейской среде, так и в правоохранительных органах страны, что препятствовало эффективной борьбе с экстремизмом. Эта тревожная картина на заключительном этапе правления Мушаррафа дополнялась также активным противостоянием между оппозицией и правящим режимом. В этих условиях кризис власти был попросту неизбежен.

¹ Белокреницкий В.Я. Этнорегиональные и религиозно-сектантские конфликты в Пакистане / В.Я. Белокреницкий // Конфликты на Востоке: этнические и профессиональные; [отв. ред. А.Д. Воскресенский]. – М.: Аспект Пресс, 2008. – С. 346.

² Naqvi M.B. Pakistan at Knife's Edge / M.B. Naqvi. – New Delhi: Lotus Collection, 2010. – P. 89.

Глава IV

Влияние правления Зия уль-Хака на развитие страны при гражданских правительствах ПНП и ПМЛ(Н) (2008–2017 гг.)

Уход в отставку П. Мушаррафа ознаменовал начало нового этапа в истории страны – очередного правления гражданских правительств, которое продолжается и по сей день. Несмотря на определенные позитивные изменения и тенденции, данный период во многом напоминает предшествующую эпоху «демократического просвета» (1988–1999 гг.). С вступлением в должность президента А.А. Зардари произошло кардинальное изменение расстановки политических сил в Пакистане. На передний план вышла новая конфигурация власти: президент Зардари (с опорой на правительство ПНП); начштаба сухопутных войск Кияни; лидер оппозиции Н. Шариф вместе с председателем ВС И.М. Чоудхри. Каждое звено данной конфигурации было взаимоисключающей и взаимодополняющей; именно от их кооперации или, наоборот, противоборства кого-либо из них зависело дальнейшее конституционно-демократическое развитие страны.

Со сменой руководства в стране внутривластная ситуация не изменилась кардинально в лучшую сторону. Все ранее существовавшие проблемы, трудности и беды, многие из которых были прямым наследием не только прежнего военного режима, но и эпохи правления военного диктатора Зия-уль-Хака, оставались нерешенными и порождали общую нестабильность.

В данной главе будет рассмотрен последний этап пакистанской истории – восстановление парламентской республики, в рамках которой гражданское правительство ПНП сумело проработать весь положенный по конституции срок и осуществить законную передачу власти правительству ПМЛ(Н).

§ 1. Взаимоотношения гражданских и военных в современном Пакистане

Такая острая проблема социально-политической жизни страны, как засилье военных во всех сферах общественной деятельности, продолжала сохранять свою актуальность к моменту перехода власти к новому гражданскому правительству ПНП. В условиях острого кризиса и недовольства широких народных масс режимом П. Мушаррафа новый начштаб сухопутных войск А.П. Кияни предпочел демонстративно отстранить армию от участия в политических процессах с тем, чтобы ослабить критику в адрес военных как со стороны международного сообщества (в особенности США), так и со стороны пакистанской общенности. В январе 2008 г. Кияни издал распоряжение, которое предписывало офицерам воздерживаться от каких-либо контактов с представителями политических кругов. Месяц спустя глава штаба объявил о выводе офицеров из состава всех правительственных учреждений. В первую очередь военные были удалены из фискальных и контролирующих органов. Приказ об отзые военных из гражданских учреждений на первом этапе коснулся 72 военнослужащих, в том числе 6 генерал-майоров. На втором этапе 46 офицеров, младшие офицеры, унтер-офицеры должны были покинуть гражданские департаменты ввиду отсутствия необходимости в их услугах. Всего из гражданских ведомств к августу 2008 г. были отозваны 407 младших офицеров и 1210 унтер-офицеров. Пяти высокопоставленным генералам было предложено освободить крупные должности в гражданском секторе. Среди них посты руководителей Национального бюро отчетности, Национальной почты, Агентства шоссейных дорог и т.д.¹. Таким образом, под руководством Кияни происходило «огражданствление» всех госструктур – процесс, обратный процессу милитаризации пакистанского общества периода правления военного диктатора М. Зия уль-Хака. Военные постепенно утрачивали все те позиции в сферах общественной жизни, которые они прочно занимали со времен генерала Зия.

По завершении парламентских выборов, в марте 2008 г. на встрече высшего военного командования в г. Равалпинди генерал Кияни заявил о том, что армия будет оказывать поддержку демократическому процессу и выполнять свои конституционные

¹ Замараева Н.А. Взаимоотношения пакистанской армии и гражданских государственных структур (2008–2012) / Н.А. Замараева // Государство, общество, международные отношения на мусульманском Востоке (Афганистан, Иран, Пакистан, Турция, этнический Курдистан, соседние мусульманские районы). – М.: ИВ РАН, Крафт +, 2014. – С. 125.

обязанности¹. Данный подход служил ориентиром для дальнейших политических маневров армейской верхушки. В условиях очередного кризиса власти в августе 2008 г. и угрозы импичмента президенту П. Мушаррафу вооруженные силы в лице генерала Кияни отказались от поддержки его режима. Они оказали содействие в заключении компромиссного соглашения между сторонами, согласно которому Мушарраф добровольно покидал свой президентский пост в обмен на иммунитет от судебного преследования.

С избранием президентом страны сопредседателя партии ПНП А.А. Зардари 6 сентября 2008 г. в рамках сложившейся ранее конфигурации власти, обусловленной действием 13-й конституционной поправки времен правления П. Мушаррафа, глава государства сосредоточил в своих руках сразу две ветви власти — исполнительную и законодательную (как лидер партии, располагавшей весомым представительством в парламенте страны), что отмечалось впервые в истории партии и в политической истории страны в целом. Другим, более важным итогом победы Зардари на президентских выборах было то, что Пакистан с приходом к власти лидера ПНП открыл новую страницу своей новейшей истории — очередной период гражданского правления².

Новый «гражданский» президент страны взял курс на постепенное преодоление политического наследия своего предшественника П. Мушаррафа, в особенности «вытеснение» военных из сферы политики. Уже в ноябре 2008 г. было обнародовано правительственное решение о роспуске Совета национальной безопасности, который был учрежден в период правления П. Мушаррафа и служил своего рода органом власти, обеспечивающим легитимное участие армии в принятии стратегически важных решений³. Однако дальнейший ход событий, а также слабость гражданских институтов предопределили сохранение за армией рычагов политического воздействия.

В условиях авторитарной политической культуры, окончательно сложившейся во времена правления М. Зия уль-Хака, и перехода к конституционно-парламентской форме правления острое и бескомпромиссное противоборство двух основных

¹ Kasturi, Bhashyam. General Kayani and the Future of Pakistan / Bhashyam Kasturi // AAKROSH (Asian journal on terrorism and internal conflicts); [ed. Maj. Gen. (Retd.) Afsir Karim]. – Vol. 14. – № 52. – July 2011. – P. 11–12.

² Naqvi M.B. Pakistan at Knife's Edge / M.B. Naqvi. – New Delhi: Lotus Collection, 2010. – P. 225.

³ Замараева Н.А. Пакистан: от военно-гражданской формы правления к гражданской / Н.А. Замараева // Центр Азия [Электронный ресурс]. – 13 декабря 2008 года. – Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1229289840> (Дата обращения: 01.02.2014).

политических партий (ПНП и ПМЛ(Н)), уходящее своими корнями в далекие 1990-е гг., было совершенно неизбежным. Н. Шариф, как и прежде, был настроен заполучить власть в стране посредством неконституционных методов борьбы. Политические амбиции Шарифа и общая неприязнь дополнялись разногласиями сторон по следующим вопросам: восстановление в должности судей Верховного суда и судов низших инстанций (всего 60 судей), отказавшихся подчиниться указу властей о введении режима чрезвычайного положения 3 ноября 2007 г.; будущая судьба экс-президента Мушаррафа. В отличие от Шарифа Зардари не был заинтересован в судебном преследовании бывшего военного правителя и незамедлительном восстановлении в должности судей, отстраненных от исполнения обязанностей в период ЧП¹.

В ходе открытого противоборства двух ведущих партий страны (ПНП и ПМЛ(Н)) в феврале 2009 г., которое сопровождалось масштабными акциями протеста сторонников Н. Шарифа и И.М. Чоудхри, армия взяла на себя роль арбитра, фактически «держа на коротком поводке» обоих политических соперников и сохраняя при этом нейтралитет. При активном посредничестве А.П. Кияни острый политический кризис был урегулирован без какого-либо кровопролития. 16 марта 2009 г. пакистанское правительство приняло решение восстановить в должности бывшего главного судью Верховного суда. 21 марта Ифтихар Чоудхри уже в третий раз вступил в должность председателя Верховного суда Пакистана.

Распространенным было мнение, что, несмотря на то, что в ходе острого противостояния сторон начштаба сухопутных войск не хотел проведения досрочных выборов или установления военного правления в стране, он серьезно задумывался о возможности отставки президента Зардари без военного переворота, при сохранении тогдашнего кабинета министров во главе с Юсуфом Реза Гилани. Однако, Кияни понимал, что открытое вмешательство армии может настроить против них американский истеблишмент и лишит страну крупномасштабной экономической и военно-технической помощи со стороны США².

По мнению бывшего начштаба сухопутных войск Джехангира Карамата, в момент острого противостояния власти с оппозицией весной 2009 г. «военные действовали так, чтобы отвести,

¹ Masood, Azhar. Sharif demands accountability of Musharraf / Azhar Masood // Arab News, Internet edn. [Electronic resource]. – 15 June 2008. – Mode of access: <http://www.arabnews.com/node/312891> (Accessed 01.02.2014).

² Bhattacharya, Pinaki. Pakistan: Unstable Country / Pinaki Bhattacharya // AAK-ROSH, Asian journal on terrorism and internal conflicts; [ed. Maj. Gen. (Retd.) Afsir Karim]. – Vol. 14. – № 50. – January 2011. – P. 47–50.

исправить и расчистить путь для полной демократии с центром тяжести там, где он должен быть — в парламенте страны и народе». Генерал Карамат назвал новый подход военных «моделью Кияни». Эта модель, по словам генерала, сводилась к тому, что главнокомандующий пакистанской армией в течение всего кризиса был «невидим, но в то же время рядом, был полностью информирован и действовал посредством своевременного и эффективного влияния в правильном направлении». Таким образом, военные создавали видимость своей отстраненности от политики и своего выполнения исключительно конституционных обязанностей¹. «Модель Кияни» была прямой противоположностью той системе, которая была создана во времена генерала М. Зия уль-Хака. При нем, как упоминалось ранее, военные открыто и преднамеренно вовлекались в процесс принятия политических решений, на армию возлагалась руководящая и направляющая роль в жизни общества.

Тем не менее, новый виток напряженности в отношениях с Индией после теракта в г. Мумбаи в ноябре 2008 г. и процесс расширения присутствия Пакистанского движения Талибан в северных районах Пакистана весной 2009 г. содействовали укреплению позиций армии в обществе как защитницы и гаранта безопасности страны. Все эти события в очередной раз продемонстрировали несостоятельность гражданских властей, которые в кризисных ситуациях обращались за помощью к генералитету. Дополнением к этому служила непростая обстановка в беспокойной провинции Синд и, прежде всего, в г. Карачи, охваченном межэтническим насилием. Здесь только 6 августа 2010 г. за один день в результате нападений со стороны конкурирующих преступных группировок, тесно связанных с мухаджирской МКМ и пуштунской АНП, погибло около 100 мирных жителей. Очередной всплеск насилия в городе пришелся на июль — август 2011 г. За два месяца в результате точечных атак погибло свыше 300 человек. Столкновения происходили преимущественно между представителями пуштунской и мухаджирской общинами, за которыми непосредственно стояли партии МКМ и АНП, соответственно². Местные правоохранительные органы очень долго не могли справиться с ситуацией и восстановить правопорядок в охваченном насилием городе. Встал вопрос об участии армии в обуздании насилия в Карачи. В то же время политическое руководство страны высказывалось против

¹ Karamat, Jehangir. Army follows «Kayani Model» / Jehangir Karamat // The Nation, Internet edn. [Electronic resource]. – 17 March 2009. – Режим доступа: <https://nation.com.pk/17-Mar-2009/army-follows-kayani-model> (Дата обращения: 02.02.2014).

² Violence in Karachi. Into the abyss // The Economist. – 27 August – 2 September 2011.

вмешательства подразделений федеральных войск, заявляя, что «армия ослабит демократию»¹.

Серьезным вызовом особому и привилегированному статусу армейской верхушки стало решение Верховного суда от 31 июля 2009 г. о признании неконституционности введения чрезвычайного положения бывшим президентом Пакистана П. Мушаррафом. Решение содержало указание о его тюремном заключении, так как «в соответствии с Конституцией каждый признается виновным в случае ее нарушения»². Добившись наказания для Мушаррафа, судебная власть сумела бы «прочитать» армию, «поставить ее на место». Такой прецедент в истории был создан еще в 1970-х гг. Так, в 1972 г. председатель ВС Хамуд ур-Рехман признал генерала А.М. Яхья Хана узурпатором, а военное положение 1969–1971 гг. незаконным.

Несмотря на решительную позицию ВС, ситуация стала развиваться по иному пути. Гражданское правительство, выступив вначале в поддержку судебного процесса против экс-президента, пересмотрело свою позицию: премьер-министр Ю. Р. Гилани не стал давать согласия на рассмотрение соответствующей резолюции в парламенте³. Таким образом, инициированный в отношении П. Мушаррафа процесс не получил одобрения в парламенте. Благодаря этому армейской верхушке удалось избежать своего «публичного позора».

Знаменательным событием для страны в 2010 г. стало проведение конституционной реформы, которая предполагала отмену 17-й поправки и принятие 18-й поправки к Основному закону. Большинство голосов парламент страны одобрил соответствующий законопроект. В соответствии с документом конституция приобрела свою изначальную (1973 г.) форму, ознаменовав преобразование Пакистана из президентской республики в парламентскую. Согласно 18-й поправке, теряли юридическую силу законодательные акты, которые были приняты и действовали в период чрезвычайного положения (октябрь 1999–2002 гг.). К ним относились прокламация о чрезвычайном положении (октябрь 1999 г.),

¹ 'Army action to weaken democracy' // The Dawn, Internet edn. [Electronic resource]. – 24 August 2011. – Mode of access: <http://www.dawn.com/news/654371/army-action-to-weaken-democracy> (Accessed 03.03.2015).

² Text of Supreme Court judgment // The Dawn, Internet edn. [Electronic resource]. – 31 July 2009. – Mode of access: <http://www.dawn.com/news/889917/text-of-supreme-court-judgment> (Accessed 03.03.2015).

³ Asghar, Raja. PM rules out Musharraf's treason trial / Raja Asghar // The Dawn, Internet edn. [Electronic resource]. – 20 August 2009. – Mode of access: <http://www.dawn.com/news/485293/pm-rules-out-musharrafs-treason-trial> (Accessed 04.03.2015).

временный конституционный указ (1999 г.), текст присяги судей при вступлении в должность (2000 г.), указ о главе исполнительной власти (2002 г.) и т. д. Одним из основных положений 18-й конституционной поправки было перераспределение власти между президентом и премьер-министром в пользу последнего. Кроме того, он получил право контролировать назначение судей в суды высшей инстанции; укреплялась провинциальная автономия; Северо-Западная пограничная провинция была переименована в провинцию Хайбер-Пахтунхва и т. д. Президент страны лишился таких конституционных прав, как роспуск без согласования с премьер-министром центрального и провинциальных правительств, снятия с постов губернаторов провинций и др. В конечном итоге, президент страны становился в значительной степени номинальным главой государства¹.

Следует отметить, что вначале механизм взаимодействия гражданских и военных функционировал без каких-либо сбоев. Армейское командование внешне демонстрировало свою лояльность гражданскому правительству. 22 июля 2010 г. премьер Ю. Р. Гилани объявил о продлении срока службы генерала А. П. Кияни на посту начальника штаба сухопутных войск; официально он должен был уйти в отставку 28 ноября 2010 г., но продление срока полномочий на три года имело в Пакистане прецеденты. Одновременно был продлен срок пребывания в должности главы МВР Ахмеда Шуджи Паши.

Резкое обострение отношений между гражданскими и военными было спровоцировано политическим скандалом, названным в местных СМИ «Мемогейтом», в декабре 2011 г. В центре скандала оказался некий американский гражданин пакистанского происхождения Мансур Иджаз. Согласно его официальному заявлению, он якобы по просьбе тогдашнего посла Пакистана в США Хуссейна Хаккани передал адмиралу Майклу Маллену (на тот момент председателю Объединенного комитета начальников штабов США) меморандум, в котором выражалась озабоченность пакистанского правительства по поводу возможности очередного военного переворота после американской операции по устранению У. бен Ладена в г. Абботтобад в мае 2011 г. (см. подробнее в § 2). Также утверждалось, что в начале мая глава МВР А. Ш. Паша совершил визит в некоторые арабские государства для того, чтобы

¹ Замараева Н. А. Взаимоотношения пакистанской армии и гражданских государственных структур (2008–2012) / Н. А. Замараева // Государство, общество, международные отношения на мусульманском Востоке (Афганистан, Иран, Пакистан, Турция, этнический Курдистан, соседние мусульманские районы). – М.: ИВ РАН, Крафт +, 2014. – С. 131–132.

обсудить с их руководством возможности свержения президента А.А. Зардари и добиться одобрения с их стороны данного шага.

Посредством секретного меморандума президент якобы пытался заручиться поддержкой администрации США и полностью заменить командование армией и руководство МВР на лояльных ему назначенцев. Заявление взбудоражило пакистанскую общественность. Было инициировано парламентское расследование данного дела. В своем выступлении в Национальном собрании премьер-министр Ю.Р. Гилани оспорил мнение о самостоятельности армии и заявил о том, что вооруженные силы страны подчинены правительству и не могут быть «государством в государстве». Также он упомянул о заговоре против правительства¹. Со своей стороны Верховный суд страны поспешил заверить в недопустимости любой легитимизации постфактум любого военного переворота судебными органами власти. Такая позиция в очередной раз наглядно продемонстрировала трансформацию роли и статуса «Фемиды» в течение последних лет. Если прежде судебная власть неоднократно выступала в роли инструмента узаконивания всех прошлых военных переворотов, то теперь она гарантировала защиту гражданскому правительству от неконституционного свержения со стороны армии.

В разгар скандала генерал А. Кияни и генерал-лейтенант А.Ш. Паша всячески демонстрировали свою самостоятельность по отношению к правительству. Так, в ответ на запрос Верховного суда они дали показания без какого-либо согласования с министерством обороны и одобрения со стороны премьер-министра Ю.Р. Гилани. Все это в очередной раз указывало на привилегированное право армии занимать «обособленную» позицию по многим вопросам национальной безопасности, не совпадающую с общим политическим курсом гражданских властей². Кроме того, во время показаний в суде заместитель министра обороны генерал-лейтенант Наим Халид Лоди отметил, что деятельность армия и МВР никак не подлежит контролю со стороны его ведомства. За эти слова он поплатился своим постом: 11 января 2012 г. Лоди был отправлен в отставку премьером Ю.Р. Гилани за «неправомерное поведение»³.

¹ Masood Salman. Pakistani Premier Warns of Plotting by Military / Salman Masood // The New York Times. – 22 December 2011. – Mode of access: http://www.nytimes.com/2011/12/23/world/asia/pakistani-premier-yousaf-raza-gilani-lashes-out-at-his-military.html?_r=0 (Accessed 05.03.2015).

² Raman B. Back to the past in Pakistan / B. Raman // The Pioneer. – 27 December 2011.

³ Замараева Н.А. Взаимоотношения пакистанской армии и гражданских государственных структур (2008–2012) / Н.А. Замараева // Государство, общество, международные отношения на мусульманском Востоке (Афганистан, Иран,

В целом, в ходе противоборства политического истеблишмента и военных было отмечено совершенно новое обстоятельство. В то время как правительство пользовалось прочной поддержкой парламента, в среде военных отсутствовало какое-либо единство. Некоторые из командующих армейскими корпусами выражали сожаление по поводу получившего широкую огласку открытого конфликта в высших эшелонах власти, большинство выступало против идеи очередного переворота. Очевидно, что эта группа офицеров хотела, чтобы армия выполняла сугубо профессиональные функции, при сохранении своего привилегированного положения¹. Сходные настроения были распространены среди генералитета в момент перехода страны к конституционно-парламентской демократии после смерти диктатора М. Зия уль-Хака в 1988 г.

Многие наблюдатели считают, что вслед за скандалом «Мемогейт» пути гражданских властей и генералитета окончательно разошлись. Они прослеживают «след военных» в дальнейших политических событиях, потрясших страну. Так, в феврале 2012 г. Верховный суд страны инициировал судебное слушание против Ю.Р. Гилани по обвинению в неуважении к суду. Предлогом послужил отказ премьер-министра со ссылкой на действие президентского иммунитета² обратиться в швейцарский суд с просьбой о возобновлении следствия в отношении А.А. Зардари, якобы замешанного в целом ряде коррупционных дел. Ранее ВС признал Указ о национальном примирении от 5 октября 2007 г., который даровал амнистию политикам и чиновникам, обвиненным в коррупции, растрате, отмывании денег, убийстве или терроризме в период с 1 января 1986 г. по 12 октября 1999 г., не соответствующим конституции и предписал премьер-министру направить запрос властям Швейцарии с тем, чтобы последние вновь начали коррупционное разбирательство в отношении президента³. Решение Верховного суда о лишении Ю.Р. Гилани мандата парламентария «за неуважение к суду» автоматически (согласно конституции) лишило его поста премьер-министра.

Пакистан, Турция, этнический Курдистан, соседние мусульманские районы). – М.: ИВ РАН, Крафт +, 2014. – С. 136.

¹ Mehta A.K. Nothing civil about this / A.K. Mehta // The Pioneer. – 1 February 2012.

² Согласно статье 248 конституции Пакистана президент обладает иммунитетом от судебного преследования.

³ Более подробно см.: Филимонова А.Л. Пакистан: усиление политического влияния Верховного суда / А.Л. Филимонова // Государство, общество, международные отношения на мусульманском Востоке (Афганистан, Иран, Пакистан, Турция, этнический Курдистан, соседние мусульманские районы). – М.: ИВ РАН, Крафт +, 2014. – С. 119.

Неудивительно, что некоторые пакистанские эксперты сочли, что за решением высшей судебной инстанции стояло могущественное офицерство, которое пыталось «обескровить» гражданское правительство, лишившееся своей прежней привлекательности в глазах армии¹. Однако этого не произошло. С отставкой премьера баланс сил так и не сместился в пользу противников Зардари. Правящая ПНП сумела устоять и сохранить свое правительство: в ходе голосования в парламенте 22 июня 2012 г. ее кандидат Раджа Первез Ашраф был избран 25-м премьер-министром страны.

Важный, однако, и менее заметный аспект взаимоотношений военных и гражданской власти – роль армии в деятельности оппозиционного движения. Еще до обострения отношений с правительством армейское командование установило тайные контакты с рядом оппозиционных лидеров Пакистана, с которыми нередко проводились негласные консультации. Очевидно, что армия хотела привести к власти более «покладистое» правительство. Либерально-прогрессивные силы в лице ПНП никогда не импонировали генералитету. Начиная с 1980-х гг. еще при зияульхаковском режиме военные стремились ослабить электоральную базу Б. Бхутто и низвести ее партию до уровня провинциальной (синдской) и маргинальной. Помимо этого, скандал «Мемогейт» усилил существующие противоречия между правительством и генералитетом.

Так как крупнейшая оппозиционная партия ПМЛ (Н) во главе с Н. Шарифом, который бросил вызов армии в период своего второго правительства (1997–1999 гг.), также не пользовалась доверием военных, предполагалось, что ставка была сделана на умеренно-исламистскую партию Имрана Хана Техрик-е-Инсаф (ТИ). Эту партию рассматривали как серьезную альтернативу ПНП и ПМЛ(Н). По мнению ряда экспертов, МВР содействовала политическому возвышению ТИ, которая на фоне общей разочарованности широких народных масс в деятельности коалиционного правительства сумела интенсифицировать свою антиправительственную кампанию и расширить свою электоральную базу. Так, в октябре и декабре 2011 г. в гг. Лахоре и Карачи состоялись два крупнейших митинга сторонников И. Хана. Политические кампании партии получили широкое освещение в СМИ. Некоторые наблюдатели заявляли, что Межвидовая разведка оказывала помощь ее лидеру в привлечении на сторону партии целого ряда политических деятелей².

¹ Siddiq, Ayesha. Aiming for the head / Ayesha Siddiq // Hindustan Times. – 22 February 2012.

² Chandran D.S. Im the Dim proves to be street smart / D.S. Chandran // The Pioneer. – 2 April 2012.

Считается также, что военные «приложили свою руку» к обострению противостояния между оппозицией и гражданским правительством в январе 2013 г. в преддверии общенациональных выборов, когда на политическую авансцену выдвинулся богослов школы Барелви и лидер движения Техрик-е-Минхадж уль-Коран (Движение «путь Корана») Маулана Тахир уль-Кадри, который был хорошо известен своими тесными связями с военным истеблишментом. Так, 14 января 2013 г. Кадри организовал длинный марш из Лахора в Исламабад с участием около 30 тыс. человек. Он требовал отставки действующего «коррупцированного» правительства, роспуск парламента страны и провинциальных законодательных собраний, а также формирование начальником штаба сухопутных войск Кияни и председателем Верховного суда Чоудхри временного правительства¹.

Непростая ситуация породила опасения по поводу очередного военного переворота. Конец антиправительственной агитации в Исламабаде был положен 18 января официальным объявлением о формировании временного переходного правительства на срок в три месяца до проведения выборов. Власти пообещали консультироваться с Т. Кадри и также учитывать мнения всех политических партий, в том числе и не представленных в парламенте страны, при формировании переходного кабинета министров². Несмотря на политический кризис начала 2013 г., впервые в истории Пакистана гражданское правительство сумело проработать в течение всего предусмотренного по конституции срока (5 лет). Проведение очередных парламентских выборов было запланировано на май 2013 г.

На выборах основными фаворитами гонки выступали партии с заметной религиозной ориентацией — Пакистанская мусульманская лига Н. Шарифа и Техрик-е-Инсаф И. Хана. Тем самым, сложившаяся расстановка политических сил свидетельствовала о некотором «правом крене». Эта тревожная картина дополнялась значительной ролью религиозного фактора в самой предвыборной кампании. Так, в рамках избирательной системы страны продолжали действовать некоторые принятые еще в 1980-х гг. генералом М. Зия уль-Хаком конституционные поправки, в соответствии с которыми от всех кандидатов требовалось «адекватное знание исламских учений и практик, а также обязанностей и обязательств, предписанных исламом»³.

¹ Pak crisis: Top court orders arrest of PM // The Asian Age. – 15 January 2013.

² Parthasarathy G. Generals of Rawalpindi keep fingers crossed / G. Parthasarathy // The Pioneer; – 1 February 2013.

³ Laskar R.H. Pak poll scrutiny tests Islam knowledge / R.H. Laskar // The Asian Age. – 4 April 2013.

Последующий электоральный успех ПМЛ(Н), которая в своем предвыборном манифесте придерживалась умеренного подхода к проблеме исламизма и терроризма, вселял в западных наблюдателей и либерально мыслящих пакистанцев опасения по поводу возможного движения страны в сторону утверждения исламистской системы, наподобие той, что активно пропагандировалась режимом Зия уль-Хака. Тем не менее, за годы активной политической борьбы Н. Шариф, который обязан своим политическим ростом военному диктатору и в течение некоторого времени рассматривался многими в качестве его преемника, отошел от многих первоначальных идей и замыслов. В настоящий момент его партия выступает с позиций умеренного ислама и либеральных ценностей.

Дальнейший ход политических событий свидетельствовал о некотором ослаблении авторитета и влияния армии в пакистанском обществе, которое, впрочем, на деле оказалось лишь временным явлением. Так, против вернувшегося из добровольного изгнания в марте 2013 г. для участия в выборах экс-президента П. Мушаррафа был инициирован судебный процесс по обвинениям в совершении государственного переворота, соучастия в убийствах бывшего премьера Б. Бхутто и лидера белуджских сепаратистов А.Х. Бугти¹. Генерал был взят под домашний арест и отстранен от участия в выборах². Примечательно, что впервые в истории страны бывший военный правитель «оказался на скамье подсудимых».

С приходом к власти партии ПМЛ(Н) по итогам всеобщих выборов 2013 г. отношения между гражданской властью и армией стали выстраиваться по-новому. Н. Шариф воспользовался ослаблением позиций генералитета для того, чтобы утвердить свое влияние в тех сферах государственного управления, где армия традиционно играла ведущую роль при принятии решений. При распределении министерских портфелей в новом правительстве он оставил за собой ключевые посты министра иностранных дел и министра обороны³. Впоследствии портфель министра обороны

¹ Мухаммад Акбар Хан Бугти – государственно-политический деятель Пакистана и провинции Белуджистана, вождь белуджского племени бугти, который возглавил антиправительственное повстанческое движение, развернувшееся в провинции в 2005 г. с требованиями предоставления большей автономии Белуджистану и организации более справедливого распределения природных ресурсов и финансов между центром и данным регионом. М.А.Х.Бугти был убит в результате военной операции в августе 2006 г.

² Crylli, Rob. Pervez Musharraf placed under house arrest / Rob Crylli // The Telegraph, Internet edn. [Electronic resource]. – 19 April 2013. – Mode of access: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/asia/pakistan/10005061/Pervez-Musharraf-placed-under-house-arrest.html> (Accessed 25.02.2015).

³ Javid H. All the King's men. The Herald Dawn, Internet edn. [Electronic resource]. –

был передан ближайшему сподвижнику Шарифа и яркому критику военного правления (в особенности П. Мушаррафа) Хавадже Мухаммаду Асифу. В целях содействия работе премьера по формированию внешнеполитического курса страны были учреждены должности советника премьера по национальной безопасности и иностранным делам, а также специального помощника премьера по иностранным делам, на которые были назначены ближайший соратник Шарифа и ветеран ПМЛ(Н) Сартадж Азиз и опытный дипломат Тарик Азиз.

Первые семена недоверия между премьер-министром и генералитетом появились незамедлительно и связаны с судебным процессом над экс-генералом П. Мушаррафом. 31 марта 2014 г. специальный суд официально предъявил бывшему президенту обвинение в государственной измене. В ответ армия прервала свое долгое молчание по этому вопросу. 7 апреля 2014 г., выступая в штаб-квартире Группы специального назначения на военной базе Гази в районе Тарбела провинции Хайбер-Пахтунхва, преемник А. П. Кияни на посту начштаба армии генерал-лейтенант Рахил Шариф заявил, что «пакистанская армия отстаивает неприкосновенность всех государственных институтов, сохраняя достоинство и институциональную гордость в то время, когда страна сталкивается с внутренними и внешними вызовами». Пакистанские СМИ открыто заговорили о новом кризисе в отношениях между гражданской властью и генералитетом. В прежние годы пакистанские военные нечасто выступали с публичными заявлениями. Формулу нормализации отношений между военными и правящей администрацией предложил бывший начальник штаба сухопутных войск, генерал в отставке М.А. Бег. Она состояла в следующем: «1. Судебное дело о государственной измене экс-генерала П. Мушаррафа должно быть закрыто, а ему разрешен выезд за границу. 2. ПЕМРА (Орган государственного регулирования и контроля за электронными средствами массовой информации Пакистана) обязуется гарантировать, что ни один телеканал не будет транслировать выступления, подрывающие престиж армии. 3. Запретить министрам и политическим деятелям публичные выступления с критикой в адрес армии, т. е. против граждан страны, которые защищали Пакистан ценой своей жизни». По мнению М. Бега, «ситуация нормализуется за короткое время, если правительство будет следовать его предложениям. В противном случае генералы сделают то же самое, что и генерал Ас-Сиси в Египте». Вскоре «виновник» напряженности был найден. В связи с судебным

10 January 2014. – Mode of access: <http://herald.dawn.com/2014/01/10/all-the-kings-men-2.html> (Accessed 25.02.2015).

иском министерства обороны страны вещание новостного канала Geo News, обвиненного в транслировании оскорбительного для государственных институтов репортажа, было приостановлено. В ноябре 2014 г. Верховный суд официально закрыл судебное дело против экс-генерала с формулировкой как «бездоказательное»¹.

Противостояние между гражданской властью и армейской верхушкой, пусть и в латентной форме, нашло выражение в открытом противоборстве правительства Н. Шарифа и оппозиции в лице И. Хана и клерикала М. Тахира уль-Кадри, антиправительственное выступление которых, по мнению экспертов, было тщательно спланированной операцией генералитета по утверждению своего главенства над гражданскими властями. В августе 2014 г. лидеры оппозиционного движения объявили о проведении одновременно марша своих сторонников на г. Исламабад, потребовав от официальных властей рассмотрения жалоб граждан о злоупотреблениях в ходе выборов 2013 г. и детальной проверки бюллетеней в четырех избирательных округах². Чтобы не допустить проведения масштабного антиправительственного митинга, премьер Н. Шариф, воспользовавшись статьей 245 конституции страны³, обратился к армии с просьбой об оказании помощи в поддержании правопорядка в столице. В соответствии с правительственным решением ответственность за обеспечение безопасности в Исламабаде в течение трех месяцев была передана от министерства внутренних дел вооруженным силам страны. Многие обозреватели охарактеризовали этот шаг как «де факто маленький военный переворот»⁴.

Несмотря на то, что гражданское правительство Н. Шарифа сумело устоять в ходе острого политического кризиса, а учрежденная в качестве уступки оппозиции судебная комиссия по расследованию случаев подтасовок результатов выборов де факто легитимизировала приход его партии к власти, события второй половины 2014 г. привели к сдвигу баланса сил в рамках традиционного противостояния «гражданские — военные» в пользу

¹ Замараева Н.А. Армия и демократические институты в современном Пакистане / Н.А. Замараева // Нация и национализм на мусульманском Востоке. – М: ИВ РАН, 2015. – С. 318–320.

² PTI to Launch Anti Rigging Movement on May 11: Imran // Pakistan State Times. – 30 April 2014.

³ Согласно статье 245, «вооруженные силы при постановлении федерального правительства должны защищать Пакистан от внешней агрессии или угрозы войны, оказывать в соответствии с законом помощь гражданской власти в случаях, когда их призывают к выполнению данной функции».

⁴ Ali S. Pakistan imposes 'martial law' in Islamabad / S. Ali // The Asian Age. – 26 July 2014.

последних¹. Если в 2013 г. во взаимоотношениях с армейской верхушкой позиции премьер-министра Н. Шарифа были довольно прочны, то со второй половины 2014 г. генералитет вновь выступает в качестве весомой политической силы, с интересами которой вынуждено считаться центральное правительство.

В последующие годы оппозиция в лице И. Хана продолжала служить своего рода инструментом давления на гражданское правительство, к которому военные прибегали в целях отстаивания своего самостоятельного статуса и защиты своего авторитета. В октябре 2016 г. в СМИ просочилась информация о якобы состоявшейся несколькими днями ранее тайной встрече высокопоставленных правительственных чиновников с представителями высшего военного командования, в ходе которой выявились острые противоречия между сторонами по вопросу борьбы с терроризмом и местными военизированными группировками, осуществляющими подрывную деятельность на территории Индии. Политическое руководство страны выразило недовольство действиями военных, препятствовавшими усилиям гражданских властей по противодействию экстремизму. По итогам встречи было принято решение о проведении разьяснительной работы с оперативниками МВР для того, чтобы обеспечить в дальнейшем их эффективное взаимодействие с правоохранительными органами страны. Кроме того, премьер-министр Н. Шариф распорядился предпринять меры с тем, чтобы завершить расследование атаки на индийскую авиабазу Патханкот, и возобновить застопорившейся судебный процесс по теракту в Мумбаи в ноябре 2008 г. (см. подробнее в § 3)².

По мнению наблюдателей, появление в СМИ информации об упомянутой встрече послужило причиной к очередной конфронтации между гражданским правительством и армейской верхушкой, которое вылилось в новое антиправительственное выступление партии Техрик-е-Инсаф. В связи с обнародованными в апреле 2016 г. документами зарубежной юридической компании «Моссак Фонсека», базирующейся в Панаме, с указанием на принадлежность детям действующего премьера трех оффшорных компаний, активы которых не упоминались в декларации о доходах семьи, лидер ТИ И. Хан потребовал отставки Шарифа. Впоследствии было объявлено об организации 2 ноября в Исламабаде

¹ Sarfraz, Mehmal. Recast in the Red Zone: How the Nawaz Sharif government failed to read Imran Khan's theatrics / Mehmal Sarfraz // India Today magazine. – 1 September 2014.

² Almeida, Cyril. Act against militants or face international isolation, civilians tell military / Cyril Almeida // The Dawn [Electronic resource]. – 9 January 2017. – Mode of access: <http://www.dawn.com/news/1288350> (Accessed 20.01.2017).

антиправительственной акции протеста с участием активистов партии. В целях предотвращения беспорядков в столице были размещены дополнительные воинские подразделения. Однако проведение масштабного антиправительственного выступления, наподобие сидячей демонстрации оппозиции во второй половине 2014 г., было отменено вслед за решением Верховного суда об иницировании на основании петиции Хана расследования обвинений Шарифа в финансовых злоупотреблениях¹.

28 июля 2017 г. Пакистан потряс политический кризис, который вновь заставил экспертов задуматься над вопросом о степени зрелости пакистанской демократии. Из-за решения Верховного суда, признавшего Н. Шарифа не соответствующим занимаемой должности в связи с обвинениями в коррупции в рамках скандала, связанного с компанией «Моссак Фонсека», гражданская власть вновь оказалась под ударом. Высшая судебная инстанция вынесла постановление о лишении премьера депутатского мандата, обвинив его в «нечестности» (сокрытии данных о своих доходах в оффшорных компаниях); согласно конституции пост премьера может занимать только избранный член парламента. ВС предписал инициировать судебное разбирательство в отношении него и членов его семьи по обвинению в финансовых злоупотреблениях. Наваз был вынужден покинуть свой пост, новым главой правительства был избран его ближайший сподвижник министр нефти и природных ресурсов Шахид Хакан Аббаси. В целом общественное мнение негативно восприняло решение об отставке Шарифа. Он остается популярной среди избирателей фигурой².

4 августа состоялась церемония присяги нового правительства. Немалая часть министров кабинета Шарифа сохранила за собой свои портфели в составе нового правительства, которое было сформировано по итогам внутрипартийных консультаций с учетом мнения бывшего премьера. В октябре ПМЛ(Н) обеспечила принятие парламентом законопроекта о выборах, позволяющего лицам, отстраненным от занятия государственных должностей, возглавлять политические партии. На следующий день после голосования Н. Шариф был вновь переизбран председателем

¹ Masood, Salman. Pakistani Opposition Leader, Imran Khan, calls off protest / Salman Masood // The New York Times [Electronic resource]. – 1 November 2016. – Mode of access: https://www.nytimes.com/2016/11/02/world/asia/pakistan-protests-imran-khan.html?_r=0 (Accessed 20.01.2017).

² Белокреницкий В.Я. Третья отставка премьер-министра Пакистана: причины и последствия / В.Я. Белокреницкий // Международный дискуссионный клуб «Валдай» [Электронный ресурс]. – 11 августа 2017 года. – Режим доступа: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/tretya-otstavka-premera-pakistan/> (Дата обращения: 30.01.2018).

партии. Таким образом, лидер ПМЛ(Н) не лишился рычагов политического влияния в преддверии парламентских выборов 2018 г., а его партия сумела удержаться у руля власти, несмотря на сложившуюся кризисную ситуацию. Согласно докладу британского журнала «The Economist» «Мир в 2018» партия Шарифа, вероятнее всего, одержит победу на предстоящих парламентских выборах, в то время как ПНП и ПТИ продемонстрируют не самые лучшие показатели. При этом успеху будут содействовать курс правительства на инвестирование инфраструктурных проектов и довольно плавный экономический рост. Кроме того, в преддверии выборов ПМЛ(Н) пользуется всеми преимуществами статуса партии, находящейся у власти.

Особого внимания в данной главе заслуживает вопрос о нынешнем положении такой могущественной спецслужбы, как Межвидовая разведка. Как упоминалось ранее, МВР обрела значительную самостоятельность и автономность в годы афганского вооруженного конфликта 1979–1988 гг. как ключевой «посредник» в контактах с афганскими муджахедами. Служба была причастна к свержению гражданских правительств в период «демократического просвета» (1988–1999 гг.), разжиганию сепаратистского движения в индийском штате Джамму и Кашмир, а также убийствам «неудобных» лиц, в том числе либерально мыслящих журналистов¹.

С переходом страны к конституционно-парламентской демократии в 2008 г. были предприняты меры с тем, чтобы поставить МВР под правительственный контроль. Так, еще в июле 2008 г. правительство издало уведомление о переводе военной разведки под надзор министерства внутренних дел. Однако президент П. Мушарраф и военные заставили Ю.Р. Гилани отказаться от данного решения. Уже в июле 2012 г. на рассмотрение парламента был представлен законопроект об МВР (функции, полномочия и регулирование), который предусматривал подотчетность этого

¹ На сегодняшний момент одной из главных проблем в сфере гражданских прав и свобод являются уязвимость и физическая незащищенность многих журналистов. С одной стороны, со времен П. Мушаррафа страна сделала заметные шаги по пути утверждения и укоренения в общественном сознании права на свободу слова, а пакистанские СМИ превратились в «главного разоблачителя и критика» правящего истеблишмента. С другой стороны, число убитых журналистов за 2015 г. достигло 28 человек. По этому показателю страна опережает такие крайне нестабильные государства, как Ирак, Афганистан и Сирия. Ayaz, Babar. What's wrong with Pakistan? / Babar Ayaz. – New Delhi: Hay House India, 2013. – P. 192; Chaudhry, Abdul Rauf. 28 journalists killed in Pakistan during 2015 / Abdul Rauf Chaudhry // The News [Electronic resource]. – 30 December 2015. – Mode of access: <https://www.thenews.com.pk/print/85149-28-journalists-killed-in-Pakistan-during-2015> (Accessed 27.02.2014).

ведомства перед парламентом и премьером, а также создание системы внутренних сдержек и противовесов, чтобы препятствовать злоупотреблениям и преступлениям, совершаемым его сотрудниками. Под давлением генералитета законопроект был отозван. После всеобщих выборов 2013 г. усилия гражданских властей по «обузданию» МВР вновь активизировались. В ноябре 2013 г. Сенат одобрил разработанные постоянным комитетом по правам человека рекомендации о введении парламентского контроля над деятельностью военной разведки¹. Однако процесс не получил дальнейшего развития.

Как и прежде, военные занимают прочные позиции в сфере экономики. Несмотря на тяжелое экономическое положение страны, оборонный бюджет с каждым годом растет. Согласно бюджету страны на 2017–18 финансовый год запланировано увеличение расходов на оборону примерно на 7% до 8,78 млрд долл США; при этом считается, что в реальности данный показатель в значительной степени превосходит официально заявленные цифры². Благодаря льготам и привилегиям подконтрольные военным предприятия – наиболее высокодоходные и эффективные по производительности. Согласно официальному заявлению, сделанному в июле 2016 г. тогдашним министром обороны Хавад-жой Мухаммадом Асифом в ответ на парламентский запрос, вооруженные силы страны контролируют свыше 50 коммерческих проектов общей стоимостью порядка 20 млрд долл. США³.

Армия продолжает осуществлять надзор над всем ракетно-ядерным комплексом страны, выступая в роли гаранта его безопасности. Вся практика разработки и хранения в стране ядерного оружия свидетельствует о том, что военные не готовы передать контроль над «ядерной кнопкой» высшим государственным чиновникам из числа гражданских лиц. В связи с событиями последних лет существует серьезная угроза попадания пакистанского ядерного оружия в руки террористов. Однако армейская верхушка отдает себе отчет в опасностях подобного рода. По информации СМИ, при активной технической и финансовой поддержке американцев

¹ ISI can't be left unleashed: Pakistani Senate moves to rein in the agency // The Pioneer. – 6 November 2013.

² Gady, Franz-Stefan. Pakistan Raises Defense Spending / Franz-Stefan Gady // The Diplomat [Electronic resource]. – 5 June 2017. – Mode of access: <https://www.thediplomat.com/2017/06/pakistan-raises-defense-spending/> (Accessed 15.01.2018).

³ Wasim, Asim. 50 commercial entities being run by armed forces / Asim Wasim // The Dawn [Electronic resource]. – 21 July 2016. – Mode of access: <https://www.dawn.com/news/1272211> (Accessed 16.01.2018).

был подготовлен план чрезвычайных военно-технических мероприятий по недопущению такого рода сценария¹.

К моменту прихода к власти гражданского правительства ПНП политическая система и нормативно-правовая база страны никак не соответствовали устоявшимся и общепризнанным понятиям и представлениям о подлинной демократии. В значительной степени здесь сказывалось влияние почти девятилетнего правления военного режима П. Мушаррафа. Кроме того, несмотря на длительный период времени, прошедший с момента руководства страной М. Зия уль-Хаком, продолжали сохраняться многие пережитки того времени. Это требовало от новых властей решительных мер по либерализации политической и правовой сфер, к чему правительство также побуждала и напряженная обстановка внутри страны, вызванная активной антиправительственной деятельностью оппозиционной ПМЛ(Н) Н. Шарифа. За годы своего пребывания у власти правящая ПНП сумела добиться определенных успехов в деле реализации реформаторской повестки. Линия на укрепление позиций гражданских институтов была продолжена и при правительстве ПМЛ(Н).

§ 2. Проблема исламского экстремизма

Терроризм, захлестнувший всю страну, был главной «головной болью» нового правительства ПНП, пришедшего к власти в 2008 г. Этот феномен, тесно связанный с такими социальными явлениями, как исламизм и религиозная нетерпимость, уходит своими корнями во времена правления генерала М. Зия уль-Хака. Однако особую остроту он обрел с началом правительственной борьбы с экстремизмом при генерале П. Мушаррафе. По мнению известного пакистанского эксперта Ахмеда Рашида, радикализованные за годы борьбы в Афганистане и недовольные ослаблением джихада в Кашмире пуштунские боевики, а также основные панджабские экстремистские группы были нацелены на то, чтобы уничтожить пакистанскую государственность².

Смена власти в Пакистане сопровождалась ростом числа террористических актов и интенсификацией подрывной деятельности Пакистанского движения Талибан. Спустя 11 дней после

¹ Сотников В.И. Куда идет Пакистан? / В.И. Сотников // Россия в глобальной политике. – № 4. – 7 августа 2010 г.; Сотников В.И. Ядерная доктрина Пакистана, индийско-пакистанское ядерное противостояние и национальные интересы России / Сотников В.И. // Ближний Восток и современность. – Вып. 41. – М.: ИВ РАН, Крафт+, 2010. – С. 263.

² Rashid, Ahmed. Pakistan on the brink: the future of Pakistan, Afghanistan and the West / Ahmed Rashid. – New Delhi: Penguin Books, 2013. – P. 38.

инаугурации нового президента (А.А. Зардари), 20 сентября 2008 г., в Исламабаде произошел один из крупнейших терактов в истории страны. Автомобиль, начиненный тонной взрывчатки, попытался проехать во внутренний двор отеля «Мариотт». Попытка не удалась, и террорист-смертник взорвал машину на месте, в 20 метрах от гостиницы. Число жертв террористического акта превысило несколько сотен человек, из которых свыше 50 погибло. Власти страны связали этот теракт с деятельностью боевиков Аль-Каиды и движения Талибан¹. Осуществив крупный теракт в Исламабаде, экстремисты продемонстрировали новому руководству, что они до сих пор – серьезная угроза национальной безопасности страны. Таким образом, смена власти никак не содействовала снижению уровня насилия и терроризма в Пакистане.

В рассматриваемый период проблема исламского экстремизма и терроризма обретала некоторые новые черты. Так, совершенно новым явлением стал так называемый процесс «панджабизации» Пакистанского движения Талибан. К середине первой декады XXI в. в Панджабе действовало много мелких самостоятельных группировок боевиков, но уже в 2009 г. они наладили прямые контакты с ТТП и объединялись под названием «Талибан Панджаба». Талибан Панджаба как социальный феномен зародился на юге провинции и со временем постепенно расширился. Объективными и субъективными причинами зарождения и становления современной сети Талибан в южном Панджабе являются, во-первых, острые социально-экономические проблемы данного региона (социальное неравенство, нищета, безземелье, высокий процент неграмотных, безработица и др.); во-вторых, географическая близость Кашмира с его повстанцами, националистическими организациями, опытом ведения подрывных действий, тренировочными лагерями; и в-третьих, расширяющаяся сеть Пакистанского движения Талибан в целом по стране и т. д. Движение Талибан Панджаба организационно оформилось в 2008 г., продолжив, таким образом, развитие региональной сети организации².

Еще одним тревожным сигналом были частые сообщения о многочисленных случаях отказа военнослужащих пакистанской армии и полицейских сил безопасности от участия в боевых операциях против боевиков в зоне пуштунских племен и даже

¹ Masood, Salman. More bodies pulled from hotel rubble in Pakistan / Salman Masood // The New York Times. – 21 September 2008.

² Замараева Н.А. Усиление исламского экстремизма в Пакистане в 2008–2010 гг. / Н.А. Замараева // Мусульманское пространство по периметру границ Кавказа и Центральной Азии. – М: ИВ РАН, 2012, Крафт+. – С. 197–198.

их дезертирства. Все это также свидетельствовало об определенных симпатиях в среде военных к исламистским идеям, которые активно пропагандировались в годы правления военного диктатора Зия-уль-Хака. В этом плане показателен судебный процесс против бригадного генерала Али Хана. В мае 2011 г. он был арестован вместе с четырьмя другими офицерами по обвинению в связях с запрещенной радикальной организацией Хизб-ут-Тахрир¹. Офицеры выступали за разрыв союзнических отношений с США и создание революционным путем «исламского халифата», охватывающего все мусульманские страны. В итоге А. Хан был приговорен военным судом к пяти годам тюремного заключения².

Усугубляли сложившуюся ситуацию предпринимаемые США действия на территории Пакистана, что нарушало его суверенитет. Так, 3 сентября 2008 г. в результате наземной операции американских командос, о которой говорилось выше, в агентстве Южный Вазиристан (зоны племен), погибло, по свидетельству очевидцев, около 20 человек. Американцы и раньше осуществляли обстрел приграничной территории государства из тяжелого вооружения и наносили ракетные удары с беспилотных самолетов, но до открытого вылазок в соседнее государство дело не доходило. Действия американских военных вызвали резкий протест со стороны пакистанского истеблишмента³. Со своей стороны руководство США, оправдывая свои действия, указывало на неспособность Пакистана эффективно противостоять террористической угрозе на своей территории и в регионе в целом.

В условиях слабости и бездействия новых властей в стране происходил тревожный процесс расширения присутствия Пакистанского движения Талибан в северных районах Пакистана. В феврале 2009 г. правительство подписало соглашение о перемирии с боевиками в долине Сват. Согласно достигнутому соглашению правительство фактически уступало контроль над долиной Сват к востоку от зоны племен (находящейся всего в 150 км от столицы страны – г. Исламабада) одной из ветвей движения – «Техрик-е-Нифаз-е-Шариат-е-Мохаммади». Предполагалось также введение

¹ Международная панисламистская политическая организация, которая имеет разветвленную сеть филиалов во всем мире и преследует цель возродить исламский халифат и воплотить в нем исламскую систему. Деятельность организации запрещена в большинстве стран.

² Ayaz, Babar. What's wrong with Pakistan? / Babar Ayaz. – New Delhi: Hay House India, 2013. – P. 204.

³ First Strike: US raids terrorists in Pakistan // ABC News, Internet edn. [Electronic resource]. – 16 September 2008. – Mode of access: <http://abcnews.go.com/International/Story?id=5718172&page=2> (Accessed 02.03.2015).

в этом районе в действие законов шариата¹. Однако заключенное перемирие не было долгим. Боевики нарушили условия соглашения и захватили несколько крупных населенных пунктов в соседнем дистрикте Бунер, на расстоянии марш-броска до столицы страны Исламабада². Эксперты заговорили о возможной «талибанизации» Пакистана. Следует отметить, что даже во времена правления президента П. Мушаррафа, при котором было заключено несколько противоречивых коротких перемирий с пакистанскими талибами, пакистанское правительство никогда не шло на крупные изменения в юридической или политической системе.

Как уже упоминалось, ТНШМ осуществляло свою диверсионно-террористическую борьбу против властей в течение длительного времени, с момента своего создания в 1992 г. Само появление движения – прямое следствие радикализации и милитаризации пакистанского общества в период правления зияульхаковского режима, который ознаменовался не только претворением в жизнь масштабной программы всеобъемлющей исламизации страны, но и активным вмешательством Пакистана в афганский вооруженный конфликт.

В ответ на действия радикалов власти приступили к проведению полномасштабной военной операции регулярных частей пакистанской армии в районах долины Сват на севере Пакистана в конце апреля – начале мая 2009 г. В качестве основной цели операции провозглашалось освобождение долины Сват от боевиков. Человеческие и материальные потери были значительными с обеих сторон. В середине июля пакистанское правительство объявило об успешном завершении широкомасштабной военной операции в СЗПП.

Осенью 2009 г. произошел очередной всплеск террористической активности исламистов. Так, за двенадцать дней октября в результате действий террористов-смертников в Пакистане погибло 176 человек. Боевики совершили ряд дерзких нападений на различные объекты пакистанской армии. Эти теракты побудили пакистанское правительство (и особенно военных) к проведению очередной военной акции в зоне пуштунских племен. 17 октября 2009 г. правительственные войска начали широкомасштабную операцию в агентстве Южный Вазиристан. Одновременно с этим не прекращались атаки террористов на гражданские объекты по всей стране. 20 октября

¹ Lieven, Anatol. Pakistan: a Hard Country / Anatol Lieven. – New Delhi: Penguin Books, 2012. – P. 467.

² Taliban in Swat expands control. Aljazeera, Internet edn. [Electronic resource]. – 22 April 2009. – Mode of access: <http://m.aljazeera.com/story/2009422104011919158> (Accessed 02.03.2015)

2009 г. террористы-смертники атаковали Международный исламский университет (МИУ), пользующийся широкой известностью и авторитетом во всем мусульманском мире и являющийся символом процесса трансформации традиционного исламского образования в современную образовательную модель¹. Варварский теракт наглядно свидетельствовал о сохраняющемся расколе пакистанского общества на умеренных и экстремистски настроенных мусульман.

Помимо адептов умеренных течений суннитского ислама, террористическим атакам боевиков традиционно подвергались последователи шиитского ислама. 27 декабря 2009 г. боевик-смертник подорвал себя у входа в шиитскую мечеть в г. Музаффарабаде (административный центр Азад Кашмира, подконтрольный Пакистану). На следующий день, 28 декабря 2009 г., в г. Карачи террорист-смертник привел в действие взрывное устройство во время многотысячного шествия мусульман-шиитов, отмечавших свой традиционный траур Ашура — день поминаения имама Хусейна (внука пророка Мухаммеда). В результате теракта погибло около 40 человека и порядка 60 пострадавших получило ранения различной степени тяжести. Ответственность за теракт в г. Карачи, который наряду со взрывом в г. Музаффарабаде спровоцировал массовые погромы и беспорядки, организованные шиитами, взяло на себя Пакистанское движение Талибан². Таким образом, действия террористов усиливали и без того острые межсектантские противоречия (между суннитами и шиитами) в Пакистане, которые уходят своими корнями в период правления М. Зия уль-Хака, положившего в основу официальной идеологии Пакистана ортодоксальное учение ислама и сознательно противопоставлявшего доминирующую суннитскую общину шиитской.

Конец 2010 — первая половина 2011 гг. стали очередным периодом резкой активизации исламистов. Непосредственным толчком к наступательным действиям послужило стремление радикалов оградить и защитить от угрозы отмены или внесения изменений в зияульхаковские поправки в Уголовный кодекс о богохульстве, которые фактически служили инструментом для судебных преследований и гонений на религиозные меньшинства. Так, в течение 2007—2010 гг. более 600 человек (в основном христиане) были привлечены к ответственности по обвинениям в богохульстве³.

¹ Серенко И.Н. Национальная система образования в Пакистане: трансформация или регресс? / И.Н. Серенко // Ближний Восток и современность (сборник статей). — Вып.43. — М.: ИВ РАН, 2011. — С. 242, 245.

² Wainwright, Martha. Suicide bomb targets Shia Muslims in Karachi / Martha Wainwright // The Guardian. — 28 December 2009.

³ Joshua, Anita. Walking the tightrope on Pakistan's blasphemy laws / Anita Joshua // The Hindu. — 1 January 2011.

В конце 2010 г. в центре внимания общественности оказался резонансный судебный процесс в отношении пакистанской христианки Асии Биби, приговоренной к смертной казни по обвинению в оскорблении пророка Мухаммеда. Судебное решение вызвало осуждение общественности не только в Пакистане, но и во всем мире. Губернатор Панджаба Салман Тасир лично встретился с заключенной в тюрьме и заявил о том, что она заслуживает милосердия. Президент А.А. Зардари распорядился провести правительственную проверку. Правительственная комиссия признала приговор безосновательным и рекомендовала главе государства помиловать Биби. Однако он не стал этого делать. Правительство также не осмелилось реформировать действующее уголовное законодательство, продемонстрировав свою слабость перед натиском религиозных фанатиков: 24 декабря и 31 декабря 2010 г. сразу в нескольких частях страны прошли массовые демонстрации протеста и забастовки — харталы против любых попыток властей внести изменения в Уголовный кодекс. Судебный процесс над Биби растянулся на долгие годы и до сих пор не пришел к своему логическому завершению. Так, в июле 2015 г. Верховный суд Пакистана приостановил исполнение ее смертного приговора на период рассмотрения поданных апелляций¹.

Следует отметить, что на рубеже 2010–2011 гг. из-за глубоких разногласий традиционные политические противники — ПНП и ПМЛ(Н) — были отброшены в сторону на фоне усиления влияния праворелигиозных партий, в частности ДУИ(Ф), в пакистанском обществе; под флагом защиты ислама партия играла роль детонатора социального взрыва, она мгновенно получала мощную социальную поддержку, с одной стороны, от воинствующего экстремизма, а с другой — от широких слоев населения, и успешно использовала ее в качестве инструмента политического давления на федеральный кабинет министров².

Противники реформирования Уголовного кодекса не стали ограничивать свою активность лишь массовыми антиправительственными выступлениями, а перешли к более решительным действиям — устранению политических оппонентов. 4 января 2011 г. в Исламабаде своим личным охранником 26-летним Мумтазом Кадри был застрелен губернатор штата Панджаб С. Тасир, один из активных защитников Биби. Поражал тот факт, что убийство

¹ Pakistan Supreme Court suspends Asia Bibi death sentence. BBC, Internet edn. [Electronic resource]. – 22 July 2015. – Mode of access: <http://www.bbc.com/news/world-asia-33617186> (Accessed 05.03.2015).

² Замараева Н.А. Усиление исламского экстремизма в Пакистане в 2008–2010 гг. / Н.А. Замараева // Мусульманское пространство по периметру границ Кавказа и Центральной Азии. – М: ИВ РАН, 2012, Крафт+. – С. 199.

было совершено обыкновенным рядовым полицейским, при этом остальные телохранители не воспрепятствовали покушению. У немалой части общества убийца вызывал сочувствие: в ряде городов страны прошли демонстрации в его поддержку¹. В октябре 2011 г. антитеррористический суд г. Равалпинди вынес в отношении преступника смертный приговор, что спровоцировало всплеск возмущения в обществе: сотни людей приняли участие в демонстрациях протеста по всей стране².

Еще до того, 2 марта 2011 г., в Исламабаде произошло очередное громкое политическое убийство. На одной из столичных улиц был убит министр центрального правительства по делам меньшинств Шахбаз Бхатти, христианин по вероисповеданию. Ш. Бхатти, осмелившийся подвергнуть критике положения Уголовного кодекса о богохульстве, был одним из тех немногих политиков, которые осудили судебное решение в отношении А. Биби, признав ее невиновной. Ответственность за преступление взяли на себя Пакистанское движение Талибан и Аль-Каида, призвавшие к расправе над «богохульниками». Хотя убийство Ш. Бхатти и вызвало осуждение со стороны правительственных чиновников и политических деятелей Пакистана, никто из них не высказался критически о зияульхаковской поправке, которая послужила основанием для событий, приведших к покушению на министра³.

Случай с А. Биби служит еще одним свидетельством того, что судебные органы страны не были готовы обеспечивать должным образом защиту прав и интересов религиозных меньшинств. По мнению известного пакистанского журналиста и правозащитника И.А. Рехмана, в Пакистане отсутствуют какие-либо возможности, чтобы гарантировать лицам, обвиненным в богохульстве или любых других религиозных преступлениях, право на адекватную защиту в суде. Существуют определенные трудности в поиске адвокатов, нередки случаи отказа защищать подсудимого в суде. Кроме того, вся правоохранительная система нацелена на то, чтобы обеспечить обвинительный приговор подозреваемому в богохульстве лицу. Любые прошения об освобождении под залог решительно отклоняются, а юрист, принявший к рассмотрению такого рода прошения, несет за свои действия персональную ответственность⁴.

¹ Burke J. Suicide Nation / J. Burke // India Today. – 25 January 2011.

² Nationwide protests for Qadri's release. The Express Tribune [Electronic resource]. – 7 October 2011. – Mode of access: <http://tribune.com.pk/story/268901/enraged-protestors-demand-release-of-mumtaz-qadri/> (Accessed 06.03.2015).

³ Abbas, Qaswar. Death haunts Pakistan / Qaswar Abbas // India Today. – 14 March 2011.

⁴ Rehman I.A. A reign of fear / I.A. Rehman // The Asian Age. – 18 April 2014.

Самым громким событием 2011 г. стала успешная операция морских пехотинцев США по ликвидации Усамы бен Ладена в пакистанском городе Абботбаде, где находилось его тайное убежище. Обнаружение американскими спецслужбами террориста № 1 в самом сердце страны, недалеко от столицы, стало еще одним подтверждением подозрений и догадок о возможных связях и контактах высокопоставленных армейских офицеров с исламистами¹.

Ответом экстремистов на убийство бен Ладена стали двойной взрыв 13 мая на северо-западе страны, в г. Чарсада, в результате которого погибло около 100 человек, и ряд других диверсионно-террористических актов по всей стране². 22 мая боевики атаковали базу ВМС Мехран в г. Карачи. Хорошо спланированная и организованная диверсионная вылазка в Карачи не вызывала сомнений в предательстве. Согласно распространенному мнению, кто-то из офицеров проинформировал нападавших о местоположении базы и ее внутренней структуре. Поэтому в очередной раз возросли опасения относительно высокой вероятности попадания ядерного оружия в руки религиозных фанатиков. «Талибанизация» офицерства, под непосредственным контролем которого находится ракетно-ядерный комплекс страны, вновь стала широко обсуждаемой темой в СМИ.

Масло в огонь подлил случай с похищением и убийством корреспондента информационного агентства «Asia Times» Салмана Шахзада – журналиста, писавшего множество изобличающих статей о контактах Аль-Каиды и Талибана с пакистанскими военными. Многие восприняли его смерть как расправу Межвидовой разведки³.

Борьба правительства с экстремистами происходила на фоне совершенного безразличия властей к судьбе религиозных меньшинств, проживающих на территории Пакистана, в особенности индусов. В апреле 2012 г. Верховный суд страны вынес

¹ Правительственная комиссия пришла к заключению о том, что обычная некомпетентность и халатность официальных властей позволили У. бен Ладену в течение многих лет пребывать в безопасности на территории Пакистана. В то же время документ комиссии затронул ряд важных аспектов. Так, он содержал некоторые указания на отказ пакистанских спецслужб, прежде всего МВР, от какого-либо сотрудничества с правоохранительными органами страны в борьбе с террористами.

² Timeline: Terrorist attacks in Pakistan in May 2011. The Express Tribune [Electronic resource]. – 25 May 2011. – Mode of access: <http://tribune.com.pk/story/175661/timeline-terrorist-attacks-in-pakistan-in-may-2011/> (Accessed 07.03.2015).

³ Kasturi, Bhashyam. General Kayani and the Future of Pakistan / Bhashyam Kasturi // Aakrosh. Asian journal on terrorism and internal conflicts; [ed. Maj. Gen. (Retd.) Afsir Karim]. – July 2011. – Vol. 14. – № 52. – P. 9–22.

вердикт по делу о трех индусских девушках Р. Кумари, А. Кумари и Л. Кумари, которых насильно заставили выйти замуж за мусульманских мужчин и принять ислам. Чтобы выглядеть беспристрастным и справедливым, вначале суд постановил, что женщины свободны в выборе своей судьбы – вернуться в свои семьи, либо жить со своими «мужьями». Однако впоследствии суд проинформировал их семьи о том, что они решили сохранить свои «брачные узы». Члены их семей были лишены возможности встретиться с ними, так называемое «решение» было принято женщинами не в зале суда, а всему судебному процессу недоставало элементарной открытости¹.

Следует отметить, что положение индусов в Пакистане с момента раздела Британской Индии было всегда крайне тягостным. Однако именно процесс исламизации страны, инициированный М. Зия уль-Хаком, спровоцировал всплеск религиозной миграции в соседнюю Индию. Из-за роста числа случаев дискриминации и притеснений представители индусской общины предпочитали оставаться на индийской территории, а не возвращаться в Пакистан по завершении паломничества к святым местам².

В октября 2012 г. международная общественность была потрясена судьбой 15-летней девочки-подростка Малалы Юсуфзай, которая прославилась своей активной борьбой в поддержку женского образования в ее родном дистрикте Сват провинции Хайбер-Пахтунхва. Своей кампанией она бросила вызов пользующимся серьезным влиянием в этом регионе талибам, которые на подконтрольных им территориях вводили запрет на посещения девочками школ. В период, когда Сват находился под непосредственным управлением ТНМШ весной 2009 г., Малала писала статьи и заметки о тяжелом положении жителей ее родного дистрикта при власти талибов для иностранных СМИ. 9 октября 2012 г. в результате нападения боевика она получила серьезные ранения. Ее доставили в больницу в критическом состоянии. Через некоторое время Малала была направлена на лечение в Лондон, где благодаря усилиям британских врачей она смогла выжить³. Трагедия, случившаяся с девочкой-подростком, вызвала неоднозначную реакцию у пакистанской общественности. Несмотря на немалое число сочувствующих (в их числе президент

¹ Joshua, Anita. "Forcibly converted" Hindu women choose to stay with husbands / Anita Joshua // The Hindu. – 25 April 2012.

² Religious intolerance leads to Hindu exodus from Pak // Indian Observer. – № 29. – 1-15 September 2012.

³ Profile: Malala Yousafzai. BBC News, Internet edn. [Electronic resource]. – 10 December 2014. – Mode of access: <http://www.bbc.com/news/world-asia-23241937> (Accessed 15.03.2015).

А.А. Зардари и премьер-министр Р.П. Ашраф) в обществе были и те, кто решительно осуждал Юсуфзай за ее прозападное мировоззрение, рассматривая Малалу в качестве «американского агента». К ее ярым критикам относились, в том числе, и многие образованные и молодые представители среднего класса. При этом такие настроения были распространены не только среди сторонников партии И. Хана Техрик-е-Инсаф. Как и прежде, общество оказалось расколото на прогрессивно мыслящую интеллигенцию и консервативные круги.

2012–2013 гг. прошли под знаком возрастания роли политического ислама. На передний план стала выдвигаться партия ТИ. По мнению пакистанского журналиста Сириллы Алмейды, из-за активной пропагандистской деятельности Имрана Хана, оправдывавшего действия талибов, религиозный экстремизм стал «политическим мейнстримом»¹. Даже если и не соглашаться с такой крайней точкой зрения, нельзя не признавать того, что впервые за время правительственной борьбы с исламским радикализмом в общественных кругах все громче звучала примирительная риторика в отношении Пакистанского движения Талибан.

В ходе предвыборной кампании другая политическая партия ПМЛ(Н) также заявляла о необходимости инициирования переговоров с руководством ТТП, а также прекращения участия страны в войне США с международным терроризмом. Успешное выступление ПМЛ(Н) и ТИ на всеобщих выборах 2013 г. создавали, по мнению некоторых наблюдателей, благоприятные условия для отхода от прежнего курса правительства на бескомпромиссную борьбу с исламскими экстремистами, курса, которого страна неукоснительно придерживалась со времен военного режима П. Мушаррафа².

Влияние роли ислама в электоральном процессе явно ощущалось на выборах 2013 г. Отметим два довольно интересных момента: с одной стороны, в рамках избирательной системы продолжали действовать конституционные положения времен Зия уль-Хака, которые требовали от баллотировавшихся кандидатов адекватного знания ислама и исламского права³; с другой стороны, выборы свидетельствовали о том, что введенная Зия

¹ Almeida, Cyril. The man who sold Pakistan / Cyril Almeida // The Asian Age. – 10 February 2014.

² Borchgrave, Arnaud de. Commentary: Talibanized Pakistan? / Arnaud de Borchgrave // United Press International, Internet edn. [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.upi.com/Top_News/Analysis/de-Borchgrave/2014/01/15/Commentary-Talibanized-Pakistan/66571389785213/ (Accessed 15.03.2015).

³ Laskar R.H. Pak poll scrutiny tests Islam knowledge / R.H. Laskar // The Asian Age. – 4 April 2013.

уль-Хаком система куриального голосования по религиозному принципу была полностью отброшена. Теперь представители религиозных меньшинств голосуют по общим спискам в каждом отдельном избирательном округе, а зарезервированные за ними места в парламенте распределяются между соответствующими кандидатами политическими партиями, получившими наибольшее количество голосов избирателей¹.

Сразу после победы на выборах Н. Шариф обратился к лидеру партии Джамиат улема-е-ислам(С) Сами уль-Хаку, который, как считалось, имел тесные связи с талибами, с предложением выступить в роли посредника и помочь правительству в установлении контактов с ними. В сентябре 2013 г. по итогам Всепартийной конференции основные политические партии приняли резолюцию в поддержку мирной инициативы Шарифа. Согласно заявлению министра внутренних дел страны Чоудхри Нисара Али Хана, стороны уже были готовы приступить к предварительным переговорам в ноябре 2013 г., но их усилия были перечеркнуты убийством лидера пакистанских талибов Хакимуллы Мехсуда в результате атаки американского беспилотника. Следует отметить, что гибель Мехсуда вызвала недовольство среди широких слоев населения страны, превратив его, как посчитали некоторые пакистанские обозреватели, в национального героя и мученика².

Предварительная встреча представителей правительства и Техрик-е Талибан Пакистан состоялась в феврале 2014 г. в Исламабаде. Интересы Талибана представляли не лидеры данного движения, а религиозные деятели. При этом руководство (Шура) Пакистанского движения Талибан воздерживалось от прямых контактов с правительством страны. В ходе встречи были обсуждены параметры дальнейших переговоров. Стороны договорились о прекращении любого рода деятельности, которая может нанести ущерб мирному процессу (т. е. перемирию), и о продолжении дальнейшего диалога в рамках действующей конституции Пакистана. Однако после достигнутых договоренностей ТТП выдвинуло встречные условия³, которые правительство отказалось выполнять. Кроме того, движение отвергало пакистанскую конституцию как «неисламскую».

¹ Minority report: Pak polls open the door a little for non-Sunnis // Hindustan Times. - 16 May 2013.

² Pakistan's militants. Bee sting. The Economist (November 9–15, 2013).

³ Освобождение из тюрем арестованных лиц, не принимавших участие в боевых действиях, вывод правительственных войск из Южного Вазиристана и прекращение убийств задержанных лиц.

Последующее насилие, в том числе казнь экстремистами 23 пакистанских военнослужащих, захваченных в заложники в 2010 г., вынудили власти прервать переговоры¹. Диалог был восстановлен лишь после того, как боевики в очередной раз объявили о перемирии. 26 марта 2014 г. в приграничном с Афганистаном районе состоялся первый раунд прямых переговоров между представителями правительства и руководством ТТП. Таким образом, впервые за годы правительственной борьбы с экстремизмом пакистанские талибы согласились сесть за стол переговоров. Определенный консенсус был достигнут по вопросам о продлении режима перемирия и обмене пленными². В качестве меры укрепления доверия федеральные власти выпустили на свободу 19 лиц, ранее задержанных силами безопасности в ходе антитеррористических операций. Несмотря на это, в середине апреля ТТП отказалось соблюдать режим прекращения огня. Нормальному переговорному процессу между сторонами, а также достижению какого-либо серьезного прогресса препятствовали такие факторы, как отсутствие единства и наличие острых противоречий в рядах пакистанских талибов, непризнание ими конституции страны, а также неприятие мирного диалога со стороны армейского командования Пакистана. Из-за большого числа автономных разрозненных террористических группировок, которые выступают под знаменем ТТП, однако не находятся под контролем его руководства (Шуры), диверсионно-террористические акты происходили и во время действия режима перемирия. В ответ военные продолжали авианалеты по позициям радикалов и операции по поимке боевиков.

8 июня 2014 г. произошел один из крупнейших терактов за последнее время. Боевики совершили нападение на международный аэропорт им. Джинны в г. Карачи. В результате атаки погибло свыше 30 человек. Пакистанское движение Талибан взяло ответственность за теракт. Следует отметить, что интенсификация деятельности боевиков ТТП в Карачи была следствием отмечавшегося в предшествующие годы процесса «талибанизации» города. Так, уже в начале 2013 г. пуштунская националистическая партия Авами нэшнел парти была практически полностью вытеснена из районов своего традиционного влияния боевиками, ассоциирующими себя с Пакистанским движением Талибан. ТТП стало

¹ Tahir, Muhammad. News Analysis: Taliban Attack, conditions halt peace dialogue in Pakistan [Electronic resource]. – 25 February 2014. – Mode of access: <http://balita.ph/2013/02/05/news-analysis-pakistani-taliban-conditions-may-derail-efforts-to-peace-process/> (Accessed 16.03.2015).

² First round of direct talks between govt, TTP concludes // The Dawn, Internet edn. [Electronic resource]. – 26 March 2014. – Mode of access: <http://www.dawn.com/news/1095687> (Accessed 16.03.2015).

представлять серьезную угрозу господству мухаджирской МКМ в городе¹. Группировка укрепляла свои связи с местными экстремистскими суннитскими группами, такими как Лашкар-е Джанги и Джундулла («Солдаты Аллаха»), что приводило к дальнейшему упадку правопорядка в городе. При осуществлении террористических актов упомянутые группировки опирались на взаимную помощь и поддержку².

Вылазка террористов в Карачи в июне 2014 г. полностью перечеркнула все попытки правительства возобновить мирный диалог с ТТП. В ответ пакистанские ВВС осуществили бомбардировку позиций талибов на границе с Афганистаном. Началась подготовка к проведению полномасштабной операции в зоне племен³. 15 июня армейские подразделения были введены в Северный Вазиристан. За более чем двухлетний период военная операция под названием «Зарб-е-Азб» («Разительный удар»⁴) приблизилась к своему логическому завершению. Террористы были вытеснены почти с 90% всей территории агентства, порядка 3500 боевиков были убиты и около 900 укрытий террористов уничтожены. Потери ВС страны составили порядка 490 военнослужащих⁵. В развитие успеха, достигнутого в ходе «Зарб-е-Азб», и в ответ на очередной всплеск террористической активности в феврале 2017 г. была инициирована операция «Рад-уль-Фасаад» («Устранение конфликта»).

16 декабря 2014 г. произошел один из самых кровавых терактов, шокировавших своей жестокостью как пакистанскую, так и международную общественность. Террористы ворвались в военную школу в г. Пешаваре и открыли стрельбу по учащимся. В результате атаки погибло 145 человек, в том числе 132 школьника. В ответ на теракт правительство приняло жесткие меры, заявив о решимости бороться с терроризмом «до победного конца».

Пакистанское руководство отменило семилетний мораторий на смертную казнь для лиц, обвиненных в терроризме. 19 декабря генерал Р. Шариф утвердил смертный приговор для первой группы террористов (6 человек⁶), который был приведен в исполнение

¹ Gayer, Laurent. Karachi: Ordered Disorder and the Struggle for the City / Laurent Gayer. – New Delhi: HarperCollins Publishers India, 2014. – P. 184, 188.

² Yusuf, Huma. The Report on Conflict Dynamics in Karachi / Huma Yusuf // United States Institute of Peace. – 19 October 2012. – P. 17–18.

³ Second attack on Karachi airport ends, no casualties; attackers flee // The Hindustan Times. – 10 June 2014.

⁴ Так назывался меч пророка Мухаммеда.

⁵ 3400 militants killed in Operation Zarb-e-Azb: ISPR // The Express Tribune. – 12 December 2015.

⁶ Примечательно, что пятеро из них причастны к попытке покушения на бывшего президента П. Мушаррафа в 2003 г.

без малейших промедлений. Правительство дало ясно понять террористам, что в борьбе с экстремизмом оно будет придерживаться принципа «око за око». Кроме того, для дальнейшего исполнения судебных решений министерство внутренних дел страны подготовило список из 500 лиц, приговоренных к высшей мере наказания. Всего за 2015 г. были казнены свыше 300 человек. По итогам конференции с участием всех основных политических партий был учрежден специальный комитет для разработки дальнейшего плана действий. Армия усилила наступление на позиции боевиков в племенных районах страны¹.

В январе 2015 г. парламент принял 21-ю поправку к конституции и поправку в закон о пакистанской армии, предусматривающие учреждение специальных судов для рассмотрения дел, связанных с терроризмом. Правительством был введен запрет на 10 военизированных группировок, тесно связанных с Аль-Каидой и Талибаном, в том числе группировку Хаккани (см. подробнее в § 3) и Джамаат-уд-Дава (новое название группировки ЛТ) Х. Саида. Их банковские счета были заморожены². По своему эффекту данные меры напоминали аналогичные действия властей при П. Мушаррафе в самом начале кампании по борьбе с терроризмом. В целом, в последние годы стала отмечаться устойчивая тенденция к снижению количества террористических актов и числа их жертв среди мирного населения и сил безопасности. За 2017 г. от рук террористов погибло 540 мирных жителей и 208 военнослужащих. В 2016 и 2015 гг. данные показатели составили 612 и 293, а также 940 и 339³.

На всем протяжении рассматриваемого периода правительственная борьба против экстремизма то шла на спад в связи с наступлением временного перемирия, то интенсифицировалась с новой силой. Если в начале своего правления правительство ПНП (март 2008 – апрель 2009 гг.) не предпринимало каких-либо

¹ Белокреницкий В.Я. Исламистский радикализм в Пакистане: факторы, циклы и этапы / Белокреницкий В.Я. // Азия и Африка сегодня. – 2016 г. – № 5; Замаараева Н.А. Армия и демократические институты в современном Пакистане / Н.А. Замаараева // Нация и национализм на мусульманском Востоке. – М: ИВ РАН, 2015. – С. 325–326; Taliban's savage offensive a strike too far // Asian Affairs magazine. – January 2015.

² Pandey, Avaneesh. Pakistan Bans Several Taliban And Al Qaeda-Linked Militant Groups, Freezes Bank Accounts / Avaneesh Pandey // Ibtimes, Internet edn. [Electronic resource]. – 22 January 2015. – Mode of access: <http://www.ibtimes.com/pakistan-bans-several-taliban-al-qaeda-linked-militant-groups-freezes-bank-accounts-1791138> (Accessed 18.03.2015).

³ Fatalities in Terrorist Violence in Pakistan 2003–2018 // South Asia Terrorism Portal [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.satp.org/satporgtp/countries/Pakistan/database/casualties.htm> (Accessed 31.01.2018).

решительных мер против террористов, то после возникновения угрозы распространения влияния талибов на новые территории оно возобновило крупномасштабные военные операции в зоне пуштунских племен. Со сменой власти по итогам выборов 2013 г. новый премьер Н. Шариф в соответствии со своей предвыборной программой вначале придерживался линии на достижение примирения с ТТП. Однако, разочаровавшись в скором времени в переговорном процессе, руководство страны отказалось от курса на решение проблемы терроризма мирными средствами и вернулось к прежней стратегии ведения боевых действий против талибов в племенных районах. Как и прежде, на деле это означало лишь борьбу с теми террористами, которые представляют непосредственную угрозу пакистанской государственности. В то же время правительство никоим образом не препятствовало деятельности кашмирских джихадистских группировок и афганских талибов, осуществлявших диверсионные акты с пакистанской территории и пользовавшихся покровительством МВР.

События первой половины 2016 г. были свидетельством того, что давняя история с реформированием Уголовного кодекса страны (зияльхаковских поправок о богохульстве), сопровождавшаяся чередой трагических событий и острых общественных дискуссий, еще не завершена. 28 февраля 2016 г. был приведен в исполнение смертный приговор, вынесенный М. Кадри, убийце губернатора Пенджаба Салмана Тасира. Вслед за сообщением о смерти Кадри по стране прокатилась волна протестов. Церемония поминовения преступника 27 марта переросла в масштабную антиправительственную демонстрацию с участием активистов правоконсервативных партий Сунни Техрик и Техрик-е-Лаббаик Пакистан¹ в самом центре Исламабада. Протестующие выдвинули правительству целый ряд требований. Среди них признать М. Кадри мучеником, а его тюремную камеру сделать объектом культурного наследия, освободить на безоговорочной основе из-под стражи всех суннитских клерикалов и лидеров, арестованных по обвинению в терроризме и убийствах, предоставить гарантии, что власти не будут вносить поправки в положения Уголовного кодекса о богохульстве, привести в исполнение судебный приговор в отношении А. Биби и других лиц, обвиненных в богохульстве, отстранить от ключевых постов в госструктурах представителей ахмадийской общины и выслать их из страны. После того, как власти согласились с некоторыми из требований (отказ от внесения

¹ Исламистская политическая партия была учреждена 1 августа 2015 г. религиозным деятелем Хадимом Хуссейном Ризви в целях защиты исламских ценностей. Костяк партии составляют представители суннитской школы Барельви.

поправок в закон о богохульстве и от помилования лиц, осужденных за данное преступление, освобождение из-под стражи ранее задержанных демонстрантов, не причастных к насилию, пересмотр судебных решений в отношении богословов, обвиненных в терроризме, пересмотр утвержденного правительством списка лиц, подозреваемых в связях с террористическими группировками и находящихся под пристальным наблюдением полиции и др.) протестующих, организаторы объявили о прекращении антиправительственного марша. Тем не менее, в очередной раз религиозные партии и их сторонники сумели напомнить гражданским властям об опасных последствиях любых попыток правительства реформировать Уголовный кодекс и отменить зияульхаковские поправки к закону о богохульстве.

Очередному прессингу со стороны правоконсервативных партий правительство ПМЛ(Н) подверглось в связи с принятием в октябре 2017 г. закона о выборах, в соответствии с которым наряду с другими поправками предполагалось изменение фразы, отсылающей к «хатм-е-набувват» (кораническое провозглашение пророка Мухаммада «печатью пророков»), и смягчение ее формулировки в тексте документа о выдвижении кандидата. Данное изменение вызвало волну критики у общественности страны. Для того, чтобы успокоить общественные настроения, правительство назвало упомянутую правку «канцелярской ошибкой» и обеспечило принятие парламентом нового законопроекта о выборах, который восстанавливал прежний текст, связанный с «хатм-е-набувват». Несмотря на это, 6 ноября исламистские партии Сунни Техрик и Техрик-е-Лаббаик Пакистан организовали сидячую демонстрацию «дхарну» в пригороде Равалпинди – Фаизабаде, мобилизовав, по разным оценкам, до четырех тысяч сторонников. Протестующие потребовали от правительства отправить в отставку министра юстиции Захида Хамида, виновного, по их мнению, в изменении формулировки клятвы, а также найти и наказать всех остальных причастных к этому лиц. Опасаясь обострения внутренней обстановки, кабинет министров долго не шел на уступки и попытался спустя три недели после начала акции силой разогнать протестующих. В результате столкновения полиции с демонстрантами свыше 200 человек получило ранения.

К концу ноября волнения распространились на другие районы страны: крупные демонстрации исламистов прошли в Панджабе, Синде, Белуджистане, провинции Хайбер-Пахтунхва и на территории Кашмира, подконтрольной Пакистану. Из-за неспособности МВД справиться с протестным движением правительство, как и при аналогичной ситуации во второй половине 2014 г.,

обратилось за помощью к армии. Вооруженные силы страны, воздержавшись от участия в разгоне демонстрантов, взяли под охрану важнейшие объекты столицы. В очередной раз на фоне дестабилизации ситуации политический вес генералитета как главного посредника в урегулировании конфликта в значительной степени возрос. Под нажимом военных правительство пошло на выполнение требований исламистов. Среди прочих уступок — отставка министра юстиции З. Хамида, освобождение в течение 3 дней задержанных участников дхарны и закрытие уголовных дел против них. Вслед за этим протестные выступления исламистов пошли на спад. В результате, в выигрыше оказались две силы: военные, подтвердившие свое решающее влияние, и исламисты, продемонстрировавшие свою силу и скоординированность действий. За чрезмерную уступчивость правительство подверглось острой критике со стороны оппозиционных сил и общественности страны. Исламисты «вошли во вкус» в плане достижения своих целей путем организации беспорядков. Руководство религиозной партии Джамаат-е Ислами анонсировало на 10 декабря 2017 г. проведение марша из Территории племен федерального управления (ТПФУ) на Исламабад в знак протеста против задержки процесса интеграции ТПФУ в провинцию Хайбер-Пахтунхва¹.

С учетом вышеизложенного вывод напрашивается сам собой. Религиозные партии и организации при сохранении нестабильной обстановки внутри страны на современном этапе способны укрепить свои позиции на политической арене и в представительных органах власти по результатам предстоящих парламентских выборов 2018 г. Для того, чтобы перетянуть к себе значительную часть электората, отдельные исламистские партии готовы выступать единым фронтом в рамках альянса наподобие ММА (Муттахида Маджлис-е-Амаль), существовавшего в 2002—2007 гг. В случае

¹ Еще во времена Британской Индии территория пуштунских племен обладала особым статусом в соответствии с соглашениями, заключенными между британской администрацией и племенными вождями. После образования Пакистана район вошел в состав нового государства, однако на условиях широкой автономии под непосредственным управлением президента страны и при сохранении политического господства племенных вождей. На сегодняшний день Территория племен федерального управления (ТПФУ) обособлена от национальной правовой и судебной системы и сталкивается с многочисленными социально-экономическими вызовами. Разговоры о необходимости проведения административной реформы ТПФУ в целях решения существующих проблем ведутся уже очень давно. Идея реформы поддерживается практически всеми основными политическими силами. В ноябре 2015 г. правительством был учрежден Комитет по реформам ТПФУ. В феврале 2017 г. Комитет представил свои рекомендации относительно реформирования зоны пуштунских племен, которые предполагают слияние Территории с провинцией Хайбер-Пахтунхва. В марте данные рекомендации были одобрены кабинетом министров.

благоприятного для правоконсервативного крыла исхода выборов неизбежным будет усиление вновь набирающего обороты процесса исламизации общественно-политической жизни Пакистана.

§ 3. Пакистано-индийские и пакистано-афганские отношения

Знаменательными событиями мирового значения, которые совпали по времени с очередным периодом конституционно-парламентской демократии в Пакистане, стали вывод основной части войск международной коалиции и формальное завершение военной операции в Афганистане. В сложившейся обстановке значимость Исламабада как крупнейшего регионального игрока возростала еще сильнее. У Пакистана появились дополнительные возможности усилить свое влияние в соседнем государстве и добиться реализации своего давнего курса на обеспечение стратегической глубины как военными, так и дипломатическими методами. Благоприятными были и условия для диверсификации и расширения страной своих зарубежных контактов, что делало совершенно неизбежным процесс трансформации ее внешнеполитического курса. Снижение присутствия США в регионе АфПак (термин получил распространение с конца 2000-х гг.) привело к появлению некоего геополитического вакуума, который мог быть заполнен другими весомыми международными игроками.

Неудивительно в этой связи дальнейшая интенсификация многопланового сотрудничества между КНР и Пакистаном и складывание качественно нового формата взаимодействия между Москвой и Исламабадом. Статус страны как ключевого игрока, без активного участия которого невозможно добиться приоритетных в понимании мирового сообщества как политических (урегулирование конфликта в Афганистане), так и экономических (реализация проекта ТАПИ, создание экономического коридора КНР – Пакистан) целей, позволил ей укрепить свои позиции на различных региональных и международных площадках. Знаменательное в этом плане событие – присоединение Пакистана в качестве полноправного члена к такой крупнейшей региональной организации на евразийском пространстве, как Шанхайская организация сотрудничества. Тем не менее, следует подчеркнуть, что, несмотря на изменение общей международной обстановки и складывание новых геополитических реалий, стратегическая линия Исламабада в отношении Индии и Афганистана в целом оставалась той же, что и прежде.

Как и раньше, пакистанская Межвидовая разведка при попустительстве гражданских властей реализовывала зияульхаковскую

стратегию ведения диверсионно-террористической войны на индийском направлении. Военная разведка оказывала всяческую поддержку исламистским группировкам, воюющим в Кашмире и осуществляющим теракты в различных городах страны. Одним из крупнейших стало нападение террористов на г. Мумбаи 26–29 ноября 2008 г. Боевики захватили и удерживали несколько гражданских объектов в индийском городе Мумбаи. Жертвами теракта стали около 200 человек. Число раненых, по разным данным, достигло 500 человек. Нью-Дели обвинил Исламабад в поддержке групп боевиков, совершивших нападение. В начале декабря 2008 г. пакистанские власти арестовали семерых человек (в том числе Заки ур-Рехмана Лакхви – одного из лидеров группировки Лашкар-е-Тайба) по подозрению в организации мумбайского теракта¹. Однако официальный Исламабад отказывался передавать террористов индийским властям, настаивая на собственном расследовании. Контакты между официальными лицами двух стран были прерваны. Оба государства привели свои войска в боевую готовность и стянули их вдоль своих границ. В те дни в местных пакистанских СМИ появилась информация о том, что «ядерные соседи» были на грани четвертого военного конфликта. Правительство Индии приостановило дипломатические связи с Пакистаном².

Атака на Мумбаи негативно сказалась на процессе нормализации индийско-пакистанских отношений. Примечательно, что, согласно одному из распространенных мнений, незадолго до теракта премьер-министр Индии Манмохан Сингх и президент Пакистана Асиф Али Зардари были готовы достичь соглашения по кашмирскому вопросу, однако генерал А. П. Кияни был «серьезным препятствием» на пути к достижению компромисса: он был категорично против какого-либо мирного урегулирования кашмирской проблемы. Атака на г. Мумбаи, которая поставила крест на перспективе подписания соответствующего индийско-пакистанского соглашения, была на руку армии, заинтересованной в сохранении напряженности в отношениях между двумя странами³. Кроме того, известный пакистанский журналист

¹ Shah, Saeed. Pakistan arrests suspected mastermind of Mumbai attacks / Saeed Shah // The Guardian. – 8 December 2008.

² Замараева Н.А. Пакистан-Индия: Противоречия и вызовы процессу нормализации отношений / Н.А. Замараева // Индия: перспективы современного развития, внутренний, региональный и глобальный аспекты; [под ред. Т.Л. Шаумян, В.П. Кашина, Н.Б. Лебедевой, Т.О. Свиначук, С.Л. Рабей]. – М.: ИВ РАН, 2013. – С. 427.

³ 26/11 derailed Kashmir deal: WikiLeaks // India Today, Internet edn. [Electronic resource]. – February 2011. – Mode of access: <http://indiatoday.intoday.in/story/>

Салим Шахзад в своей книге «По ту сторону бен Ладена и событий 11 сентября: внутренняя сторона Талибана и Аль-Каиды» (*Beyond Bin Laden and 9/11: Inside the Taliban and Al Qaeda*) утверждал, что план теракта 26 ноября 2008 г. в Мумбаи первоначально разрабатывался МВР, однако, затем военная разведка отказалась от него. Впоследствии бывший майор пакистанской армии и боевик Лашкар-е-Тайба Харун Ашик занялся разработкой данного диверсионно-террористического акта, взяв на себя ответственность за его логистическую поддержку¹.

Ноябрьский теракт 2008 г. в г. Мумбаи привнес высокую степень напряженности в отношениях между Индией и Пакистаном. Встречи на высшем уровне между Пакистаном и Индией были прерваны. Диалог был восстановлен лишь спустя много месяцев – 16 июня 2009 г., когда в рамках очередного саммита ШОС в г. Екатеринбурге состоялась рабочая встреча между президентом Пакистана А.А. Зардари и премьер-министром Индии М. Сингхом. Хотя индийское руководство и не признало конкретных результатов Исламабада в деле расследования теракта, тем не менее, в принципиальном плане стороны подтвердили необходимость возобновления контактов на официальном уровне. В начале 2010 г. стали обозначаться перспективы возобновления комплексного диалога по всему спектру актуальных проблем. В конце февраля 2010 г. в Нью-Дели прошли официальные переговоры на уровне заместителей министров иностранных дел Пакистана и Индии Салмана Башира и Нипурамы Рао. По окончании переговоров не было принято какого-либо совместного заявления, но в то же время было заявлено о возможности встречи премьер-министров Индии и Пакистана на саммите СААРК в Тхимпху – столице Бутана – в апреле 2010 г. Для Исламабада и Нью-Дели был важен сам факт возобновления контактов на официальном уровне, который означал «новый отсчет» во взаимоотношениях между Пакистаном и Индией².

В ходе встречи премьер-министров двух стран на саммите СААРК в Бутане был достигнут серьезный прорыв. Стороны

wikileaks-zardarisingh-had-common-consent-on-kashmir-pact/1/128878.html (Accessed 20.03.2015).

¹ Kasturi, Bhashyam. General Kayani and the Future of Pakistan / Bhashyam Kasturi // AAKROSH (Asian journal on terrorism and internal conflicts); [ed. Maj. Gen. (Retd.) Afsir Karim]. – Vol. 14. – № 52. – July 2011. – P. 9–22.

² Замараева Н.А. Пакистан-Индия: Противоречия и вызовы процессу нормализации отношений / Н.А. Замараева // Индия: перспективы современного развития, внутренний, региональный и глобальный аспекты; [под ред. Т.Л. Шаумян, В.П. Кашина, Н.Б. Лебедевой, Т.О. Свиначрук, С.Л. Рабей]. – М.: ИВ РАН, 2013. – С. 428–429.

договорились о возобновлении двустороннего комплексного диалога, прерванного сразу после мумбайского теракта 2008 г. Очередная встреча глав правительств прошла во время визита в г. Мумбаи премьер-министра Ю. Р. Гилани, приглашенного на матч по крикету между сборными Индии и Пакистана в марте 2011 г. Таким образом, была продолжена традиция так называемой «крикетной дипломатии», начало которой было положено еще при военном режиме М. Зия уль-Хака¹. В повестку дня встречи был включен широкий спектр вопросов, в том числе кашмирская проблема. Одновременно был возобновлен диалог по линии министерств внутренних дел двух стран².

Несмотря на постепенное ослабление напряженности, в мае 2011 г. между войсками двух стран произошли столкновения на границе, спровоцированные убийством индийского военнослужащего. В мае 2011 г. прошли переговоры замминистров обороны Индии и Пакистана по вопросу о статусе ледника Сиачен в горной системе Каракорум недалеко от Линии контроля. Ранее стороны неоднократно высказывались о необходимости вывода индийских и пакистанских войск с данной территории, большая часть которой находится под контролем Индии с момента проведения в 1984 г. операции «Мегхдут»³. Тем не менее, по итогам переговоров так и не была достигнута договоренность о демилитаризации данного района. Из-за общей атмосферы недоверия вопрос о статусе Сиачена продолжает оставаться неразрешенным и по сей день. И даже трагедия апреля 2012 г.⁴ не сумела переломить ход переговорного процесса.

В качестве меры, направленной на нормализацию отношений между двумя государствами, в ноябре 2011 г. на заседании кабинета министров Пакистана было принято решение о предоставлении Индии режима наибольшего благоприятствования (НБ)⁵. Данная

¹ В 1987 г. генерал-президент М. Зия уль-Хак прибыл в индийский г. Джайпур для присутствия на крикетном матче сборных двух стран. Его визит способствовал ослаблению напряженности в отношениях между двумя странами.

² Yousaf Raza Gilani says he discussed all “outstanding” issues with Manmohan Singh // DNA News [Electronic resource]. April 2, 2011. – Mode of access: <http://www.dnaindia.com/world/report-yousaf-raza-gilani-says-he-discussed-all-outstanding-issues-with-manmohan-singh-1527402> (Accessed 22.03.2015).

³ Mukherjee, Kritivas, Bendern, Paul De. Siachen focus of India, Pakistan talks / Kritivas Mukherjee, Paul De Bendern // Reuters, Internet edn. [Internet resource]. – Mode of access: <http://in.mobile.reuters.com/article/idINIndia-57368220110530?irpc=932> (Accessed 22.03.2015).

⁴ В результате схода снежной лавины погибло свыше 100 пакистанских военнослужащих.

⁵ Пакистану был предоставлен режим наибольшего благоприятствования в торговле с Индией в 1996 г.

процедура растянулась на неопределенное время. Преференциальный доступ на пакистанский рынок не был предоставлен Индии в предусмотренные сроки. Однако Пакистан осуществил переход от режима со списком разрешенных для импорта товаров (менее 2000 наименований) к более узкому списку запрещенных товаров (1209). Считалось, что промедление в исполнении правительственного решения обусловлено позицией армейской верхушки, которая рассматривала режим НБ как серьезную уступку Индии, недопустимую в условиях нерешенности кашмирской проблемы. Аналогичная ситуация возникла вокруг пакистано-индийского соглашения о либерализации визового режима, который, в конце концов, был подписан во время очередной встречи министров иностранных дел двух стран в сентябре 2012 г.¹

Несмотря на усилия гражданских властей по укреплению мер доверия, пакистанская армия, как и прежде, продолжала осуществлять диверсионно-подрывную стратегию на индийском направлении. В этом плане примечательной является интенсификация взаимодействия страны в военной сфере с ее ближайшим стратегическим партнером КНР. Начиная с 2009 г. Кяни успешно консолидировал оперативную деятельность пакистанской и китайской армий в северном Кашмире. Тем самым, их двустороннее сотрудничество вышло за рамки стратегической поддержки и оказания технической помощи. В марте 2010 г. главнокомандующий сухопутными войсками генерал Индии Виджай Кумар Сингх говорил о присутствии 3,5–4 тыс. военнослужащих Народно-освободительной армии Китая на территории Кашмира, подконтрольной Исламабаду. В 2011 г. здесь были проведены совместные пакистано-китайские военные учения Шахин – 1 и 2².

С января по октябрь 2013 г. были неоднократные случаи нарушения режима прекращения огня Пакистаном и Индией на Линии контроля. Как и прежде, стороны прибегали к взаимным обвинениям в провоцировании перестрелок. По некоторым данным, в результате пограничных столкновений с индийской стороны погибло 12 военнослужащих и 1 мирный житель, а с пакистанской стороны – 9 военнослужащих и 6 мирных жителей³. Для урегулирования пограничных инцидентов в декабре 2013 г. была

¹ См. подробнее: India, Pak sign new liberalized visa agreement // Hindustan Times. – 8 September 2012.

² Sawhney, Praveen. The many faces of Kayani effect / Praveen Sawhney // The Pioneer. – 24 October 2013.

³ Tiwary, Deeptiman. India's tough posture on border has been in place since June / Deeptiman Tiwary // The Times of India. – 9 October 2014.

проведена встреча начальников управления военными операциями двух государств.

Значительное влияние на состояние двусторонних отношений оказывал такой немаловажный фактор, как внутривосточная ситуация в Пакистане. Как уже упоминалось, в мае 2013 г. к власти в результате парламентских выборов пришел Н. Шариф. Еще в период предвыборной кампании Шариф подчеркивал необходимость урегулирования всех существующих спорных вопросов посредством диалога и установления дружественных отношений с Индией¹. На следующий день после церемонии инаугурации Н. Шариф направил в Нью-Дели своего спецпосланника Шахрияра Хана, ответственного за «тайные переговоры», для обсуждения перспектив возобновления диалога. Незадолго до этого состоялись визит индийского спецпосланника С.К. Ламбы в г. Исламабад и встреча министра иностранных дел Индии Салмана Хуршида и советника премьер-министра Пакистана Сартаджа Азиза на полях саммита АСЕАН в Брунее².

Однако, как только премьер-министр Н. Шариф в одном из своих первых заявлений объявил о примирении с Индией, пакистанская армия в очередной раз нарушила режим прекращения огня вдоль Линии контроля. Все это предпринималось для срыва мирных инициатив нового премьера. В связи с этим следует отметить, что и предшественники Шарифа на посту (от партии ПНП), несмотря на их открытое желание установить дружественные отношения с Индией, никак не могли противодействовать влиянию армии на внешнеполитический курс страны в отношении Нью-Дели. Согласно мнению экспертов, Шариф не может перешагнуть через «линию», установленную армией в отношении страны с ее «южным соседом».

Тем не менее, первая встреча глав правительств обоих государств состоялась на полях 68-й сессии Генассамблеи ООН. В ходе переговоров была достигнута договоренность о необходимости снижения напряженности вдоль Линии контроля и выработки эффективных мер по восстановлению режима прекращения огня. Несмотря на примиренческую риторику, на самой Генассамблее Н. Шариф не упустил возможность в своем выступлении упомянуть

¹ По мнению экспертов, такая позиция была обусловлена стремлением решить острые экономические проблемы, стоящие перед страной, что представляется возможным при условии существенного расширения взаимного товарооборота между двумя государствами.

² Tuteja, Ashok. To bolster ties, Sharif sends envoy to India / Ashok Tuteja // The Tribune. – 5 July 2014.

об остающейся до сих пор нерешенной кашмирской проблеме¹. Все это свидетельствовало о том, что новая власть не была готова отойти от своего традиционного подхода к данному вопросу.

В мае 2014 г. с приходом к власти в Индии лидера партии БДП Нарендра Моди многие эксперты рассчитывали на потепление в отношениях между двумя государствами и прорыв в переговорном процессе². В качестве жеста доброй воли новый премьер пригласил на церемонию своей инаугурации главу пакистанского правительства. Считается, что начальник генштаба армии Р. Шариф выступал против принятия Шарифом данного приглашения. Помощник премьер-министра по национальной безопасности и международным делам С. Азиз приложил много усилий, чтобы убедить генерала смягчить свою позицию. В преддверии визита Шарифа в Нью-Дели пакистанское правительство приняло решение об освобождении из тюрем порядка 150 индийских заключенных³.

В скором времени стороны договорились о проведении встречи замминистров иностранных дел в августе 2014 г. Однако незадолго до данного мероприятия посол Пакистана в Индии Абдул Басит провел консультации с лидерами сепаратистского движения Кашмира – Всепартийной конференции Хуррият⁴, чем спровоцировал крайне негативную реакцию официального Дели. Масло в огонь подливала напряженная обстановка вдоль Линии контроля – новые случаи нарушения режима прекращения огня. В ответ индийское правительство отменило встречу представителей внешнеполитических ведомств двух стран⁵. Все это привело к сворачиванию двусторонних контактов. Вопреки всем надеждам в рамках саммита СААРК в г. Катманду в конце ноября 2014 г. главы правительств Индии и Пакистана воздержались от двусторонней встречи. Кроме того, на общем заседании глав государств СААРК пакистанская делегация воспрепятствовала

¹ Roche, Elizabeth. Manmohan Singh, Nawaz Sharif agree to work towards LoC ceasefire / Elizabeth Roche // Live Mint [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.livemint.com/Politics/feWvRsDvOjtme6Hi2BDkxj/Manmohan-Singh-set-to-meet-Nawaz-Sharif-in-New-York.html> (Accessed 24.03.2015).

² К слову стоит напомнить, что один из высокопоставленных лидеров БДП А.Б. Ваджпай в бытность премьер-министром Индии имел хорошие личные отношения с Н. Шарифом. В тот момент между сторонами была подписана Лахорская декларация, значение которой, однако, было перечеркнуто последовавшим Каргильским вооруженным конфликтом.

³ Pakistan releases Indian fishermen, Sri Lanka to follow // The Indian Express. – 25 May 2014.

⁴ Сформированный в 1993 г. альянс 26 местных политических, общественных и религиозных организаций.

⁵ Samanta P.D. Line of No Control / P.D. Samanta // India Today. – 1 September 2014.

принятию предложений индийской стороны, направленных на укрепление региональных связей в рамках данного интеграционного объединения¹.

Так как очередной всплеск напряженности в отношениях двух стран совпал по времени с обострением внутривосточного кризиса в самом Пакистане, то некоторые специалисты увязывали ужесточение позиции официального Исламабада по отношению к Индии с шатким положением гражданского правительства Шарифа. В условиях острого противоборства с оппозицией Шариф был вынужден идти на уступки генералитету по многим стратегически важным вопросам с тем, чтобы удержаться у власти².

В сложившихся условиях «крикетная дипломатия» вновь оказалась удобным форматом для диалога. Незадолго до начала Мирового кубка по крикету первый замминистра иностранных дел Индии Субраманьям Джаяшанкар совершил турне по странам СААРК в марте 2015 г. В ходе его визита в г. Исламабад было принято решение о принятии мер по нормализации двусторонних отношений. На этом фоне знаменательной стала очередная после долгого перерыва встреча лидеров двух государств – Н. Моди и Н. Шарифа – на полях саммита ШОС в г. Уфе 11 июля 2015 г. Тем не менее, запланированные на август 2015 г. переговоры на уровне советников по национальной безопасности Индии и Пакистана так и не состоялись. В преддверии упомянутого мероприятия Нью-Дели в качестве предварительных условий его проведения попытался добиться от Исламабада заверений в том, что предстоящая дискуссия будет затрагивать только проблему терроризма и что С. Азиз воздержится от встреч с представителями Кашмирского сепаратистского движения Хуррият. Такие условия оказались неприемлемыми для пакистанской стороны.

Дальнейший ход событий свидетельствовал о некотором потеплении в двусторонних отношениях. Встреча Н. Моди и Н. Шарифа на полях международного климатического саммита в г. Париже 1 декабря 2015 г. создала благоприятные условия для возобновления диалога. 7 декабря в Бангкоке прошли переговоры советников по национальной безопасности двух стран Аджита Довала и Нассера Хана Джанджуа. Практически одновременно состоялся визит министра иностранных дел Индии Сушмы Свардж в г. Исламабад для участия в международной конференции

¹ No India-Pak talks during SAARC summit as PM Modi rebuffs Sharif // The Times of India. – 28 November 2014.

² Ratnayake K. Pakistani military intervenes in political crisis / K. Ratnayake // World Socialist Web Site [Electronic resource]. – 30 August 2014. – Mode of access: <http://www.wsws.org/en/articles/2014/08/30/paki-a30.html> (Accessed 28.03.2015).

по Афганистану. По итогам ее встречи с советником премьер-министра Пакистана по международным делам С. Азизом было принято решение восстановить комплексный диалог в новом формате «всеобъемлющего двустороннего диалога» с обсуждением широкого круга вопросов. В конце 2015 г. по завершении визита в Афганистан на обратном пути из Кабула самолет индийского премьер-министра Н. Моди совершил кратковременную остановку в г. Лахоре, где он присутствовал в качестве почетного гостя на свадьбе дочери Н. Шарифа. Впервые с 2004 г. пакистанская сторона приняла у себя индийскую делегацию такого высокого уровня. Несмотря на террористическую атаку боевиков на базу ВВС Индии в Патханкоте (штат Пенджаб) в январе 2016 г.,¹ открытый канал связи между сторонами сохранялся. В марте 2016 г. состоялись встречи первых замминистров иностранных дел двух государств.

Летом 2016 г. отношения между Индией и Пакистаном обострились с новой силой в связи с началом массовых беспорядков, охвативших индийский штат Джамму и Кашмир, непосредственным поводом к которым послужило убийство индийскими спецслужбами в ходе спецоперации одного из полевых командиров военизированной группировки Хизб-уль-Муджахеддин Бурхана Вани. Официальный Нью-Дели обвинил Пакистан в поддержке протестного движения в штате. В сентябре напряженность достигла точки кипения, когда боевики совершили нападение на военную базу индийских вооруженных сил в городе Ури (недалеко от Линии контроля), в результате которого погибло 19 военнослужащих. В ответ индийские войска нанесли «точечные» удары по базам террористов на подконтрольной Пакистану территории Кашмира, что спровоцировало волну недовольства со стороны Исламабада. Пакистанский министр обороны Хаваджа Мухаммад Асиф пригрозил Нью-Дели применением тактического оружия в случае, если национальной безопасности страны будет брошен вызов². В связи с очередным ростом напряженности в двусторонних отношениях Индия бойкотировала 19-й саммит СААРК в Исламабаде, проведение которого из-за позиции других стран-участниц было отложено на неопределенный срок.

По состоянию на январь 2018 г. обстановка в штате Джамму и Кашмир не нормализовалась: из-за диверсионных вылазок

¹ В результате теракта погибло семиро военнослужащих и один мирный житель.

² Pakistan Defence Minister says open to using 'tactical devices' against India // The Indian Express [Electronic resource] - Mode of access: <http://indianexpress.com/article/world/world-news/pakistan-defence-minister-khawaja-muhammad-asif-says-open-to-using-tactical-devices-against-india-3055434/> (Accessed 21.01.2017).

боевиков и регулярных столкновений между силами безопасности и протестующими в регионе продолжает действовать режим комендантского часа. Принципиальность позиций Индии и Пакистана по кашмирскому вопросу препятствует совместному поиску выхода из сложившегося кризиса и путей снижения напряженности в двусторонних отношениях.

В период пребывания у власти гражданских правительств ПНП и ПМЛ(Н) (2008–2017 гг.) внешнеполитический курс страны на индийском направлении оставался крайне противоречивым. С одной стороны, гражданские власти предпринимали усилия по урегулированию всех спорных вопросов посредством комплексного диалога. С другой стороны, за свою «чрезмерную уступчивость» в отношениях с Нью-Дели они становились объектами острой критики и жесткого давления со стороны оппозиции, в особенности правоконсервативных партий, и армии, которые не были готовы предать интересы страны в кашмирском вопросе. Как и прежде, Межвидовая разведка поддерживала тесные контакты и оказывала всяческое содействие большому числу экстремистских группировок, таких как Лашкар-е-Тайба, Джайш-е Мухаммад, Хизб-уль-Муджахеддин, которые продолжали вести «священный джихад» против Индии.

Как и в прежние годы, внешнеполитический курс Пакистана на афганском направлении определяли следующие основные цели: уменьшение индийского влияния в Афганистане; включение представителей афганского Талибана в правительство страны; решение давнего пограничного вопроса. Все это, безусловно, негативно сказывалось на отношениях Исламабада с официальным Кабулом. Тем не менее, кабульское правительство сознавало, что ее «южный сосед» является одним из ключевых участников процесса внутриафганского примирения, и стремилось поддерживать с ним контакты на высшем уровне. Так, президент Афганистана Хамид Карзай принял участия в церемонии инаугурации А.А. Зардари в сентябре 2008 г., несмотря на такие мрачные события, предшествовавшие его визиту и способные привнести напряженность в отношения двух стран, как попытка покушения на самого президента в апреле и взрыв рядом с индийским посольством в Кабуле в июле. При этом афганские власти обвинили пакистанскую МВР в причастности к данным терактам¹.

Стремление Карзая установить деловые отношения с правительством Гилани было обусловлено, прежде всего,

¹ Gall, Carlotta, Wafa, Abdul Waheed. Afghan President Welcomes Policies of New Pakistani Leader / Carlotta Gall, Abdul Waheed Wafa // The New York Times. – 12 September 2008.

необходимостью диалога с афганскими талибами, который был попросту невозможен без поддержки со стороны пакистанских властей. Официальный Исламабад, в особенности пакистанский генералитет, был недоволен попытками западных союзников установить контакты с талибами «за их спиной». По его мнению, роль «примирителя» должна быть отведена исключительно Пакистану. Именно поэтому страна пыталась воспрепятствовать любому диалогу между Кабулом и афганскими талибами без ее участия. В 2009 г., когда движение Талибан предприняло попытку проведения встречи с братом Карзая в г. Кандагаре, МВР арестовала их посредника – заместителя М. Омара муллу Абдулу Гани Барадара, обвинив его в шпионаже на американцев. Спустя уже год (в феврале 2010 г.) Барадар был повторно арестован в Карачи и с того момента содержался пакистанской военной разведкой под арестом в конспиративной квартире¹. Одновременно ключевые лидеры Талибана, пребывавшие на территории Пакистана, ушли в подполье. В результате широких арестов боевиков переговоры между официальным Кабулом и Талибаном были приостановлены. Х. Карзай обвинил Исламабад в саботировании любых попыток афганцев наладить диалог с талибами. Со своей стороны пакистанские власти дали понять Карзаю, что, если он рассчитывает на сотрудничество с Пакистаном, ему следует закрыть генконсульства Индии в гг. Кандагаре и Джалалабаде и тем самым ослабить индийское влияние в Афганистане (подробности изложены ниже). В ноябре 2012 г. под давлением афганских властей и администрации США Исламабад инициировал процесс освобождения из-под стражи ранее арестованных боевиков движения. В сентябре 2013 г. на свободу был выпущен А. Г. Барадар, на чем прежде неоднократно настаивали кабульские власти².

Серьезным ударом по внутриафганскому переговорному процессу стало убийство в сентябре 2011 г. террористом-смертником бывшего афганского президента и председателя Высшего совета мира Афганистана, специально учрежденного для налаживания диалога с Талибаном, Бурхануддина Раббани. Кабул обвинил Исламабад в причастности к данному преступлению. Так, афганские спецслужбы располагали доказательствами того, что покушение

¹ Rashid, Ahmed. Pakistan on the Brink: The Future of America, Pakistan, and Afghanistan / Ahmed Rashid. – New Delhi: Penguin Books, 2012. – P. 115.

² Решение об освобождении Барадара было принято в тот момент, когда правительство Н. Шарифа готовилось к диалогу с ТТП. Это было своего рода вынужденным шагом, так как афганские спецслужбы держали под арестом одного из лидеров ТТП Маули Факира Мухаммада – ключевого посредника в установлении контактов между этой экстремистской группировкой и пакистанскими властями.

на Раббани планировалось на территории Пакистана с участием МВР¹. Смерть бывшего афганского президента содействовала дальнейшему расколу афганского общества и резкому обострению межэтнических противоречий, что полностью отвечало интересам Исламабада. Так, сторонники Раббани (этнический таджик) с недоверием относились к афганскому Талибану и противились идее проведения каких-либо мирных переговоров. Они возлагали вину за убийство своего лидера на Карзая. В день похорон они организовали антиправительственные демонстрации протеста². Сложившаяся ситуация вызывала опасения и у другой крупной этнической группы – хазарейцев (шиитов по вероисповеданию), остерегавшихся сближения кабульского режима с талибами и установления «пуштунского» господства.

Другой немаловажный аспект пакистано-афганских отношений – пограничная проблема и проблема беженцев. Следует отметить, что в силу географических и исторических особенностей граница между двумя государствами с самого момента образования Пакистана была фактически «открытой», что позволяло жителям приграничных районов беспрепятственно проникать на территорию соседней страны. Как упоминалось ранее, с началом вооруженного конфликта в Афганистане большой поток афганских беженцев хлынул в Пакистан. Новая волна мигрантов была вызвана военной операцией США по свержению режима талибов в 2001 г. Согласно докладу Верховного комиссара ООН по делам беженцев, численность беженцев (преимущественно афганцев), проживающих на территории данной страны, составляет по данным на 2017 г. порядка 1,45 млн человек³. С проблемой беженцев тесно связаны такие негативные социальные явления, как рост наркооборота и расширение контрабандной торговли. По оценке Представительства ООН по проблемам наркотиков и преступности, в 2013 г. около 6,7 млн пакистанцев потребляли запрещенные вещества, из них 4,25 млн человек считались наркозависимыми, а объем наркоторговли составлял 2 млрд долл. США в год⁴. Что касается

¹ Joshua, Anita. Clear evidence of ISI hand in Rabbani murder: Kabul / Anita Joshua // The Hindu. – 3 October 2011.

² AFGHANISTAN: Protests break out at former president's funeral // Los Angeles Times, Internet edn. [Electronic resource]. – 23 September 2011. – Mode of access: http://latimesblogs.latimes.com/world_now/2011/09/afghanistan-protests-break-out-at-former-presidents-funeral.html (Accessed 31.03.2015).

³ UN for facilitating Afghan refugees in Pakistan // The Nation, Internet edn. [Electronic resource]. – 20 August 2017. – Mode of access: <http://nation.com.pk/20-Aug-2017/un-for-facilitating-afghan-refugees-in-pakistan> (Accessed 27.12.2017).

⁴ Browne, David. How Pakistan succumbed to a hard-drug epidemic / David Browne // The Telegraph. – 23 March 2014.

контрабанды афганских товаров в Пакистан, то ее объем по оценке Пакистано-афганской совместной торгово-промышленной палаты составляет свыше 3 млрд долл США, в то время как общий товарооборот между двумя странами – около 1,2 млрд долл США¹.

Прозрачная афгано-пакистанская граница позволяет боевикам экстремистских группировок ее беспрепятственно пересекать в поисках убежища на территории соседнего государства. Боевые операции коалиционных сил в Афганистане весной-осенью 2011 г. «выдавливали» афганских боевиков на пакистанскую территорию. В июле 2011 г. они совершили массовый переход из афганской провинции Куннар в агентства Баджаур, Моманд, а также в район Дира провинции Хайбер-Пахтунхва. Министр иностранных дел Пакистана Хина Раббани Хар выразила серьезную озабоченность главе дипмиссии Афганистана в связи с трансграничными нападениями с территории Афганистана группировки боевиков численностью 300–400 человек в районе Диры, которые уничтожили социальные объекты и сожгли местные деревни. МИД Пакистана неоднократно заявлял афганской стороне и миссиям США/НАТО/МССБ в Афганистане протесты в связи с «недостаточными мерами по охране приграничных территорий». Со своей стороны Кабул утверждал, что вести борьбу с террористами следует не на афганской, а пакистанской земле, что и доказал рейд спецназа ВМС США по ликвидации бен Ладена в пакистанском городе Абботтабаде². Стороны взаимно обвиняли друг друга в политике «двойных стандартов» и пособничестве тем террористам, которые не представляют угрозу их национальной безопасности. Все это обуславливало напряженность на пакистано-афганской границе. Так, Исламабад и Кабул неоднократно прибегали к артиллерийским обстрелам приграничных территорий друг друга с тем, чтобы уничтожить позиции преследуемых боевиков³.

Серьезная проблема, осложняющая отношения между двумя соседними государствами, – индийский фактор. При Карзае произошло заметное сближение между Индией и Афганистаном. Своего рода вехой стало подписание в октябре 2011 г. пакта

¹ Pak-Afghan border smuggling trade stands at \$3bn // Profit, Internet edn. [Electronic resource]. – 1 November 2017. – Mode of access: <https://profit.pakistanoday.com.pk/2017/11/01/pak-afghan-border-smuggling-trade-stands-at-3b/> (Accessed 10.11.2017).

² Замараева Н.А. Пакистано-афганские отношения в региональном измерении / Н.А. Замараева // Афганистан и Пакистан: современное состояние и перспективы развития; [отв. ред. М.Р. Арунова]. – М.: ИВ РАН, 2012. – С. 59–60.

³ Farooq, Umar. Afghanistan-Pakistan: The Covert War / Umar Farooq // The Diplomat [Electronic resource]. – 1 January 2014. – Mode of access: <http://thediplomat.com/2014/01/afghanistan-pakistan-the-covert-war/> (Accessed 31.03.2015).

о стратегическом партнерстве между двумя государствами, направленного на дальнейшее укрепление торгово-экономических связей, сотрудничества в сфере безопасности, а также расширение социально-культурных обменов. Это было крайне негативно воспринято как официальными кругами, так и общественностью Пакистана. По их мнению, документ обеспечивал прямой допуск индийских войск в Афганистан, что ставило страну в крайне опасное с геополитической точки зрения положение – «зажатой с двух сторон».

С учетом возрастающего влияния Индии в регионе Исламабад развернул масштабную диверсионно-террористическую войну против индийских граждан и их стратегических объектов на афганской территории. В октябре 2009 г. боевики атаковали посольство Индии в афганской столице. В феврале 2010 г. в Кабуле произошло нападение на две небольшие гостиницы с участием террориста-смертника. В результате атаки погибло 16 человек, в том числе 7 индийских граждан. В мае 2014 г. радикалы обстреляли здание индийского консульства в г. Герате¹. Считается, что к данным терактам были причастны группировки Лашкар-е-Тайба и Хаккани² – военно-политическая группа, на поддержку которой в последнее время переориентировались пакистанский генералитет и МВР при реализации зияульхаковской стратегии продвижения на север.

Группировка Хаккани причастна к большинству террористических актов на территории Афганистана, в том числе к атакам на здание американского посольства в Кабуле и военным базам войск НАТО³. Ее лидер – известный командир афганских моджахедов Джалалуддин Хаккани, уроженец афганской провинции Хост из племени задран (джадран), – поселился в Мирамшахе (столица агентства Северный Вазиристан) еще в середине 1970-х гг., где устроил лагерь для подготовки вылазок на территорию Афганистана. Фактическое руководство организацией на последнем этапе осуществляли его сыновья, прежде всего Сираджуддин. «Сеть Хаккани» действует против сил США и НАТО в Афганистане, главным образом в провинциях Пактия, Пактика и Хост (Лойя Пактия, т.е. Большая Пактия). По имеющимся сведениям, Сираджуддин (по матери он араб) стал лидером организации в 2001 г.,

¹ Attack on Indian consulate in Afghanistan's Herat thwarted, all four gunmen killed // Hindustan Times. – 23 May 2014.

² См. подробнее: Tankel, Stephen. Storming the World Stage: The Story of Lashkar-e-Taiba / Stephen Tankel. – London: Oxford University Press. – P. 119;

³ Его группировка причастна к нападению на американскую военную базу рядом с Хостом, в которой погибло 7 сотрудников ЦРУ, в декабре 2009 г.

через несколько месяцев после падения режима талибов в Кабуле. Он пользуется большим авторитетом в Северном Вазиристане и неоднократно выступал посредником между враждующими группировками талибов. В настоящее время «сеть Хаккани» действует автономно в составе движения Талибан. Она имеет отдельный командно-оперативный аппарат, но верховное руководство интегрировано в организацию Муллы Омара (Дж. Хаккани входит в состав высшего совета афганских талибов, а С. Хаккани возглавляет их отряды в Лойя Пактии). Примечательно, что «сеть Хаккани» предпочитает избегать каких-либо ссылок на свою организацию и в издаваемых ею документах выступает под названием «Исламский Эмират Афганистан» (как в свое время именовалось государство талибов). Следует заметить, что позиции хакканистов и талибов совпадают не по всем пунктам. В частности, Дж. Хаккани выступал против чрезмерно жестких мер, введенных талибами, а именно запрета музыки, принуждения мужчин к ношению длинной бороды и запрета женщинам получать образование¹.

С началом секретных переговоров Карзая и Шуры (Совета) движения Талибан с участием американцев Пакистан стал еще сильнее опираться на данную группировку. По мнению некоторых экспертов, группировка Хаккани превратилась в своего рода инструмент для достижения двух основных целей — стратегической и тактической: первая — обеспечение признания США интересов страны в Афганистане и укрепление ее региональных позиции; вторая — возмездие за «высокомерие» американской администрации и неоднократные случаи пренебрежения национальными чувствами пакистанского народа².

Для укрепления своих позиций в регионе Пакистан неоднократно выступал в роли посредника в переговорах группировки Хаккани и кабульского правительства, а также группировки и администрации США. В августе 2011 г. при пакистанском посредничестве состоялась секретная встреча представителей ЦРУ и группировки в г. Дубаи, которая, однако, оказалась совершенно безрезультатной. Уже в сентябре боевики группировки обстреляли здания посольства США в Кабуле и штаб-квартиры Международных сил содействия безопасности³.

¹ Чекризова О.П. Исламский радикализм и экстремизм в Пакистане (северо-западный регион) / О.П. Чекризова // Государство, общество, международные отношения на мусульманском Востоке (Афганистан, Иран, Пакистан, Турция, этнический Курдистан, соседние мусульманские районы). – М.: ИВ РАН, Крафт +, 2014. – С. 228.

² Raman B. US frets and fumes over Pakistan / B. Raman // The Pioneer. – 2011.

³ Rashid, Ahmed. Pakistan on the Brink: The Future of Pakistan, Afghanistan and the West / Ahmed Rashid. – New Delhi: Penguin Books, 2012. – P. 180.

Роль Пакистана в процессе примирения враждующих сторон в Афганистане серьезно усилилась со сменой власти в Кабуле. Новый президент страны Ашраф Гани, в отличие от своего предшественника Карзая, на первоначальном этапе занял более благосклонную позицию в отношении своего соседа. Принимая во внимание обеспокоенность пакистанского руководства относительно афгано-индийского сотрудничества, Гани пошел на некоторое снижение уровня взаимодействия с Нью-Дели. С учетом обвинений Исламабада в адрес Афганистана в пособничестве пакистанским экстремистам страна стала прилагать усилия в борьбе против базирующихся на ее территории группировок, осуществляющих диверсионно-террористическую войну против Пакистана. Кабул передал пакистанской стороне заместителя руководителя Техрик-е Талибан Пакистан Латифулла Мехсуда, задержанного на афганской территории в октябре 2013. Впоследствии власти арестовали на основании предоставленной Исламабадом разведывательной информации всех подозреваемых в совершении нападения на школу в Пешаваре в декабре 2014 г. В марте 2015 г. пакистанская Межвидовая разведка и афганское Национальное управление безопасности заключили соглашение о сотрудничестве в борьбе с терроризмом, которое предусматривает обмен разведывательной информацией, а также совместное планирование и координацию контртеррористических операций по обеим сторонам пакистано-афганской границы.

В этот период произошла существенная интенсификация политических афгано-пакистанских контактов, а количество двусторонних визитов возросло до такого высокого уровня, который еще не отмечался в отношениях двух государств за последние 15 лет¹.

В начале июля 2015 г. при активном посредничестве пакистанских властей в Исламабаде прошли прямые мирные переговоры между лидерами Талибана и афганским правительством. По их итогам было намечено проведение новой встречи представителей двух сторон. Однако последовавшее (после официального объявления о смерти М. Омара) избрание в качестве нового лидера движения Ахтара Мансура внесло раскол в ряды боевиков и обострило борьбу между фракциями. Ситуация осложнялась процессом постепенного проникновения и распространения влияния террористической группировки ИГИЛ среди афганских радикалов. Все это в совокупности воспрепятствовало дальнейшему продвижению мирного

¹ Khalil, Ahmad Bilal. The Tangled History of the Afghanistan-India-Pakistan Triangle / Ahmad Bilal Khalil // The Diplomat [Electronic resource]. – 16 December 2016. – Mode of access: <http://thediplomat.com/2016/12/the-tangled-history-of-the-afghanistan-india-pakistan-triangle/> (Accessed 24.01.2017).

диалога. В марте 2016 г. руководство Талибана отказалось сесть за стол переговоров, потребовав в ультимативной форме окончательного вывода контингента иностранных войск из страны. Убийство в результате удара американских беспилотников в мае 2016 г. на пакистанской территории лидера талибов А. Мансура сделало перспективы возобновления контактов между сторонами весьма смутными. На этом фоне пусть и символическим, но в то же время позитивным шагом стало подписание (примечательно, что без посредников) мирного договора между афганским правительством и фракцией Хезбе Ислами, согласно которому ее лидеру Г. Хекматъяру гарантируется иммунитет от судебного преследования в обмен на признание им конституции страны и отказ от вооруженного противостояния властям. Впервые с начала военной кампании против талибов в 2001 г. Кабул заключил такого рода соглашение с одной из вооруженных группировок, что должно было придать импульс внутриафганскому переговорному процессу.

После безуспешной попытки пакистанских властей организовать прямые переговоры между кабульским правительством и представителями Талибана в начале марта 2016 г. в своих внешнеполитических контактах Афганистан все больше отдалялся от Пакистана и шел на сближение с Индией. Президент Ашраф Гани стал предпринимать меры по восстановлению афганско-индийских отношений до того уровня, на котором они находились к концу президентства Х. Карзая. В мае 2016 г. Афганистан, Индия и Иран подписали трехстороннее соглашение о транзитной торговле через иранский порт Чабахар в обход пакистанской территории, что должно было снизить зависимость экспорта индийской продукции от транзита через Пакистан; уже в октябре 2017 г. по новому торговому маршруту был отправлен первый груз из Индии в Афганистан. На конференции «Сердце Азии» по Афганистану в индийском г. Амритсаре в декабре 2016 г. А. Гани публично отказался от экономической помощи, предлагаемой Исламабадом, в размере 500 млн долл. США. Все громче в выступлениях представителей афганских правящих кругов стала звучать критика в адрес Исламабада за поддержку террористической деятельности афганских талибов. Теракты в Кабуле (атака на Американский университет), Кандагаре и Мазари-Шарифе в августе 2016 г., январе и апреле 2017 г., соответственно, вынудили Афганистан ужесточить свою позицию в отношении соседнего государства. В мае 2017 г. А. Гани отказался принять приглашение пакистанской стороны посетить Исламабад до тех пор, пока Пакистан не передаст афганским властям всех причастных к вышеупомянутым терактам.

В целом, внешнеполитический курс в отношении Афганистана дестабилизирует ситуацию в самом Пакистане, интенсифицирует его внутренние противоречия и конфликты, содействует усилению борьбы между гражданским правительством и военными, что крайне опасно в условиях всплеска экстремизма и терроризма в самой стране. Нереалистичные цели на афганском направлении могут привести к дальнейшей изоляции страны в регионе, как это было в 1990-х гг., когда власти Пакистана первые официально признали режим Талибана в Кабуле. Тревожным для пакистанского правительства в связи с этим сигналом стало постепенное изменение подхода к отношениям с Исламабадом афганского президента Гани, в речах которого в последнее время зазвучала критика пакистанских властей за развязывание насилия в Афганистане.

* * *

Президентские выборы сентября 2008 г. свидетельствовали об окончательном демонтаже «полугражданского» режима генерала П. Мушаррафа. Новый период в истории страны ознаменовал начало процесса преодоления пережитков «мушаррафовского» времени. После острой фазы противоборства правительства и оппозиции в лице Н. Шарифа были восстановлены в должности судьи, незаконно отстраненные генералом в период ЧС осенью 2007 г. Через некоторое время была отменена 17-я поправка к конституции, что символизировало переход страны к парламентской республике. Тем не менее, успешному движению страны по демократическому пути, как и в конце 1980-х—1990-е гг., препятствовал такой серьезный дестабилизирующий фактор, как «зияульхаковское наследие», сохранявшееся в различных сферах общественной жизни. В стране продолжали действовать некоторые крайне консервативные нормативно-правовые акты, принятые в период «исламизации» страны и др.

Однако главной проблемой пакистанского общества остается исламский экстремизм, который активно взращивался военным режимом Зия для достижения геополитических целей на афганском и индийском направлениях внешней политики страны. В годы «гражданского правления» страну в очередной раз захлестнула волна насилия и террора. Как и прежде, в своей борьбе с экстремистами власти придерживались политики «двойных стандартов»: исламисты, участвовавшие в джихаде против Индии и кабульского правительства, пользовались покровительством пакистанских военных.

Следует отметить, что на фоне всплеска террористических актов в стране в рассматриваемый период продолжали напоминать о себе старые «болячки» пакистанского общества: межконфессиональные, межсектантские и межэтнические противоречия. В стране не прекращалось насилие, направленное против шиитов, а также представителей других конфессий. Это в свою очередь порождало ответные действия – массовые погромы и беспорядки, организованные шиитами. В г. Карачи продолжались столкновения между мухаджирами и пуштунами, причем эта конфронтация усиливалась по мере массового притока в провинцию Синд беженцев в результате проводимых в зоне пуштунских племен военных операций. В связи с этим многие эксперты говорили о хрупкости пакистанской государственности и возможности распада данной страны на несколько отдельных государственных образований. Но, к счастью, их прогнозы пока не сбылись.

Нелишне здесь, вероятно, процитировать слова известного пакистанского журналиста Аббаса Насира: «наследие Зия уль-Хака бессмертно и ядовито, а его идеология пустила корни и получила распространение, хотя прежде люди смеялись над ним и называли его муллой»¹.

¹ Ghafour, Hamida. Zia ul-Haq's legacy in Pakistan 'enduring and toxic' / Hamida Ghafour // The Star. – 26 August 2013. – Mode of access: http://www.thestar.com/news/world/2013/08/26/zia_ulhaqs_legacy_in_pakistan_enduring_and_toxic.html (Accessed 06.05.2015).

Заключение

На всем протяжении внутривнутриполитического развития страны после смерти диктатора генерала Мухаммада Зия уль-Хака отмечались такие негативные тенденции и явления общественно-политической жизни, как обострение противостояния различных политических сил и структур за власть, проникновение армии во все сферы общественной жизни, неустойчивое положение гражданских правительств и возрастание значимости религиозного фактора. На внешнеполитическом направлении страной реализовывалась стратегия ведения «войны чужими руками» против официальных властей Афганистана и Индии при отказе от идеи развязывания полномасштабных боевых действий. Исключением лишь стал Каргильский вооруженный конфликт 1999 г.

Рассматриваемый в исследовании исторический отрезок времени охватывает правление двух военных режимов и двух периодов конституционно-парламентской демократии. При сравнении военных режимов генералов Зия уль-Хака и Мушаррафа можно выделить как некоторые сходные, так и отличительные черты. У обоих правителей – одинаковый статус: пребывая у власти, они совмещали высшие государственные и военные посты (президента и начальника штаба сухопутных войск, а фактически главнокомандующего вооруженными силами). В значительной степени сходным был сценарий обеспечения легитимности режима и подготовки к отмене военного/чрезвычайного положения (приостановление действия конституции и работы законодательных и исполнительных органов власти, внесение поправок в Основной закон, проведение референдума и др.). В сфере внешней политики оба генерала-президента следовали курсу на развитие стратегического партнерства с США, от поддержки и помощи которых зависела их устойчивость. Однако по своим убеждениям и мировоззрению Мушарраф был более умеренным и прогрессивно мыслящим лидером, чем Зия уль-Хак. В отличие от крайне консервативного и жесткого предшественника он продвигал концепцию «просвещенной умеренности» и стремился придать более демократичный облик своему режиму.

Для периодов конституционно-парламентской демократии свойственно наличие такой формы парламентской республики, при которой деятельность легитимно избранных правительств существенно ограничена политической активностью других государственных структур и президента. Для данных этапов исторического развития страны характерна особая конфигурация власти, так называемое «троевластие», — от взаимодействия «звеньев» которого зависело функционирование всей системы государственного управления. Несмотря на сохраняющуюся в последние годы политическую волатильность, сложившаяся модель парламентской демократии, пусть и с некоторыми сбоями, все же продолжает функционировать. Досрочный уход в отставку премьера от ПНП Ю.Р. Гилани и премьера от ПМЛ(Н) Н. Шарифа не сопровождался роспуском представительных органов, проведением внеочередных выборов и сменой правящей партии у руля власти, а военные воздерживались от открытого выступления в моменты острых кризисов. Правительство Пакистанской народной партии стало первым в истории страны кабинетом министров, который, хотя и претерпел изменения в своем составе, сумел проработать весь положенный по конституции срок. На сегодняшний момент сценарий досрочной отставки правительства Пакистанской мусульманской лиги (Наваза Шарифа) представляется маловероятным. Однако любое прогнозирование хода событий является крайне затруднительным с учетом немалого числа факторов, оказывающих влияние на положение дел внутри страны. Нельзя не принимать во внимание значительную роль в определении дальнейшей судьбы современной модели пакистанской демократии Верховного суда, который за последние годы превратился в самостоятельного и весомого игрока на политической авансцене.

Традиционная поляризация пакистанского общества и противоборство по линии «гражданские — военные» и «секуляристы — исламисты» особенно серьезно усилились в период правления М. Зия уль-Хака. В конце 1980-х — 1990-х гг. общественно-политическая жизнь страны характеризовалась борьбой лидеров партий, возглавлявших гражданские правительства, против доминирования военных в экономике и сфере государственного управления. Параллельно с этим происходили процессы подъема воинствующего исламизма и активизации оппозиционной деятельности представителей правоконсервативных кругов, выступавших против правительственных решений, которые, по их мнению, ставили под угрозу «подлинно исламские ценности». В последующие годы внутренние противоречия и конфликты пакистанского общества продолжали сохраняться при изменении общего фона и условий борьбы.

В условиях противоборства по линии «гражданские – военные» политические институты не способны полноценно выполнять свои функции, что обуславливает активное участие в процессе государственного управления неполитических структур (армии и спецслужб). Если в годы военных режимов генералитет осуществлял политическое вмешательство напрямую, то в периоды конституционно-парламентской демократии – опосредованно, через уже не раз упоминавшийся механизм власти «тройка». Нередко свои интересы армейское командование реализовывало посредством деятельности МВР, которая не только оказывает влияние на многие процессы внутри страны, но и содействует осуществлению стратегии диверсионно-террористической войны на афганском и индийском направлениях внешней политики Пакистана. Однако часто военная разведка выступает в роли отдельной самостоятельной структуры, которая преследует свои собственные цели.

Для политической системы страны как в годы правления режимов Зия уль-Хака и Мушаррафа, так и гражданских правительств ПНП и ПМЛ(Н) характерно господство номинальной формы демократии, при которой многие незыблемые демократические ценности открыто игнорируют все государственные институты. Принцип разделения властей и механизм сдержек и противовесов не получили должного развития в стране, где политические и неполитические структуры зачастую выполняют функции, выходящие за рамки их конституционных обязанностей, и активно вмешиваются во внутренние дела друг друга. Тем не менее, со временем такая некогда «уязвимая» ветвь власти, как судебная, обрела достаточное влияние и авторитет, чтобы укрепить свой самостоятельный статус и противопоставить себя двум другим ветвям.

На основании проведенного в работе анализа ниже изложены основные результаты и последствия правления военного режима генерала-президента М. Зия уль-Хака для дальнейшего развития страны.

Демократические ценности и гражданская власть

Правление военного диктатора М. Зия уль-Хака содействовало общей деградации политической системы, для которой и прежде было характерно отсутствие развитых институтов конституционно-парламентской демократии. Если первый военный диктатор М. Айюб Хан (1958–1969 гг.) формально демонстрировал свою приверженность демократии, то Зия решительно отказался

от следования западной политической модели, что крайне негативно отразилось на общей ситуации с правами и свободами граждан в Пакистане. Усилению авторитарной власти и дальнейшему ослаблению позиций гражданской власти в лице выборных органов в значительной степени содействовало принятие в 1985 г. 8-й конституционной поправки, которая наделяла президента широкими полномочиями в сфере государственного управления. Последовавший после смерти Зия в 1988 г. период «демократического просвета» представлял собой (из-за действия данной поправки) череду кратковременных правлений гражданских правительств, неоднократно отправляемых в отставку до истечения срока их полномочий.

В этот период сложилась своеобразная конфигурация власти — «президент — премьер-министр — начштаба армии». Этот механизм функционировал вплоть до 1998 г. и был вскоре после военного переворота 1999 г. восстановлен генералом П. Мушаррафом путем принятия 17-й поправки. Лишь после прихода к власти в 2008 г. ПНП и отставки Мушаррафа была осуществлена конституционная реформа (2010 г.), в рамках которой прежние полномочия президента были перераспределены в пользу премьер-министра. Несмотря на отдельные периоды обострения противоречий гражданской власти как с оппозиционными партиями, так и с армейским командованием, которое сохранило за собой роль закулисного политического игрока, коалиционное правительство ПНП, сформированное по итогам выборов 2008 г., сумело проработать в течение всего конституционного срока. Хотя в течение последних четырех лет Пакистан сотрясали политические катаклизмы, страна вплотную подошла к еще одному знаменательному рубежу — очередным парламентским выборам, которые должны продемонстрировать решительный отказ от практики прошлых лет, которая предполагает сосредоточение государственной власти в руках генералитета.

Госструктуры и институты гражданского общества

А) Армия

Армия всегда играла решающую роль в жизни пакистанского общества. Однако при М. Зия уль-Хаке, период правления которого многие эксперты по праву считают «золотой эпохой» пакистанского офицерства, статус военных возрос до небывалых ранее высот, а их влияние стало выходить за рамки традиционных сфер их доминирования. Большое число военнослужащих (находившихся

на действительной службе и в отставке) внедрялось в госаппарат, полицию, систему образования, финансово-экономические учреждения и др. Их позиции в сфере национальной экономики в значительной степени укрепились. Были учреждены новые благотворительные фонды, принадлежащие ВМС и ВВС страны, происходило отраслевое разветвление армейского капитала, расширялась земельная собственность, находившаяся в распоряжении офицерства. В последующие годы отмечалось такое негативное явление, как засилье военных во всех сферах общественной жизни. Лишь с демонтажом четвертого по счету военного режима П. Мушаррафа был инициирован процесс «огражданствления» всех госструктур.

Б) Бюрократия

Наряду с практикой назначений офицеров армии в госаппарат при Зия уль-Хаке происходил процесс инкорпорирования кадров идеологического союзника военного режима – партии Джамаате Ислами – в центральную и провинциальные администрации. Все это негативно отразилось на общем положении бюрократии. Последствия отмеченного процесса проявлялись и в последующие годы, уже после смерти диктатора. В период «демократического просвета» многие назначенцы «зияульхаковской эры» продолжали занимать ключевые должности в руководстве страны. Кроме того, пропагандистская деятельность ДИ привела к определенному росту консервативных настроений в среде чиновничества.

В) Политические партии

При правлении генерала Зия уль-Хака деятельность партий была поставлена в еще более жесткие рамки. В первые годы диктатуры какие-либо законные формы участия в государственном управлении попросту не допускались, а гражданская позиция находила выражение в нелегальной деятельности оппозиции. Лишь с отменой военного положения в 1985 г. политическая жизнь была отчасти восстановлена. В рассматриваемый период новый лидер ПНП Б. Бхутто сумела объединить вокруг себя всех недовольных военным режимом и возглавить оппозиционное движение против власти генерала. Заработав политические очки за годы антиправительственной борьбы, она обеспечила приход своей партии к власти на парламентских выборах 1988 г. Ее непосредственным конкурентом на выборах был Н. Шариф, который своим возвышением в значительной степени обязан Зия уль-Хаку. При военном режиме он занимал должность главного министра провинции Панджаб, а также различные посты в партии Мусульманская лига,

служившей основной политической опорой власти генерала-президента. Прежние теплые отношения с диктатором обеспечили ему поддержку со стороны армии, которая помогла сформировать вокруг его партии Пакистанская мусульманская лига мощный коалиционный блок («Исламский демократический альянс») в преддверии выборов 1988 г.

Г) Общественные организации, профсоюзное и студенческое движение

М. Зия уль-Хак довольно терпимо относился к деятельности общественных организаций, которые рассматривались как удобная ширма для крайне авторитарного режима власти военных. НПО служили своего рода альтернативой тем институтам гражданского общества, функционирование которых либо ставилось в крайне жесткие правовые рамки, либо попросту не допускалось. В те годы отмечался значительный рост числа неправительственных организаций, в том числе и тех, что боролись за равноправие женщин. Аналогичная тенденция наблюдалась и в годы военного режима П. Мушаррафа.

Несмотря на уступки в отношении НПО, режим решительно не допускал какой-либо общественной активности граждан, которая могла иметь серьезные политические последствия. В 1980-х гг. был введен запрет на деятельность профессиональных и студенческих союзов. Несмотря на все обещания последующих гражданских правительств, до сих пор студенческим организациям запрещено проводить выборы и формировать собственные союзы в высших учебных заведениях. Меры режима по ограничению активности профсоюзных движений содействовали самоизоляции рабочего класса от политики и их апатии. Все это и по сей день препятствует нормальному развитию демократической системы в Пакистане.

Зия уль-Хак и политика исламизации

А) Происламские силы и идеология происламского толка

Давние противоречия между представителями светски мыслящих кругов и исламистами, характерные для многих афро-азиатских стран (в том числе и для Пакистана), обострились с новой силой при М. Зия уль-Хаке, который поставил во главу государственной идеологии ислам и при осуществлении своего политического курса опирался на поддержку фундаменталистских партий. Со времени его правления в стране отмечался резкий подъем исламистских настроений. Широко обсуждаемыми в 1990-е гг. в СМИ темами были религиозные вопросы, а также требования

объявить верховенствующими законы шариата. Эти темы находили поддержку в общественной среде. Несмотря на электоральные неудачи как в период «демократического просвета», так и в последующие годы, правоконсервативные партии при опоре на свой электорат зачастую выступали с позиции силы в отношении с властью, в особенности, когда те или иные правительственные решения ставили под угрозы ценности, составляющие основу их идеологии. Ярким примером могут служить действия исламистов в ноябре 2017 г.

Б) СМИ и свобода слова

Пакистанские журналисты при осуществлении своей профессиональной деятельности всегда сталкивались с серьезными препятствиями, чинимыми властями. Однако при военном режиме Зия уль-Хака право на свободу слова особенно безжалостно попиралось. В этот период функционирование как органов государственной власти, так и институтов гражданского общества было подчинено единственной цели – пропаганде и реализации программы всеобщей исламизации. В этих условиях любое проявление инакомыслия было совершенно недопустимо и жестоко подавлялось. После смерти диктатора в 1988 г. свобода слова и печати была отчасти восстановлена. Настоящий же подъем СМИ произошел при режиме генерала-президента П. Мушаррафа, который содействовал появлению новых радио- и телеканалов и ввел упрощенную процедуру выдачи лицензий.

В) Судебная система и исламские суды

Так же, как и многие другие государственные и общественные структуры, судебные органы при генерале Зия подвергались экспериментам и манипуляциям со стороны военного режима. После своего прихода к власти диктатор осуществил смену судей ВС и в рамках своей программы исламизации провел кардинальное преобразование всей судебной системы. Параллельно с обычными были учреждены институты исламского правосудия. Во главе данных инстанций находится Федеральный шариатский суд, в задачу которого входит определение соответствия действующих или применяемых законов принципам ислама, а также рассмотрение апелляций по судебным решениям, касающимся преступлений категории худуд, признание законности вердиктов, вынесенных по соответствующим уголовным делам, и в случае необходимости их пересмотр. С момента своего создания суд вынес целый ряд решений по широкому кругу вопросов, многие из них получили широкий общественный резонанс.

В период правления М. Зия уль-Хака суды, как и при военных диктатурах, служили своего рода «послушным инструментом» правящих кругов в деле легитимизации их власти. Со временем положение и роль судебной власти в значительной степени укрепились, а Верховный суд Пакистана превратился в конце 2000-х и начале 2010-х гг. в один из весомых «центров силы».

Г) Пенитенциарная система (введение исламских законов о наказаниях)

Одно из направлений реформ М. Зия уль-Хака – преобразование системы исполнения наказаний. В 1979 г. военным диктатором был издан указ о худуд, который предусматривал введение в стране шариатских наказаний за уголовные преступления. В связи с критикой отдельных положений данного нормативно-правового акта, касающихся преступлений сексуального характера, при П. Мушаррафе был принят закон о «защите прав женщин», который частично нивелировал негативный эффект от его действия. Несмотря на это, сама система традиционных наказаний сохраняется и по сей день. До сих пор в стране действуют зияуль-хаковские поправки в Уголовный кодекс страны, предусматривающие строгие наказания за богохульство. С момента их принятия было сфабриковано немалое число уголовных дел. Нередко еще до вынесения приговора подсудимые погибали от рук религиозных фанатиков. В 2011 г. за критику соответствующего закона поплатились жизнями двое выдающихся либерально мыслящих политиков – губернатор Панджаба С. Тасир и министр по делам меньшинств Ш. Бхатти.

Д) Избирательная система

Наряду с правовой при генерале М. Зия уль-Хаке была в значительной степени преобразована и избирательная система. Впервые в истории страны была введена куриальная система голосования по религиозному принципу, которая просуществовала вплоть до августа 2002 г. Были приняты конституционные поправки, требующие от всех баллотировавшихся на выборные должности кандидатов адекватного знания ислама и Корана. Соответствующие требования предъявляются и по сей день.

Е) Экономика (введение исламских норм)

Зияуль-хаковский процесс исламизации затронул и сферу экономики. Власти сумели создать параллельную систему исламских кредитно-финансовых учреждений. На сегодняшний день данная система включает в себя шесть полноценных банков

и разветвленную сеть филиалов, осуществляющих операции на беспроцентной основе. Помимо этого, были введены исламские налоги: закят и ушр. При этом в настоящий момент эффективен лишь сбор первого налога, а поступления от второго крайне малы. Следует отметить, что принимаемые военным режимом меры в сфере экономики не только не искоренили такие негативные социальные явления, как коррупция, бюрократизм, а также социальное неравенство, а еще более их усилили. Кроме того, принудительный характер реформы и насаждение новой системы хозяйственных отношений обострили противоречия в обществе и привели к росту оппозиции к правящим кругам со стороны отдельных слоев населения.

Косвенные последствия политического курса М. Зия уль-Хака

А) Межобщинные столкновения и обострение суннитско-шиитских противоречий

Своей политикой всеобъемлющей исламизации, которая предусматривала утверждение норм и традиций преобладающего в стране суннизма в его ортодоксальной форме, военный режим М. Зия уль-Хака содействовал обострению противоречий между представителями различных течений ислама (между школами Деобанди и Барелви, суннитами и шиитами). У различных сторон конфликта возникли военизированные группировки, осуществлявшие террористическую деятельность друг против друга. Особую остроту обрело суннитско-шиитское противоборство, число жертв которого начиная с 1980-х гг. исчисляются тысячами. До сих пор шиитские процессии и мечети остаются «излюбленными мишенями» террористов. Нападениям также подвергаются представители ахмадийской общины, которых ортодоксы отказываются признавать мусульманами, и местные христиане, а в последнее время также суфийские гробницы и места поклонений.

Б) Подъем воинствующего исламизма и террористическая угроза

Во времена Зия уль-Хака пакистанские спецслужбы вместе с правоконсервативными партиями содействовали появлению исламистских вооруженных групп для ведения террористической деятельности в Афганистане и индийском Кашмире. В стране возникли такие экстремистские группировки, как Марказ-уд-даваль-иршад (предшественница Лашкар-е-Тайба), Сипах-е Сахаба Пакистан, Хизб-уль-Муджахеддин и др. В этот период страна фактически превратилась в центр мирового терроризма: в большом

количестве сюда прибывали не только мусульманские богословы, но и экстремисты со всего мира. В 1990-е гг. многие из радикальных организаций переориентировались на борьбу с центральной властью и стали представлять основную угрозу национальной безопасности Пакистана. При генерале-президенте П. Мушаррафе правящие круги объявили о начале борьбы с исламским фундаментализмом и экстремизмом. Однако антитеррористическая кампания велась крайне непоследовательно; заметным был двойственный подход официального Исламабада к данной проблеме. Последующий этап развития характеризовался дальнейшей интенсификацией деятельности террористических организаций и ростом насилия в масштабах всей страны.

В) Межэтническое насилие в провинции Синд и г. Карачи

Межэтническое противостояние в данном регионе, в особенности в г. Карачи, начало зарождаться еще в годы афганского вооруженного конфликта 1979–1988 гг. под влиянием процесса изменения демографического состава этого крупнейшего города Пакистана, вызванного возрастанием притока беженцев из племенных районов страны и соседнего Афганистана. С середины 1980-х гг. мухаджирская партия МКМ начала борьбу со своими оппонентами за утверждение своего влияния в г. Карачи и провинции Синд. Уже в период «демократического просвета» столкновения между конкурирующими этническими группами обрели угрожающие масштабы. В последующие годы проблема межэтнических противоречий сохранилась. Резкий всплеск насилия и кровопролития в г. Карачи пришелся на лето 2011 г., а затем на весну 2013 г.

Зия уль-Хак и внешняя политика

Религиозный фактор, которому генерал Зия придавал приоритетное значение, играл первостепенную роль при принятии многих внешнеполитических решений.

А) Индия

Общее состояние двусторонних отношений

Хотя период правления третьего военного режима и не был омрачен возникновением очередного крупномасштабного индо-пакистанского вооруженного конфликта, отношения между двумя государствами оставались крайне напряженными. В рамках программы исламизации пакистанские власти развернули

еще более мощную антииндийскую пропаганду, которая содействовала усилению в обществе ненависти к «южному соседу». Подогревали данные настроения как нерешенный кашмирский вопрос, так и сложившаяся в тот момент спорная ситуация вокруг ледника Сиачен, которая и по сей день остается неурегулированной. Именно тогда в армейской среде укрепились позиции офицерства, придерживавшегося жесткого агрессивного курса в отношении Индии (так называемая «партия войны»). На современном этапе «партия войны» в армейской среде продолжает препятствовать установлению конструктивного диалога между двумя государствами.

Несмотря на высокий конфликтный потенциал двусторонних отношений, в 1980-х гг. Исламабад и Нью-Дели проводили различного рода встречи и переговоры по широкому кругу вопросов, впервые в истории отношений между двумя государствами сложилась совершенно новая форма двустороннего диалога («крикетная дипломатия»), к которой индийское и пакистанское руководство в дальнейшем неоднократно прибегали для возобновления прерванных контактов в моменты острых кризисов.

Кашмирский терроризм

Еще в годы правления диктатора М. Зия уль-Хака военными был разработан план ведения диверсионно-террористической войны против Индии при опоре на исламистские группировки. Ее автором был руководитель МВР А.А. Рахман Хан. К практической реализации плана Исламабад сумел приступить в конце 1980-х гг., когда народные волнения и беспорядки захлестнули индийский штат Джамму и Кашмир. В настоящий момент военная разведка продолжает осуществлять «тайную войну» на индийском направлении, что негативно отражается не только на ситуации в штате Джамму и Кашмир, но и на общей обстановке с безопасностью в Индии.

Ядерная программа

Наличие напряженности в пакистано-индийских отношениях и существование угрозы национальной безопасности Пакистана со стороны Нью-Дели предопределили стремление Исламабада к обретению ядерного потенциала в целях укрепления национальной обороноспособности. Несмотря на то, что история ядерной программы берёт своё начало в годы правления премьер-министра З.А. Бхутто (1971–1977 гг.), при военном режиме М. Зия уль-Хака Пакистан сделал решительный шаг на пути к обладанию одним из мощнейших ОМУ. В немалой степени этому содействовала

благоприятная международная обстановка: в связи с началом боевых действий в Афганистане администрация США отменила санкции в отношении Исламабада, введенные прежде за нарушение режима нераспространения. К концу правления военного диктатора страна (по некоторым оценкам) располагала достаточным объемом оружейного урана для производства 4–6 ядерных боеголовок. Последующие годы ушли на развитие ракетных технологий. Важная веха в истории развития ракетно-ядерной программы Пакистана – серия ядерных испытаний, проведенных на полигоне Чагаи в Белуджистане в мае 1998 г.

Б) Афганистан

В условиях гражданской войны в Афганистане с участием ограниченного контингента советских войск (1979–1988 гг.) военный режим М. Зия уль-Хака претворял в жизнь стратегию продвижения на север, в рамках которой на первоначальном этапе предполагалось обеспечить приход к власти в Кабуле дружественного режима, а уже затем распространить сферу влияния Исламабада на центральноазиатские республики. По прошествии многих лет военный истеблишмент продолжал следовать данной стратегии. Изменились лишь способы и инструменты ее реализации.

Наряду с определенными выгодами, извлеченными Исламабадом из вооруженного противостояния в Афганистане, Пакистан также столкнулся и с такими негативными последствиями конфликта в соседнем государстве, как гуманитарный кризис, вызванный значительным притоком афганских беженцев, рост преступности, увеличение наркооборота, расширение масштабов контрабандной торговли и торговли оружием.

Правление М. Зия уль-Хака – один из ключевых периодов в истории страны. Все, что на тот момент создавалось, складывалось и развивалось как в рамках проводимой программы всеобщей исламизации, так и в силу объективных, не зависящих от политических решений факторов, имело крайне негативное значение для последующего развития Пакистана. Само выдвижение на политическую авансцену генерала, стремившегося претворить в жизнь идею всеобъемлющей исламизации, было далеко не случайным, а закономерным процессом, обусловленным целым рядом обстоятельств внутреннего и внешнего характера. К концу 1970-х гг. наряду с серьезными социально-экономическими переменами в стране из-за краха концепции пакистанского национализма образовался идеологический вакуум, который

стал быстро заполняться исламскими принципами и нормами. Это совпало по времени с подъемом исламизма в мусульманском мире, прежде всего на Ближнем Востоке, к которому в связи с географическим положением, культурными и историческими традициями, а также широким торгово-экономическим сотрудничеством всегда тяготел Пакистан. Кроме того, религиозный фактор изначально играл весомую роль в общественно-политической жизни страны, что было предопределено особенностями государственной идеологии, основанной на теории двух наций, главное в которой — существование особой нации мусульман исторической Индии.

Сам же военный переворот 1977 г. был продолжением процесса бесконечной смены гражданских и военных правителей. Следует отметить, что еще к моменту формирования пакистанской государственности сложились все условия и предпосылки для крайне запутанного и неустойчивого функционирования конституционно-парламентской демократии Пакистана в последующие годы. В отличие от известной своей демократической системой Индии, с которой страну связывают общие история и культура, механизмы государственного управления Пакистана всегда было присуще гипертрофированное значение неполитических сил (прежде всего военной и гражданской бюрократии), обусловленное менее развитыми традициями политической жизни и борьбы, а также большим общественным весом и количественным превосходством офицерства и чиновничества над слоем профессиональных политиков в северо-западной части Британской Индии. Таким образом, правление военного режима М. Зия уль-Хака — вполне логичный этап его истории.

Что касается позиций армии и роли религии в обществе, то ситуация в Пакистане в значительной степени сходна с положением дел во многих государствах мусульманского мира, где основное противоборство за политическое доминирование сводится к борьбе по линии «военные—исламисты». Нынешнее пакистанское правительство выступает с позиций умеренного ислама и совместно с ВС страны ведет решительную борьбу против исламского экстремизма и радикализма. Несмотря на это, у правительства и генералитета есть серьезные расхождения по широкому кругу вопросов, что вынуждает военных отстаивать свои позиции в сферах, представляющих для них стратегический интерес, путем применения различных рычагов воздействия. Таким образом, конфликт по линии «гражданские—военные» (пусть и в латентной форме) продолжает оставаться неотъемлемой частью общественно-политической жизни Пакистана.

Проблема современных восточных обществ заключается в том, что наряду с либерализацией политических режимов зачастую происходит интенсификация усилий религиозных радикалов по обеспечению себе доступа во властные структуры. Позитивен в этом плане процесс перехода власти от военного режима П. Мушаррафа к демократически избранным представителям светской партии ПНП, которые сформировали новое коалиционное правительство: демонтаж диктатуры не привел к изменению расстановки сил в пользу правоконсервативных партий. Развитие государства на современном этапе — наглядное доказательство того, что Пакистан движется по пути постепенного преодоления так называемого «зияульхаковского наследия». Однако стране потребуется еще много времени, чтобы положить конец тем острым проблемам, серьезным вызовам и угрозам пакистанскому обществу, которые уходят своими корнями в период правления военного режима Зия уль-Хака.

Библиография

Источники

Конституция Пакистана [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pakistani.org/pakistan/constitution/>.

Полный текст 18-й поправки к Конституции Пакистана. Constitution (Eighteenth Amendment) Act, 2010 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.pakistani.org/pakistan/constitution/amendments/18amendment.html>.

Bhutto Benazir. *Daughter of Destiny: An Autobiography* / Benazir Bhutto. – New York: Harper Perennial, 2008. – 480 p.

Bhutto Benazir. *Reconciliation: Islam, Democracy and the West* / Benazir Bhutto. – New York: HarperCollins, 2009. – 352 p.

Doerner, William, Munro, Ross. *Pakistan Knocking at the Nuclear Door* / William Doerner, Ross Munro // *Time magazine*. – 30 March 1987. – Vol.129. – № 13.

EU Election Observation Mission Final Report on Pakistan National and Provincial Assembly Election 2002 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.eucom.eu/files/dmfile/FINALREPORT.pdf>.

IHRO Terms Polls as Best Effort by Election Commission / APP [Electronic resource]. – 13 October 2002. – Mode of access: http://www.pak.gov.pk/public/news/news2002/appnews2002/app14_october.htm#3.

Pakistan: Madrasas, Military and Extremism. *Asia Report N°36*. International Crisis Group report [Electronic resource]. – 29 July 2002. – Mode of access: <https://www.crisisgroup.org/asia/south-asia/pakistan/pakistan-madrasas-extremism-and-military>.

Khan, Imran. *Pakistan: a Personal History* / Imran Khan. – London: Bantam Press, 2011. – 448 p.

Musharraf, Pervez. *In the Line of Fire. A Memoir* / Pervez Musharraf. – London: Free Press, 2006. – 368 p.

National Security Council: a Debate on Institutions and Processes for Decision-Making on Security Issues. Discussion Paper // Pakistan Institute of Legislative Development and Transparency (PILDAT). – April 2012. – P. 22–23.

Pakistan Economic Update July 2002-June 2003 / Asian Development Bank [Electronic resource]. – August 2003. – Mode of access: http://www.adb.org/documents/economic_updates/PAK/default.asp?p=prmpub.

Pakistan Parliamentary Chamber: National Assembly. Elections held in 2002 / IPU [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.ipu.org/parline-e/reports/arc/2241_02.htm.

Pakistan: the Mullahs and the Military / International Crisis Group [Electronic resource]. – ICG Asia report № 49. – 20 March 2003. – Mode of access: <https://d2071andvip0wj.cloudfront.net/49-pakistan-the-mullahs-and-the-military.pdf>.

Pakistan's Local Polls: Shoring Up Military Rule / International Crisis Group [Electronic resource]. – Asia Briefing N°43. – 22 November 2005. – Mode of access: <https://www.crisisgroup.org/asia/south-asia/pakistan/pakistans-local-polls-shoring-military-rule>.

President Address to the Nation, before Referendum, 29 April 2002. Chronicle | Our leader – Musharraf [Electronic resource]. – Mode of access: <http://presidentmusharraf.wordpress.com/2006/09/05/musharraf-referendum-2002/>.

President at International Defence Exhibition Seminar 2006. Chronicle/Our leader – Musharraf [Electronic resource]. – Mode of access: <http://presidentmusharraf.wordpress.com/2006/08/18/musharraf-defence-exhibition-2006/>.

President General Pervez Musharraf's Address to the Nation, January 12, 2002. South Asia Terrorism Portal [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.satp.org/satporgtp/countries/pakistan/document/papers/2002Jan12.htm>.

President's Address to Nation – 7 point agenda and future course. 17 October 1999. Chronicle | Our leader – Musharraf [Electronic resource]. – Mode of access: <http://presidentmusharraf.wordpress.com/2007/07/10/address-nation-7-point-agenda/>.

Sher Baz Khan. Punjab Dominance in Army Being Reduced: ISPR / The Dawn, Internet edn. [Electronic resource]. – 14 September 2007. – Mode of access: <http://www.dawn.com/2007/09/14/top13.htm>.

Text of Supreme Court judgment / The Dawn, Internet edn. [Electronic resource]. – 31 July 2009. – Mode of access: <http://www.dawn.com/news/889917/text-of-supreme-court-judgment>.

The Conduct of General Elections Order, 2002 (Chief Executive's Order № 7 of 2002) [Electronic resource]. – Mode of access: <http://ecp.gov.pk/ElectionLaws/GeneralElectionsOrder2002.aspx>.

The Cost of War, Afghan Experiences of Conflict 1978–2009 / BBC News, Internet edn. [Electronic resource]. – Mode of access: http://news.bbc.co.uk/2/shared/bsp/hi/pdfs/18_11_09_oxfam_afghan.pdf.

General Elections 2002 / The Story of Pakistan [Electronic resource]. – Mode of access: <http://storyofpakistan.com/general-elections-2002/>.

Zafar M. How Pakistan Army moved into the Political Arena / M. Zafar // Defence Journal [Electronic resource]. – September 2001. – Mode of access: <http://www.defencejournal.com/2001/september/arena.htm>.

Литература

Авторитаризм и демократия в развивающихся странах / В.Г. Хорос, Г.И. Мирский, К.Л. Майданик и др.; отв. ред. В.Г. Хорос. – М.: Наука, 1996. – 334 с.

Алаев Л.Б. История Индии / Л.Б. Алаев, А.А. Вигасин, А.Л. Сафронова. – М.: Дрофа, 2010. – 542 с.

Арбатова А.Г., Чуфрина Г.И. О ракетно-ядерной программе Пакистана. Ядерное нераспространение в Южной Азии / А.Г. Арбатова, Г.И. Чуфрина. – М.: Центр Карнеги, 2005. – 33 с.

В.М. Ахмедов. Армия и власть на Ближнем Востоке: от авторитаризма к демократии / Ахмедов В.М. – М.: Институт Ближнего Востока, 2002. – 402 с.

Белокреницкий В.Я. Гражданское общество в Пакистане: формирование и специфические черты / В.Я. Белокреницкий // Государство, общество, международные отношения на мусульманском Востоке; [отв. ред. В.Я. Белокреницкий, Н.Ю. Ульченко]. – М.: ИВ РАН, Крафт+, 2014. – С. 89–195.

Белокреницкий В.Я. Исламизация общества и диффузия власти в Пакистане / В.Я. Белокреницкий // журнал Восток. – 2013. – № 5. – С. 5–18.

Белокреницкий В.Я. Исламистский радикализм в Пакистане: факторы, циклы и этапы / Белокреницкий В.Я. // Азия и Африка сегодня. – 2016 г. – № 5. – С. 13–19.

Белокреницкий В.Я. Исламский радикализм Пакистана: Эволюция и роль в регионе / В.Я. Белокреницкий // Центральная Азия и Кавказ. – СПб, 2000. – № 6(12). – С. 116–131.

Белокреницкий В.Я. Между индийским молотом и афганской наковальней / В.Я. Белокреницкий // Международные процессы. – май – август 2011. – Том 9. – № 2(26). – С. 105–111.

Белокреницкий В.Я. Особенности национализма и наций-государств на Востоке, в исламском мире (пример Пакистана) / В.Я. Белокреницкий // Нации и национализм на мусульманском Востоке; [отв. ред. В.Я. Белокреницкий, Н.Ю., Ульченко]. – М.: ИВ РАН, 2015. – С. 15–34.

Белокреницкий В.Я. Третья отставка премьер-министра Пакистана: причины и последствия / В.Я. Белокреницкий // Международный дискуссионный клуб «Валдай» [Электронный ресурс]. – 11 августа 2017. – Режим доступа: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/tretya-otstavka-premera-pakistana/>

Белокреницкий В.Я. Центр силы или источник нестабильности. Диалектика современного Пакистана / В.Я. Белокреницкий // Россия в глобальной политике. – 2013. – № 2. – март-апрель 2013. – С. 138–150.

Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. История Пакистана XX век / В.Я. Белокреницкий, В.Н. Москаленко. – М.: ИВ РАН, Крафт+, 2008. – 560 с.

Белокреницкий В.Я. Южная Азия в мировой политике / В.Я. Белокреницкий, В.Н. Москаленко, Т.Л. Шаумян. – М.: Международные отношения, 2003. – 365 с.

Белокреницкий В. Я., Сикоев Р. Р. Авторитаризм и демократия в условиях Афганистана и Пакистана / В. Я. Белокреницкий, Р. Р. Сикоев. – М.: ИВ РАН, Крафт+, 2013. – 176 с.

Белокреницкий В. Я., Сикоев Р. Р. Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана / В. Я. Белокреницкий, Р. Р. Сикоев. – М.: ИВ РАН, Крафт+, 2014. – 216 с.

Восток и политика: Политические системы, политические культуры, политические процессы: науч.-метод. комплекс; изд. 2-е, испр. и доп. / под ред. А. Д. Воскресенского. – М.: МГИМО-Университет, 2015. – 624 с.

Восток/Запад: Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений: учеб. пособие для вузов / под ред. А. Д. Воскресенского. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 528 с.

Ганковский Ю. В. Нестабильность становится перманентной / Ю. В. Ганковский // Азия и Африка сегодня. – 1999. – № 4. – С. 18–22.

Гареева Г. И. Исламский фундаментализм и опыт государственного строительства в Пакистане / Г. И. Гареева // Ислам и политика. – М.: ИВ РАН, Крафт+, 2001. – С. 231–237.

Жмуйда И. В. Итоги исламизации экономики Пакистана / И. В. Жмуйда // Ислам на современном Востоке; [отв. ред. В. Я. Белокреницкий, А. З. Егорин]. – М.: ИВ РАН, Крафт+, 2004. – С. 406–415.

Жмуйда И. В. Пакистан: экономические диспропорции и региональная политика государства / И. В. Жмуйда, М. Ю. Морозова, Шах Наваз – М.: Научная книга, 2007. – 240 с.

Замараева Н. А. Армия и демократические институты в современном Пакистане / Н. А. Замараева // Нация и национализм на мусульманском Востоке. – М.: ИВ РАН, 2015. – С. 312–327.

Замараева Н. А. Армия и демократические институты в Пакистане (2015–2017 гг.) / Н. А. Замараева // Мусульманский мир на исторических рубежах России. – М.: ИВ РАН, 2017. – Вып. 5. – С. 446–461.

Замараева Н. А. Взаимоотношения пакистанской армии и гражданских государственных структур (2008–2012) / Н. А. Замараева // Государство, общество, международные отношения на мусульманском Востоке (Афганистан, Иран, Пакистан, Турция, этнический Курдистан, соседние мусульманские районы). – М.: ИВ РАН, Крафт+, 2014. – С. 123–141.

Замараева Н. А. Пакистано-афганские отношения в региональном измерении / Н. А. Замараева // Афганистан и Пакистан: современное состояние и перспективы развития; [отв. ред. М. Р. Арунова]. – М.: ИВ РАН, 2012. – С. 54–75.

Замараева Н. А. Пакистан-Индия: Противоречия и вызовы процессу нормализации отношений / Н. А. Замараева // Индия: перспективы современного развития, внутренний, региональный и глобальный аспекты; [под ред. Т. Л. Шаумян, В. П. Кашина, Н. Б. Лебедевой, Т. О. Свиначук, С. Л. Рабей]. – М.: ИВ РАН, 2013. – С. 425–453.

Замараева Н. А. Пакистан: от военно-гражданской формы правления к гражданской / Н. А. Замараева // Центр Азия [Электронный ресурс]. – 13 декабря 2008. – Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1229289840>

Замараева Н. А. Пакистан: роль армии в жизни страны / Н. А. Замараева // Новое восточное обозрение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.journal-neo.org/2014/11/30/pakistan-rol-armii-v-zhizni-strany/>.

Замараева Н. А. Политическая борьба в Пакистане (2008–2009 гг.) / Н. А. Замараева // Ближний Восток и современность. – Вып. 41. – М.: ИВ РАН, Крафт+, 2010. – С. 213–228.

Замараева Н. А. Сто дней президентства Первеза Мушаррафа. Непросчитанные политические риски / Н. А. Замараева // ЦентрАзия [Электронный ресурс]. – 7 марта 2008. – Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1204900740>

Замараева Н. А. Усиление исламского экстремизма в Пакистане в 2008–2010 гг. / Н. А. Замараева // Мусульманское пространство по периметру границ Кавказа и Центральной Азии. – М.: ИВ РАН, 2012, Крафт+. – С. 179–201.

История стран Азии и Африки после Второй мировой войны. Учебник. Часть 1–2 / под ред. С. И. Лунёва. – М.: МГИМО Университет, Юрайт, 2016. – 430 с.

Каменев С. Н. Экономическое развитие Пакистана (1947–2012 гг.): макроэкономический анализ / С. Н. Каменев. – М.: ИВ РАН, Крафт+, 2014. – 384 с.

Каменев С. Н. Исламизация экономики Пакистана / С. Н. Каменев // Ислам и политика (Взаимодействие ислама и политики в странах Ближнего и Среднего Востока, на Кавказе и в Центральной Азии); [отв. ред. В. Я. Белокрепницкий, А. З. Егорин]. – М.: ИВ РАН, 2001. – С. 385–396.

Кепель Ж. Джихад. Экспансия и закат исламизма / Ж. Кепель. – М.: Ладомир, 2004 г. – 468 с.

Конфликты на Востоке: этнические и конфессиональные: учеб. пособие для вузов / под ред. А. Д. Воскресенского. – М.: Аспект Пресс, 2008. – 512 с.

Кравченко В. В. Некоторые черты и особенности исламизации в Пакистане / В. В. Кравченко // Ислам на современном Востоке. – М.: ИВ РАН Крафт+, 2004. – С. 166–180.

Крук Д. М. Исламистский терроризм в свете отношений Запад–Восток / Д. М. Крук. – М.: Кольцо-М, 2006. – 143 с.

Лунев С. И. Дипломатия в Южной Азии / С. И. Лунев – М.: Наука, 1993. – 194 с.

Лунев С. И. Международные отношения в Южной Азии / С. И. Лунев // Современные международные отношения: учебное пособие; [отв. ред. А. В. Торкунов]. – М., 1998. – С. 330–348.

Малышева Д. Б. Религиозный фактор в вооруженных конфликтах современности: развивающиеся страны Азии и Африки в 70–80-е годы / Д. Б. Малышева. – М.: Наука, 1991. – 192 с.

Мелехина Н. В. Афганская политика Пакистана: вчера, сегодня и завтра / Н. В. Мелехина // Востоковедный сборник; [отв. ред. А. В. Федорченко, А. О. Филоник]. – Вып. 3. – М.: Институт Ближнего Востока, 2002. – С. 66–76.

Мелехина Н. В. Кашмирский кризис 2016 г.: внутривосточный, региональный и международный аспекты / Н. В. Мелехина // Мусульманский мир на исторических рубежах России. – М.: ИВ РАН, 2017. – Вып.5. – С. 351–364.

Мелехина Н. В. Исламорадикализм и экстремизм в сепаратистском движении Кашмира / Н. В. Мелехина // Пакистан, страны Южной Азии и Среднего Востока: история и современность; [отв. ред. В. Я. Белокреницкий, С. Н. Каменев, В. Н. Москаленко]. – М.: Научная книга, 2004. – С. 150–169.

Мирский Г. И. Роль армии в политической жизни стран «третьего мира» / Г. И. Мирский. – М.: Наука, 1989. – 198 с.

Москаленко В. Н. Восстановление гражданского правления в Пакистане / В. Н. Москаленко // Специальный бюллетень ИВ РАН. – № 3. – М., 1990. – С. 40–44.

Москаленко В. Н. Исламский радикализм и этнический регионализм в Пакистане / В. Н. Москаленко // Ислам на современном Востоке. – М.: ИВ РАН, Крафт+, 2004. – С. 248–258.

Москаленко В. Н. Пакистан и Афганистан: Прошлое и настоящее / В. Н. Москаленко // Афганистан и сопредельные страны. – М.: Институт Ближнего Востока, 2003. – С. 24–50.

Москаленко В. Н. Политическая роль пакистанской армии / В. Н. Москаленко // Армия и власть на Ближнем Востоке: от авторитаризма к демократии. – М.: Институт Ближнего Востока, 2002. – С. 323–356.

Москаленко В. Н. Политическая ситуация в Пакистане / В. Н. Москаленко // Пакистан, страны Южной Азии и Среднего Востока: история и современность; [отв. ред. В. Я. Белокреницкий, С. Н. Каменев, В. Н. Москаленко]. – М.: Научная книга, 2004. – С. 50–51.

Москаленко В. Н. Российско-пакистанские отношения и ислам – проблемы и перспективы / В. Н. Москаленко // Россия и исламский мир: историческая ретроспектива и современные тенденции. – М.: ИВ РАН, Крафт+, 2010. – С. 63–79.

Москаленко В. Н., Топычканов П. В. Исламская Республика Пакистан. Эволюция избирательной системы / В. Н. Москаленко, П. В. Топычканов // Журнал о выборах. Москва, ЦИК РФ. – 2006. – № 3. – С. 18–23.

Москаленко В. Н., Топычканов П. В. Правовой кризис в Пакистане / В. Н. Москаленко, П. В. Топычканов // Институт Религии и Политики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://i-r-p.ru/page/stream-exchange/index-12232.html>.

Москаленко В. Н., Топычканов П. В. Пакистан: президентские выборы 2007 г. и современная политическая ситуация / В. Н. Москаленко, П. В. Топычканов // Ближний Восток и современность. – Вып. 35. – М.: Научное издание, 2008. – С. 164–166.

Москаленко В. Н., Топычканов П. В. Сила и слабость Пакистана / В. Н. Москаленко, П. В. Топычканов. – М.: Московский центр Карнеги, 2013. – 73 с.

Мусульманский мир на исторических рубежах России / Отв. ред. В. Я. Белокреницкий, Н. Ю. Ульченко. – М.: ИВ РАН, 2017. – Вып.5. – С. 351–364.

Мусульманские страны у границ СНГ (Афганистан, Иран, Пакистан, Турция – современное состояние и перспективы) / Отв. ред. В. Я. Белокреницкий, А. З. Егорин. – М.: ИВ РАН, Крафт+, 2002. – 336 с.

Мусульманское пространство по периметру границ Кавказа и Центральной Азии / Отв. ред. В. Я. Белокреницкий, Н. Ю. Ульченко. – М.: ИВ РАН, Крафт+, 2012. – 552 с.

Наумкин В. В. Исламский мир в политике и культуре / В. В. Наумкин // Арабский мир, ислам и Россия: прошлое и настоящее (избранные главы, статьи, лекции, доклады). – М.: ИВ РАН, 2013 г. – С. 270–286.

Наумкин В. В., Кузнецов В. А. Исламский мир и исламские организации в современной мирополитической системе / В. В. Наумкин, В. А. Кузнецов // Россия и мусульманский мир. – № 5 (263). – М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2014. – С. 143–171.

Наумкин В. В. Исламский радикализм в зеркале новых концепций и подходов / В. В. Наумкин // Россия и мусульманский мир. – № 7. – М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2006. – С. 182–215.

Наумкин В. В. Концепция мусульманской уммы: от религии к национализму и глобализму / В. В. Наумкин // Арабский мир, ислам и Россия: прошлое и настоящее (избранные главы, статьи, лекции, доклады). – М.: ИВ РАН, 2013 г. – С. 255–262.

Пакистан в современном мире. Сборник статей / Колл. авторов. – М.: Научная книга, ИВ РАН, 2005. – 360 с.

Пакистан, страны Южной Азии и Среднего Востока: история и современность: сборник статей памяти Ю. В. Ганковского / под ред. В. Я. Белокреницкого, С. Н. Каменева и В. Н. Москаленко. – М.: ИВ РАН, 2004. – 271 с.

Пакистан. Справочник / Отв. ред. Ю. В. Ганковский. – М.: Наука, 1991. – 256 с.

Плешов О. В. Ислам и политическая культура в Пакистане / О. В. Плешов. – М.: ИВ РАН, Крафт+, 2005 г. – 235 с.

Плешов О. В. Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане / О. В. Плешов. – М.: ИВ РАН, Крафт+, 2003 г. – 256 с.

Плешов О. В. Исторические корни политического ислама в Пакистане / Ближний Восток и современность. № 19, М., 2003 – с. 290–299.

Плешов О. В. Традиционное общество и политическая культура в Исламской Республике Пакистан / О. В. Плешов // Ислам на современном Востоке. – М.: ИВ РАН, Крафт+, 2004. – С. 153–160.

Политические системы современных государств: Энциклопедический справочник: в 4 т. Т. 2: Азия / МГИМО (У) МИД России, ИНОП; гл. редактор А. В. Торкунов; науч. редактор А. Ю. Мельвиль; отв. редактор М. Г. Миронюк. – М.: Аспект Пресс, 2012. – 599 с.

Политология: Учебник / А. А. Дегтярёв, А. Ю. Мельвиль, М. Г. Миронюк, и др.; под ред. А. Ю. Мельвиля. – М., Проспект, 2014. – 624 с.

Серенко И. Н. Национальная система образования в Пакистане: трансформация или регресс? / И. Н. Серенко // Ближний Восток и современность (сборник статей). – Вып. 43. – М.: ИВ РАН, 2011. – С. 239–249.

Серенко И. Н. Система образования в Исламской Республике Пакистан / И. Н. Серенко. – М.: Научная книга, 2006. – 160 с.

Сотников В. И. «Исламская бомба» Пакистана и ее актуальность в связи с угрозами международного терроризма / В. И. Сотников // Ислам на современном Востоке: Регион стран Ближнего и Среднего Востока, Южной и Центральной Азии. – М.: ИВ РАН, 2004. – С. 322–336.

Сотников В. И. Куда идет Пакистан? / В. И. Сотников // Россия в глобальной политике. – № 4. – 7 августа 2010.

Сотников В. И. Ядерная доктрина Пакистана, индийско-пакистанское ядерное противостояние и национальные интересы России / Сотников В. И. // Ближний Восток и современность. – Вып. 41. – М.: ИВ РАН, Крафт+, 2010. – С. 255–273.

Сотников В. И. Ядерная проблема в индийско-пакистанских отношениях (вторая половина XX – начало XXI века) / В. И. Сотников. – М.: Научная книга, 2003. – 256 с.

Топычканов П. В. Выборы в Пакистане: итоги / П. В. Топычканов // Московский Центр Карнеги [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://carnegie.ru/publications/?fa=51785>.

Топычканов П. В. Красная мечеть требует, угрожает и действует / П. В. Топычканов // Независимая газета [Интернет изд.]. – 20 июня 2007. – Режим доступа: http://www.ng.ru/ng_religii/2007-06-20/6_mechet.html.

Туровская А. А. Роль армии в политическом развитии Турецкой Республики и Исламской Республики Пакистан после Второй мировой войны. Сравнительный анализ: диссертация на соискание степени кандидата исторических наук: 07.00.15 / МГИМО (У) МИД России. – М., 2014. – 179 с.

Федоров В. А. Армия и модернизация в странах Востока / В. А. Федоров. – М.: ИВ РАН, 1999. – 171 с.

Федоров В. А. Эволюция авторитарных режимов на Востоке / В. А. Федоров. – М.: Наука, Восточная литература, 1992. – 202 с.

Филимонова А. Л. Исламский фактор в этническом движении пуштунов Пакистана / А. Л. Филимонова // Исламский фактор в истории и современности. – М.: ИВ РАН, Восточная литература, 2011. – С. 352–359.

Филимонова А. Л. Пакистан: усиление политического влияния Верховного суда / А. Л. Филимонова // Государство, общество, международные отношения на мусульманском Востоке (Афганистан, Иран, Пакистан, Турция, этнический Курдистан, соседние мусульманские районы). – М.: ИВ РАН, Крафт+, 2014. – С. 116–122.

Хрусталев М. А. Диверсионно-террористическая война как военно-политический феномен / М. А. Хрусталев // Международные процессы. – Том 1. – № 2 (2). – май-август 2003. – С. 55–67.

Чекризова О. П. Исламский радикализм и экстремизм в Пакистане в конце XX – начале XXI в. / О. П. Чекризова. – М.: ИВ РАН, 2016. – 252 с.

Чекризова О. П. Исламский радикализм и экстремизм в Пакистане / О. П. Чекризова // Государство, общество, международные отношения на мусульманском Востоке (Афганистан, Иран, Пакистан, Турция, этнический Курдистан, соседние мусульманские районы). – М.: ИВ РАН, Крафт +, 2014. – С. 224–237.

Чекризова О. П. Особенности эволюции исламского радикализма в Пакистане / О. П. Чекризова // Вестник МГИМО-Университета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vestnik.mgimo.ru/razdely/politologiya/osobennosti-evolyucii-islamskogo-radikalizma-v-pakistanе>.

Чекризова О. П. Пакистан. Радикализация «народного» ислама. Обострение борьбы суннитских школ и организаций / О. П. Чекризова // Азия и Африка сегодня. – № 10. – 2013. – С. 62–67.

Эволюция политических систем на Востоке (Иран, Пакистан, Турция: традиции и демократизация) / под ред. В. И. Данилова. – М.: ИВ РАН, 1999. – 248 с.

Энциклопедия Пакистана / под ред. Ю. В. Ганковского. – М.: Фундамент Пресс, 1998. – 640 с.

Этносы и конфессии на Востоке: конфликты и взаимодействие / под ред. А. Д. Воскресенского. – М.: МГИМО, 2005. – 576 с.

Южная Азия: конфликты и геополитика / под ред. В. Я. Белокреницкого. – М.: ИВ РАН, 1999. – 173 с.

Abou Zahab, Mariam, Roy, Olivier. Islamist Networks: The Afghan-Pakistan Connection / Mariam Abou Zahab, Olivier Roy. – New York: Columbia University Press, 2004. – 88 p.

Ahmed, Khaled. Religious Developments in Pakistan 1999–2008 / Khaled Ahmed. – Lahore: Vanguard Books, 2010. – 325 p.

Ali, Tariq. The Duel: Pakistan on the Flight Path of American Power / Tariq Ali. – New York: Simon & Shuster Inc., 2012. – 336 p.

General Arif Khalid Mahmud. Khaki Shadows: Pakistan 1947–1997 / General Khalid Mahmud Arif. – Karachi: Oxford University Press, 2001. – 452 p.

Ayaz, Babar. What's wrong with Pakistan / Babar Ayaz. – New Delhi: Hay House Publishers, 2013. – 364 p.

Aziz, Khurshid Kamal. The Murder of History in Pakistan / Khurshid Kamal Aziz. – Lahore: Vanguard Books, 1993. – 278 p.

Bahadur, Kalim. Democracy in Pakistan: Crises and Conflicts / Kalim Bahadur. – New Delhi: Har-Anand Publications Pvt Ltd. – 329 p.

Baxter, Craig. Pakistan on the Brink: Politics, Economics and Society / Craig Baxter. – Lanham: Lexington Press, 2004. – 277 p.

Baxter, Craig. Zia's Pakistan: Politics and Stability in a Frontline State / Craig Baxter. – Boulder: Westview Press, 1985. – 122 p.

Bhattacharya, Pinaki. Pakistan: Unstable Country / Pinaki Bhattacharya // AAKROSH, Asian journal on terrorism and internal conflicts; [ed. Maj. Gen. (Retd.) Afsir Karim]. – Vol. 14. – № 50. – January 2011. – P. 47–50.

Bindra, Sukhawant Singh. Determinants of Pakistan's Foreign Policy / Sukhawant Singh Bindra. – New Delhi, 1988. – 372 p.

Blood, Peter R. Pakistan: A Country Study / Peter R. Blood. – Washington: Federal Research Division, Library of Congress, 1995. – 398 p.

Brig. Yousaf, Mohammad, Major Adkin, Mark. The Bear Trap: Afghanistan's Untold Story / Brig. Mohammad Yousaf, Major Mark Adkin. – Lahore: Jang Publishers, 1992. – 243 p.

Burki, Shahid Javed. Pakistan. A Nation in the Making / Shahid Javed Burki. – Karachi: Oxford University Press, 1986. – 226 p.

Cohen, Stephen P. Shooting for a Century: The India-Pakistan Conundrum / Stephen P. Cohen. – Washington: Brookings Institution Press, 2013. – 236 p.

Cohen, Stephen P. India, Pakistan and Kashmir / Stephen P. Cohen // Journal of Strategic Studies. – Vol.25. – № 4. – 2002. – P. 32–60.

Cohen, Stephen P. Solving Proliferation Problems in a Regional Context: South Asia / Stephen P. Cohen // New Threats. Responding to the Proliferation of Nuclear, Chemical and Delivery Capabilities in the Third World. – New York: University Press of America, 1990. – 286 p.

Cohen, Stephen P. The Idea of Pakistan / Stephen P. Cohen. – Washington: Brookings Institution Press, 2004. – 382 p.

Coll, Steve. Ghost Wars: the Secret History of the CIA, Afghanistan, and Bin Laden, from the Soviet Invasion to September 10, 2001 / Steve Coll. – Harmondsworth: Penguin Press. – 695 p.

Cordovez, Diego, Harrison, Selig S. Out of Afghanistan: the Inside Story of the Soviet Withdrawal / Diego Cordovez, Selig S. Harrison. – New York: Oxford University Press, 1995. – 472 p.

Dixit J.N. India-Pakistan in War & Peace / J.N. Dixit. – London: Routledge Publishers, 2002. – 501 p.

Fish, M. Steven. Islam and Authoritarianism / M. Steven Fish // World Politics (A Quarterly Journal of International Relations). – Vol. 55. – № 1. – October 2002. – P. 4–37.

Gartenstein-Ross, Daveed. Fixing our Pakistan Problem / Daveed Gartenstein-Ross // The Journal of International Security Affairs [Electronic resource]. – 2009. – № 16. – Mode of access: <http://www.securityaffairs.org/issues/2009/16/gartenstein-ross.php>.

Gates, Robert Michael. From the Shadows: The Ultimate Insider's Story of Five Presidents and How They Won the Cold War / Robert Michael Gates. – New York: Simon and Shuster, 1996. – 604 p.

Gayer, Laurent. Karachi: Ordered Disorder and the Struggle for the City / Laurent Gayer. – New Delhi: Harper Collins Publishers India, 2014. – 336 p.

Gregory, Shaun. Democratic Transition and Security in Pakistan / Shaun Gregory. – New York: Routledge, 2016. – 297 p.

Haqqani, Husain. *Pakistan: Between Mosque and Military* / Husain Haqqani. – Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2010. – 397 p.

Hewitt, Vernon. *The New International Politics of South Asia: Second Edition* / Vernon Hewitt. – Manchester: Manchester University Press, 1997. – 299 p.

Hussain, Mushahid. *Pakistan's Politics: The Zia years* / Mushahid Hussain. – Lahore: Progressive Publishers, 1990. – 293 p.

Hussain, Yasir. *The Assassination of Benazir Bhutto* / Yasir Hussain. – New Delhi: Epitome Books, 2008. – 228 p.

Hussain, Zahid. *Frontline Pakistan: the Path to Catastrophe and the Killing of Benazir Bhutto* / Zahid Hussain. – New Delhi: Penguin Books, 2007. – 397 p.

Is non-Western democracy possible? A Russian perspective / ed. A.D. Voskresensky. – Singapore: World Scientific, 2017. – 738 p.

Jones, Owen Bennett. *Pakistan: Eye of the Storm* / Owen Bennett Jones. – New Delhi: Penguin Books, 2005. – 340 p.

Kapur, Ashok. *Pakistan Nuclear Development* / Ashok Kapur. – New York: Routledge Kegan & Paul, 1987. – 265 p.

Kashmiri, Khalid. *The Political Contradictions of General Zia* / Khalid Kashmiri. – Lahore: Aks-e-Jahan Publications, 1995.

Kasturi, Bhashyam. *General Kayani and the Future of Pakistan* / Bhashyam Kasturi // AAKROSH, Asian journal on terrorism and internal conflicts; [ed. Maj. Gen. (Retd.) Afsir Karim]. – Vol. 14. – № 52. – July 2011. – P. 9–22.

Kennedy, Charles H. *The Politics of Ethnicity in Sindh* / Charles H. Kennedy // Asian Survey. – Vol.31. – № 10 (October 1991). – P. 938–955.

Kux, Dennis. *The United States and Pakistan, 1947–2000: Disenchanted allies* / Dennis Kux. – Baltimore, Md.: Johns Hopkins University Press, 2001. – 470 p.

Lamb, Christina. *Waiting for Allah: Pakistan's Struggle for Democracy* / Christina Lamb. – New Delhi: Viking, 1991. – 315 p.

LaPorte Jr., Robert. *Pakistan in 1996: Starting Over Again* / Robert LaPorte Jr. // Asian Survey. – Vol.37. – № 2. – February 1997. – P. 118–125.

Levy, Bernard-Henri. *Who killed Daniel Pearl?* / Bernard-Henri Levy. – NJ: Melville House, 2005. – 478 p.

Levy, Adrian, Scott-Clark, Cathy. *The Meadow: Kashmir 1995 – Where the Terror Began* / Adrian Levy, Cathy Scott-Clark. – London: Harper Press, 2012. – 528 p.

Lieven, Anatol. *Pakistan: A Hard Country* / Anatol Lieven. – New York: Public Affairs, 2011. – 558 p.

Lieven, Anatol. *The Pressures on Pakistan* / Anatol Lieven // Foreign Affairs. – Vol. 81. – № 1. – January/February 2002. – P. 106–118.

Looney, Robert E. *Pakistan's Economy: Achievements, Progress, Constraints and Prospects in Pakistan* / Robert E. Looney // *Pakistan: Founder's Aspirations and Today's Reality*; ed. by H. Malik. – Oxford: Oxford University Press, 2001. – P. 195–243.

Malik, Iftikhar Haider. *State and Civil Society in Pakistan: Politics of Authority, Ideology and Ethnicity* / Iftikhar Haider Malik. – Basingstoke: St. Martin's Press, 1997. – 368 p.

Malik, Iftikhar Haider. *The History of Pakistan* / Iftikhar Haider Malik. – London: Greenwood Press, 2008. – 237 p.

Malik, Iftikhar Haider. *Pakistan: Democracy, Terror and the Building of a Nation* / Iftikhar Haider Malik. – London: New Holland Publishers, 2010. – 208 p.

Malik, S.K. Brigadier. *The Quaranic Concept of War* / Brigadier S.K. Malik. – Lahore: Associated Printers, 1979. – 155 p.

Mishra, Ashutosh. *MMA – Democracy Interface in Pakistan: From Natural Confrontation to Co-habitation?* / Ashutosh Mishra // *Strategic Analysis*, Institute for Defence Studies and Analyses. – Vol. 30. – № 2. – April 2006. – P. 389–391.

Mishra, Ashutosh. *Rise of Religious Parties in Pakistan: Causes and Prospects* / Ashutosh Mishra // *Strategic Analysis*. Institute for Defence Studies and Analyses. – Vol. 27. – Issue 2. – April 2003. – P.186-215.

Naqvi M.B. *Pakistan at Knife's Edge* / M.B. Naqvi. – New Delhi: Lotus Collection, 2010. – 264 p.

Nayar, Kuldip. *Wall at Wagah: India-Pakistan Relations* / Kuldip Nayar. – New Delhi: Gyan Publishing House, 2003. – 345 p.

Price, Sean Stewart. *Benazir Bhutto* / Sean Stewart Price. – Portsmouth: Heinemann Library, 2010. – 112 p.

Rajawat, Mamta. *Kashmir: Shadow of Terrorism* / Mamta Rajawat. – New Delhi: Anmol Publications, 2003. – 449 p.

Rashid, Ahmed. *Pakistan on the Brink: the Future of Pakistan, Afghanistan and the West* / Ahmed Rashid. – New Delhi: Penguin Books, 2012. – 234 p.

Rashid, Ahmed. *Taliban: Militant Islam, Oil and Fundamentalism in Central Asia* / Ahmed Rashid. – New Haven: Yale University Press, 2000. – 249 p.

Razvi, Murtaza. *Musharraf: the Years in Power* / Murtaza Razvi. – New Delhi: Harper Collins Publishers India, 2009. – 243 p.

Rieck, Andreas T. *The Shias of Pakistan: an Assertive and Beleaguered Minority* / Andreas T. Rieck. – Oxford: Oxford University Press, 2015. – 499 p.

Rizvi, Hasan-Askari. *Military, State and Society in Pakistan* / Hasan-Askari Rizvi. – Lahore: Sang-e-Meel, 2003. – 307 p.

Rizvi, Hasan-Askari. *The Military and Politics in Pakistan in 1947–86* / Hasan-Askari Rizvi. – Lahore: Progressive Publishers, 1986. – 356 p.

Roy, Olivier. *Globalized Islam. The Search for a New Ummah* / Olivier Roy. – New York: Columbia University Press, 2004. – 364 p.

Sawhney R. G. *Zia's Pakistan: Implications for India's Security* / R.G. Sawhney. – New Delhi: ABC Pub. House, 1985. – 200 p.

Sayeed, Khalid B. *Politics in Pakistan: the Nature and Direction of Political Change* / Khalid B. Sayeed. – New York: Praeger Publishers, 1980. – 194 p.

Schofield, Carey. Inside the Pakistan Army: a Woman's Experience on the Frontline of the War on Terror / Carey Schofield. – New Delhi: Pentagon Press, 2011. – 232 p.

Shafqat, Saeed. Civil-Military Relations in Pakistan / Saeed Shafqat. – Boulder, Colo.: Westview Press, 1997. – 283 p.

Siddiq, Ayesha. Military Inc. Inside Pakistan's Military Economy / Ayesha Siddiq. – London: Pluto Press, 2007. – 292 p.

Sohail, Asghar. Government of the Intelligence Agencies / Asghar Sohail. – Lahore: Vanguard Books, 1993. – 153 p.

Swami, Praveen. India-Pakistan and the Secret Jihad: the Covert War in Kashmir, 1947–2004 / Praveen Swami. – Oxford: Routledge, 2007. – 258 p.

Talbot, Ian. Pakistan: a Modern History / Ian Talbot. – London: Hurst & Co. (Publishers) Ltd., 2009. – 523 p.

Tankel, Stephen. Storming the World Stage: The Story of Lashkar-e-Taiba / Stephen Tankel. – London: Oxford University Press. – 119 p.

Verkaaik, Oskar. Migrants and Militants: Fun and Urban Violence in Pakistan / Oskar Verkaaik. – Princeton: Princeton University Press, 2004. – 137 p.

Waseem, Mohammad. The 1993 Elections in Pakistan / Mohammad Waseem. – Lahore: Vanguard Books, 2004. – 323 p.

Wilson, John. The General and Jihad: Pakistan Under Musharraf / John Wilson. – New Delhi: Pentagon Press, 2007. – 209 p.

Yasmeen, Samina. Democracy in Pakistan: The Third Dismissal / Samina Yasmeen // Asian Survey. – Vol. 34. – № 6 (June 1994) – P. 572–588.

Ziring, Lawrence. Pakistan in 1989: The Politics of Stalemate / Lawrence Ziring // Asian Survey. – Vol. 30. – № 3 (February 1990). – P. 126–135.

Ziring, Lawrence. Pakistan in 1990: the Fall of Benazir Bhutto // Asian Survey. – Vol. 31. – № 2 (February 1991). – P. 113–124.

Электронные ресурсы

Официальный сайт ресурса «Газета.ру». – Режим доступа: <http://www.gazeta.ru/>.

Официальный сайт газеты «Известия». – Режим доступа: <http://www.izvestia.ru>.

Официальный сайт Российской газеты. – Режим доступа: <http://www.rg.ru>.

Официальный сайт Центра Карнеги. – Режим доступа: <http://www.carnegie.ru>.

Официальный сайт ресурса «ЦентрАзия». – Режим доступа: <http://www.centrasia.ru/>.

Официальный сайт журнала «Aakrosh». – Режим доступа: <http://www.aakrosh.sasfor.com>.

Официальный сайт организации «Amnesty International». – Режим доступа: <http://www.amnesty.org/en/countries/asia-and-the-pacific/pakistan/>.

Официальный сайт фонда «Bahria Foundation». – Режим доступа: <http://bahriafoundation.com>.

Официальный сайт информационного агентства «BBC». – Режим доступа: <http://www.bbc.co.uk>.

Официальный сайт информационного агентства «CNN». – Режим доступа: <http://www.cnn.com>.

Официальный сайт информационного агентства «Dawn». – Режим доступа: <http://www.dawn.pk>.

Официальный сайт Избирательной комиссии Пакистана. – Режим доступа: <http://ecp.gov.pk>.

Официальный сайт предприятия «Fauji Fertilizer Company Ltd.». – Режим доступа: <http://www.ffc.com.pk>.

Официальный сайт газеты «Guardian». – Режим доступа: <http://www.theguardian.com>.

Официальный сайт Пакистанской комиссии по правам человека. – Режим доступа: <http://hrsp-web.org/hrspweb/>.

Официальный сайт информационного агентства «India Today». – Режим доступа: <http://www.indiatoday.intoday.in>.

Официальный сайт института «Institute for Defence Studies and Analyses». – Режим доступа: <http://www.idsa.in>.

Официальный сайт института «Institute of Peace and Conflict Studies». – Режим доступа: <http://www.ipcs.org>.

Официальный сайт организации «International Crisis Group». – Режим доступа: <http://www.crisisgroup.org>.

Официальный сайт предприятия «National Logistics Cell». – Режим доступа: <http://www.nlc.com.pk/websitef.nsf/about.html>.

Официальный сайт газеты «New York Times». – Режим доступа: <http://www.nytimes.com>.

Официальный сайт предприятия «Pak Stanvac Petroleum Project». – Режим доступа: <http://www.mpcl.com.pk>.

Официальный сайт организации «Pakistan Institute of Legislative Development and Transparency». – Режим доступа: <http://www.pildat.org>.

Официальный сайт партии Pakistan Muslim League (Nawaz) / Constitution. – Режим доступа: <http://www.pmln.org/constitution/preamble>.

Официальный сайт партии Pakistan Peoples Party / Manifestos. – Режим доступа: <http://www.ppp.org.pk/pppchange/manifestos.html>.

Официальный сайт партии Pakistan Tehreek-e-Insaf / Manifesto. – Режим доступа: <http://www.insaf.pk/about-us/know-pti/manifesto>.

Официальный сайт фонда «Shaheen Foundation». – Режим доступа: <http://www.shaheenfoundation.com>.

Официальный сайт ресурса «South Asia Terrorist Portal». – Режим доступа: <http://www.satp.org>.

Официальный сайт газеты «The Asian Age». – Режим доступа: <http://www.asianage.com>.

Официальный сайт ресурса «The Diplomat». – Режим доступа: <http://thediplomat.com>.

Официальный сайт журнала «The Economist». – Режим доступа: <http://www.economist.com>.

Официальный сайт газеты «The Hindu». – Режим доступа: <http://www.thehindu.com>.

Официальный сайт газеты «The Hindustan Times». – Режим доступа: <http://www.hindustantimes.com>.

Официальный сайт газеты «The Nation». – Режим доступа: <http://nation.com.pk>.

Официальный сайт газеты «The Pioneer». – Режим доступа: <http://www.dailypioneer.com>.

Официальный сайт газеты «The Telegraph». – Режим доступа: <http://www.telegraph.co.uk>.

Официальный сайт газеты «The Tribune Express». – Режим доступа: <http://www.tribune.com.pk>.

Официальный сайт газеты «Washington Post». – Режим доступа: <http://www.washingtonpost.com>.

Периодические издания

Известия, Москва (Россия);
ИТАР-ТАСС, Москва (Россия);
Российская газета, Москва (Россия);
Aakrosh, Нью-Дели (Индия);
Dawn, Исламабад (Пакистан);
Guardian, Лондон (Великобритания);
India Today, Нью-Дели (Индия);
Indian Observer, Нью-Дели (Индия);
New York Times, Нью-Йорк (США);

The Asian Age, Нью-Дели (Индия);
The Economist, Лондон (Великобритания);
The Hindu, Нью-Дели (Индия);
The Hindustan Times, Нью-Дели (Индия);
The Nation, Исламабад (Пакистан);
The Pioneer, Нью-Дели (Индия);
The Telegraph, Лондон (Великобритания);
The Tribune Express, Исламабад (Пакистан);
The Tribune, Нью-Дели (Индия);
Washington Post, Вашингтон (США).

Научное издание

ВОРОБЬЕВ Владислав Викторович

**ПРАВЛЕНИЕ В ПАКИСТАНЕ М. ЗИЯ УЛЬ-ХАКА:
ОСОБЕННОСТИ И ПОСЛЕДСТВИЯ**

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН*

Публикуется в авторской редакции

Верстка И. В. Федулов

Подписано 31.10.2018
Формат 60х90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 15,0. Уч.-изд. л. 14,7.
Тираж 500 экз. Зак. № 351

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом И. В. Федулов
E-mail: izd@ivran.ru

Отпечатано в типографии ПАО «Т8 Издательские Технологии»
г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5

